

Архив Российской академии наук
Российская академия художеств

А.Г. Толстиков, В.Ю. Афиани

ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТА

(часть 2)

Москва
2017

УДК [001+73/76](47+57)(092)

ББК 72.3+85.1

Т52

ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТА (часть 2). А.Г. Толстикова, В.Ю. Афиани. –
Москва: Архив РАН, Российская академия художеств, 2017

Под редакцией к.х.н. О.В. Толстиковой

Книга «ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТА» (часть 2) посвящена выдающимся отечественным ученым второй половины XX века, академиком Российской академии наук, химикам-органикам Генриху Александровичу Толстикову, Илье Иосифовичу Моисееву, археологу Вячеславу Ивановичу Молодину и академику Российской академии образования, историку-архивисту Сигурду Оттовичу Шмидту, которые в форме диалога рассказывают о наиболее ярких, порой драматических эпизодах своей жизни, связанной с научной деятельностью.

В качестве иллюстраций в настоящем издании использованы репродукции с живописных портретов, написанных с персонажей книги академиком РАН, членом-корреспондентом РАН А.Г. Толстиковым, фотографии из личных архивов ученых, а также авторские фотографии фотохудожников С.Г. Новикова и Б.Г. Сысоева. Значительная часть иллюстративного материала, приведенного в книге, демонстрировалась на документально-художественной выставке «Наука и искусство в лицах. Портреты современников» в залах Архива РАН в апреле 2016 года.

При написании книги были использованы документы, рукописи и фотографии, хранящиеся в Архиве РАН в личном фонде (№ 2228) академика Г.А. Толстикова и личном фонде (№ 2218) профессора С.О. Шмидта.

Авторы выражают благодарность к.и.н. А.В. Мельникову (Архив РАН) за ценные консультации при подготовке главы, посвященной С.О. Шмидту.

Книга предназначена для специалистов и широкого круга читателей.

Вступительная статья академика РАН М.В. Вяжевич

Дизайн и компьютерная верстка: И.С. Лобов

ISBN 978-5-9909105-2-2

© А.Г. Толстикова, 2017 / © В.Ю. Афиани, 2017 / © Архив РАН, 2017

ИНТЕЛЛЕКТ В ИСКУССТВЕ. МЫСЛИ И ОБРАЗЫ

«Я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде... Мои недостатки предстанут здесь, как живое, и весь мой облик таким, каков он в действительности, насколько, разумеется, это совместимо с моим движением к публике». Это высказывание французского философа и писателя эпохи Возрождения Мишеля Монтеня предваряет замечательную книгу воспоминаний академика РАН Генриха Александровича Толстикова «Наполнение души» [1]. Одновременно данная цитата может служить характеристикой всего образного ряда, представленного в серии книг с общим названием «Четыре портрета».

Портретное творчество академика РАХ Александра Толстикова 2000-х годов развивается по двум основным направлениям – это женский и мужской портрет. Два мира, которые в живописном пространстве художника развиваются скорее параллельно, чем пересекаются. Вместе с тем при создании и мужских, и женских образов А.Г. Толстиков использует один и тот же предельно рациональный подход. Он подвергает облик портретируемого внимательному анализу и шаг за шагом структурирует свои наблюдения на холсте.

Интересный вывод о творчестве Толстикова делает искусствовед, председатель секции искусствоведения и критики Санкт-Петербургского Союза художников РФ Ю.В. Мудров в статье «Традиция и эксперимент» к мультимедийному альбому живописи художника: «Творческая эволюция Александра Толстикова любопытна своей нестандартностью. Чаще всего художники начинают познавать и воспринимать окружающий мир, следуя натуре, и лишь потом приходят к идее создания образов-размышлений, а у него получилось наоборот» [2].

Приближение к теме, которую можно было бы условно обозначить «портрет науки», приводит к осознанию того, что мир людей науки существенно обособлен и, в общем-то, закрыт для представителей искусства. Имеется в виду, конечно, не присутствие личных контактов, допускающих общение, дружбу, взаимные интересы, а степень отраженности мира науки в искусстве. Примеров не так уж много. Конечно, в первую очередь, вспоминаются, портреты ученых кисти И.Е. Репина, М.В. Нестерова, П.Д. Корина. Тем не менее, в конце XX века в этом жанре образуется значительная лакуна. Возникает естественный вопрос – неужели в новом XXI

*Академик РАХ,
искусствовед М.В. Вяжевич*

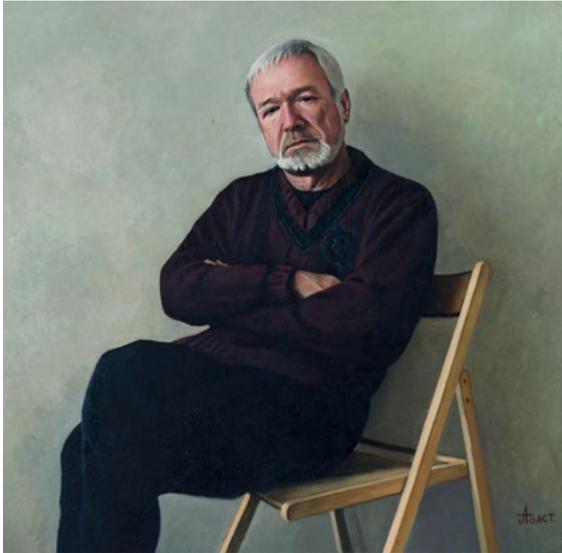
веке интерес художника к ученому может быть продиктован лишь требованиями государственного заказа? Способен ли современный художник подобно, скажем, Михаилу Нестерову писать портреты людей близких ему по духу, тех, чьи личные качества вызывают отклик в его душе?

Портретная галерея Александра Толстикова возрождает плодотворную, но, к сожалению, забытую традицию русского искусства, в русле которой были созданы произведения передающие образы ученых и художников в «максимальном приближении», когда восхищение глубиной характера, силой дарования, интеллекта соединяется со стремлением прикоснуться к тайне творческого потенциала. Здесь уместно вспомнить нестеровское понятие «модель по душе».

Портретный цикл Александра Толстикова – своего рода «галерея посвященных». Особенно явно это ощущение проявляется при чтении глав настоящей книги, написанных от лица самого художника, выступающего в нескольких ролях – автора портретов, автора текстов и автора идеи всего издания. Содержание диалогов то и дело приобретает узко профессиональный характер, оставляя читателя за пределами «зоны доступа». Таким образом, последний оказывается в своего рода интеллектуальном лабиринте, где прошлое переплетается с настоящим и посылает многозначительные сигналы дню сегодняшнему.

Герои портретного цикла А.Г. Толстикова – герои не нашего времени, если считать «нашим» время, в котором, по одному меткому наблюдению, «сам факт потребления является достижением». Их нечасто увидишь в тех средствах массовой информации, которыми питается большинство представителей современного социума. Каждый из портретных образов, представленных в этом издании – окно в неповторимый мир личности, утверждение ее значимости, непреходящей ценности. Как художественная антитеза тому, что «незаменимых людей не бывает».

В портретах художников и ученых А.Г. Толстиков предельно строг и классичен, стремится к максимальной объективности в характеристике внешних черт и внимательному проникновению во внутренний мир портретируемого. Отсюда и нейтральный холодный по тону фон большинства портретов, на котором живописный образ проявляется со всей отчетливостью. Характерный пример, портрет академика РАН В.И. Молодина (2011), выдающегося археолога, явившего современному миру ставшую знаменитой «Принцессу Укока» и обретшего в сибирских далях «меч каролингов». Это один из самых удачных портретов художника – внешнее правдоподобие здесь сочетается с ясностью и спокойной простотой в отражении личности портретируемого. При взгляде на портрет оживают рыцарские образы средневекового искусства, с их особой отстраненностью и своеобразной «открытой замкнутостью» при сохранении индивидуальных черт.

*А.Г. Толстиков.
Портрет академика РАН
В.И. Молодина. 2011*

Хотелось бы отметить, что Александр Толстиков является автором, куратором и организатором ряда выставочных проектов, с участием своих произведений и работ других художников. Миссия художника заканчивается с созданием очередного портрета, но пытливость ученого призывает его к дальнейшим действиям – анализу сделанного, изучению реакции зрителей, продвижению концептуальной идеи, поиску новых форм подачи материала, его соединению с другими областями, например, культурологией, социологией, педагогикой.

Своего рода апробацией издательского проекта стала по-своему уникальная выставка Толстикова-куратора, стремящегося к поискам необычных форм преподнесения материала и его осмысления общественностью. Речь идет о многофункциональном проекте «Наука и искусство в лицах. Портреты современников», включившем в себя художественную экспозицию, выставку документов и личных вещей, раскрывающих творческую и научную сферу деятельности персонажей, прошедшем в залах Архива РАН в 2016 году. В начале XXI века подобный эксперимент обретает особую актуальность. По сути он представляет собой интерактив – основной визуальный ряд выходит за пределы двухмерного холста, дополняется предметами самих «персонажей». Таким образом, энергетическая связь существующая между первой и второй реальностью становится прочнее, погружает зрителя в биографическое, мыслительное, творческое «поле» каждого из героев. Первый необычный опыт данной выставки может быть продолжен во времени и пространстве, изменен и дополнен по тому или иному избранному принципу. Вариаций может быть великое множество.

Проект «Наука и искусство в лицах. Портреты современников» – возобновление незаслуженно оставленной без внимания традиции бескорыстного интереса к человеческому образу и людям, чьи достижения в науке и искусстве не должны заглушаться ярмарочной шумихой насквозь коммерческого времени и искусства.

Выставка, ставшая благодарным поклоном в адрес достойнейших представителей науки и искусства, объединила живописные образы ученых и живописцев, позволила зрителю поразмышлять о родственности этих непостижимых сфер человеческой деятельности. Именно этот проект послужил импульсом к появлению данной многочастной книги.

*А.Г. Толстиков.
Портрет академика РАО
С.О. Шмидта. 2009*

«Профессор С.О. Шмидт» (2009) – портрет «последнего из могикан», представителя исчезающей интеллигенции XX века, чьи речь, манера общения отличались мягкостью, изысканностью, жизненные взгляды были предельно гуманистичны, а преданность науке безгранична до самоотвержения. В подлинной интеллигентности всегда есть доля незащитности, и эта черта академика, особенности его индивидуальности, художник уловил и передал в портрете. Ученый написан

в профиль – предельно редкий ракурс для работ Толстикова.

Портрет академика РАН И.И. Моисеева был показан на персональной выставке А.Г. Толстикова «В зеркале портрета» в Мемориальном музее «Творческая мастерская С.Т. Коненкова» в Москве в 2014 году. Визуальный ряд, в котором он был представлен, состоял из трех портретов академиков. Впрочем, оставим высокие звания. В первую очередь, в многозначительной атмосфере старой мастерской великого С.Т. Коненкова образовалось удивительное созвездие – Татьяна Назаренко, Петр Оссовский, Илья Моисеев. Яркая, талантливая женщина-художник, мастер «сурового стиля» и ученый-химик. Каждая личность необычайно значима в своем кругу, каждое имя – яркая насыщенная судьба, наполненная историей и создающая историю. Художник экспериментирует с образным рядом, наращивая огненно-теплый колорит и будто останавливая, охлаждая живописную стихию холодным колоритом третьего портрета. Три самостоятельных произведения, объединенные плоскостью стены, неожиданно обрели черты своеобразного триптиха, части которого демонстрировали колористическое, композиционное и смысловое взаимопроникновение.

Обстановка музея дала возможность создать необычный визуальный ряд, в котором работы нового века сочетались и взаимодействовали с шедеврами великого скульптора. Портрет П.П. Оссовского содержательно и композиционно звучал в диалоге со скульптурным изображением Ф.М. Достоевского. Осмысление «русского пути» было близко в равной степени и великому писателю, и великому художнику. В сочетании портретов Ильи Моисеева и Альберта Эйнштейна прослеживалась тонкая смысловая ассоциация с нобелевской темой, имевшей место в биографиях обоих ученых. Пространство, в котором разворачивалось действие,

было буквально пронизано особой энергией, далекими голосами исторических встреч и событий.

Подготовку к выставке отличал предельно ответственный подход художника к отбору произведений для размещения в заданном пространстве. Учитывались мельчайшие нюансы восприятия той или иной части экспозиции. В художественно-историческом контексте обстановки музея-мастерской визуальный ряд получил особую литературную глубину. Как и в любом осмысленном повествовании, в экспозиции нашла место и своя кульминация, точка наивысшего напряжения – вышеназванные три портрета.

*А.Г. Толстиков.
Портрет академика РАН
Г.А. Толстикова. 2009*

*А.Г. Толстиков.
Портрет академика РАН
И.И. Мусеева. 2013*

В данную книгу не мог не войти портрет отца художника, выдающегося химика Генриха Александровича Толстикова. Художник создал два портрета отца – «Академик Г.А. Толстиков» (2009) и «Портрет академика РАН Генриха Толстикова» (2012). Оба предельно лаконичны, немногословны, как и большинство портретов художника, не склонного к тому, чтобы перегружать композицию лишними деталями, отвлекающими внимание от самого главного в изображении – лица, характера, личности.

И если в первом портрете перед зрителем предстает, прежде всего, академик, то во втором, полностью лишенном даже налета официальности, художник создает возвышенный, нетронутый земной суетой образ. В светлом колорите облика портретируемого много одухотворен-

ности. Взгляд академика устремлен вдаль, это взгляд мечтателя, романтика, идеалиста, и все же в нем, в выражении доброго, светлого лица отчетливо видится

*А.Г. Толстиков.
Портрет академика РАН
Г.А. Толстикова. 2012*

беспокойство. Не о себе, о тех, кто остается в этом раздираемом противоречиями, настойчиво бегущем от истины и гармонии мире. Это образ большого гуманиста, пришедшего в развитии своей профессии к необходимости исцеления людей средствами родной природы. В его исследованиях возможностей экспериментальной фармацевтики был заложен вдохновенный порыв и любовь к человеку, желание держать высочайшую гуманистическую, патриотическую ноту. Любой, кто имел возможность слышать, как академик Генрих Толстиков говорил о неисчерпаемых возможностях отечественной лекарственной отрасли, основанной на изучении свойств русской природы, не мог не вдохновиться его уверенностью и неподвластной возрасту молодой энергией.

Вышеназванный портрет стал частью еще одного необычного для строгого академического пространства Архива Академии наук выставочного проекта «Люди и ангелы». Состоявшийся в 2013 году проект объединил произведения живописи, скульптуры и графики академиков РАХ Александра Николаевича Бурганова и Александра Генриховича Толстикова. Эта выставка задумывалась как философский диалог двух интеллектуалов, как материал для обсуждения и размышления, адресованный всем свидетелям экспозиции, вместившей в себя реальное и метафизическое, конкретное и абстрактное, материальное и духовное.

Проект А.Г. Толстикова особенно важен на фоне кризиса, который переживает сегодня портретное искусство, несмотря на, казалось бы, сохраняющуюся популярность заказного портрета. Причина не в том, что портрет как жанр изобразительного искусства устарел, дело, скорее, в мировоззрении. Современный человек равнодушен. Сегодня принято слушать только себя, не соглашаться, а больше спорить. Если обратиться к многочисленным телевизионным ток-шоу, становится очевидно – эгоцентризм нашего современника едва не достигает своего апогея. Приближение к душе, внутренней красоте человека перестает быть твор-

ческой задачей. С чем это связано? Быть может, с утратой веры в эту красоту, а может с тем, что в наш век доведенного до абсурда прагматизма зритель да и сам художник больше не нуждаются в чувстве вдохновенного восторга. В системе ценностей, где любовь к ближнему, стремление понять его, постичь и оправдать, занимает последнее место, расцвет портретной живописи едва ли возможен.

В наше время, когда эпитеты «великий», «звездный», «известный» совершенно обесценились, превратившись из золотых монет в пластиковые жетоны, вернуться к первоначальной, можно сказать, выстраданной оценке деятельности человека его подлинных достижений помогает искусство. Каждый портрет – фрагмент остановленного времени, позволяющий задержать внимательный взгляд на человеке как величайшей драгоценности мира.

С парадоксальной актуальностью звучит сегодня высказывание Леонида Семеновича Зингера из первого в советском искусствознании труда о теории портрета, изданного в 1969 году:

«Думается, что и нынешние художники, отвернувшиеся от человека «как масштаба в искусстве» и поэтизирующие лишь мрачные стороны современной действительности, объективно (хотя бы они этого или не хотят) также льют воду на мельницу тех, кто пытается убедить нас сегодня в неотвратимости крушения гуманизма...

Главным масштабом прогрессивной культуры всегда был человек, возвеличенный историческим оптимизмом художника. И сейчас в противоборстве двух непримиримо враждующих миров, в столкновении двух идеологий огромна роль неиссякаемых сил реалистического искусства, для которого Человек по-прежнему – «превыше всего» [3].

Примечания:

1. Наполнение души. Академик Г.А. Толстикова. Уфа. Гилем. 2016, с. 5.
2. Толстикова. Живопись. Мультимедийный альбом живописных работ А.Г. Толстикова со вступительным обзором Ю.В. Мудрова. ООО «ЛЮДОВИК», Санкт-Петербург. 2013, с. 10.
3. Л.С. Зингер. О портрете. Проблемы реализма в искусстве портрета. М., Советский художник, 1969, с. 419.

М.В. Вяжевич
академик РАХ

Редкая фотография, на которой запечатлены вместе персонажи книги на приеме по случаю вручения премии «Триумф» 2010 года, слева направо: академик РАО, историк С.О. Шмидт, академик РАН, химик И.И. Моисеев, академик РАН, химик Г.А. Толстиков (лауреат премии 2010 года) и академик РАН, искусствовед М.В. Вяжевич. Москва. 2010. Фото О.В. Толстиковой

**«ТРУД ДУШИ ЯВЛЯЕТСЯ НЕПРЕМЕННЫМ
УСЛОВИЕМ СОЗИДАНИЯ САМОГО СЕБЯ»**

**ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА РАН,
ХИМИКА-ОРГАНИКА
Г.А. ТОЛСТИКОВА**

*А.Г. Толстиков. Портрет академика РАН
Г.А. Толстикова. Холст, масло. 100x80. 2009*

«Сразу после Бога идет отец».

В. А. Моцарт

Портрет академика РАН (АН СССР) Генриха Александровича Толстикова 2009 года был написан в конце апреля во время очередного Общего собрания Российской академии наук. Отец приехал на несколько дней в Москву из новосибирского Академгородка, где проживал с 1992 года, работая в Новосибирском институте органической химии им. Н.Н. Ворожцова СО РАН (НИОХ СО РАН) по приглашению председателя Сибирского отделения РАН академика Валентина Афанасьевича Коптюга. К 2009 году Генрих Александрович уже завершил работу в должности директора НИОХ¹ и первого заместителя председателя Сибирского отделения, перейдя в почетный ранг советника Президиума РАН. Отец продолжал трудиться в должности главного научного сотрудника в созданном им Отделе природных и биологически активных веществ, получившем специальный статус в структуре НИОХ СО РАН.

Надо отметить, что в тот приезд настроение у Генриха Александровича было не самое лучшее. Определялось оно не только здоровьем и усталостью, но и состоянием дел в Академии наук, в её региональных отделениях и научных центрах. К этому времени совершенно однозначно проявилось негативное отношение к Академии со стороны центральной власти и, в частности, Министерства образования и науки. В связи с этим, сценарий весеннего Общего собрания 2009 года, включая доклады президента Академии и главного ученого секретаря Президиума РАН, был насыщен острой полемикой по вопросам организационного и научного характера.

Генрих Александрович горячо выступал на собрании Отделения химии и наук о материалах, уделив особое внимание работам по медицинской химии и экспериментальной фармакологии, определяя в качестве приоритетов развитие прикладных исследований в этих областях с обязательным созданием оригинальных отечественных лекарственных препаратов для лечения СПИДа, туберкулеза, малярии, наркозависимости, онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний. Отец предлагал конкретные пути преодоления отставаний в стратегически важных направлениях в российской фундаментальной и прикладной химической науке, включая специальную химию военного назначения, химию высокомолекулярных соединений, химию металлокомплексного катализа в приложении к промышленному многотоннажному синтезу основных органических продуктов и

---

¹ Г.А. Толстиков был избран директором Новосибирского института органической химии им. Н.Н. Ворожцова в 1996 году после внезапной кончины предыдущего директора академика В.А. Коптюга.

*Г.А. Толстиков. 1985.
Фото С.Г. Новикова*

многое другое.

Несколько дней, которые Генрих Александрович в тот апрель провел в Москве, остановившись по обыкновению у нас дома, были для меня радостными. Мы с женой всегда готовились к приездам отца с особым подъемом. Я давно намеривался написать портрет Генриха Александровича, однако все попытки завести разговор на эту тему во время кратких командировок старшего Толстикова в Москву или моих приездов в отпуск в отчий дом в Новосибирск, сталкивались с нежеланием отца тратить время, по его мнению, на малополезное и изнуряющее позирование.

Как человек хорошо известный и коммуникабельный, обладавший красивой и запоминающейся внешностью, Генрих Александрович довольно часто попадал под объективы фотографов средств массовой информации. Помимо этого, мой близкий друг Сергей Григорьевич Новиков, фотохудожник из Екатеринбурга, на протяжении более 30 лет имел возможность фотографировать Генриха Александровича в разных ситуациях – производственных и бытовых.

Новиков – автор большой серии уникальных по своему художественному исполнению и историческому значению фотографий, запечатлевших выдающихся

*Г.А. Толстиков и фотохудожник
С.Г. Новиков. Новосибирск. 2005*

отечественных ученых двадцатого столетия – физиков, математиков, химиков, биологов, историков, экономистов... Живя и работая на Урале, Сергей создал фотолетопись Уральского отделения Академии наук, начиная буквально с первого дня его основания крупнейшим современным ученым-физиком, академиком Геннадием Андреевичем Месяцем. Геннадий Андреевич проработал

более двадцати лет председателем Уральского отделения Академии наук, а его первым заместителем до вынужденного переезда в Новосибирск в 1992 году, был Генрих Александрович Толстиков, возглавлявший в Уфе Институт химии и Башкирский филиал АН СССР, входивший в состав Уральского отделения. Сергей Новиков за свою творческую жизнь издал много прекрасных фотоальбомов, посвященных ученым, под единым тематическим названием «Портрет интеллекта», и в лучшие из них, наряду с фотографиями знаменитостей из научного мира, вошли фотографии моего отца.

Имея такое богатое фотографическое «портфолио», Генрих Александрович не считал нужным тратить время на позирование художникам всех мастей – живописцам, скульпторам, графикам, которые

Р.С. Хабиров.

*Портрет члена-корреспондента АН СССР
Г.А. Толстикова. Холст, масло. 86x76. 1982*

*Заслуженный художник Республики
Башкортостан Р.С. Хабиров. 2015*

время от времени просили его об этом. Единственный портрет отца был написан башкирским художником Рашимом Хабировым. Случилось это в Уфе в 1982 году, после избрания Генриха Александровича в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Выбор Хабирова в качестве художника сделал сам отец. К тому моменту я был знаком с Рашимом Султановичем, у нас сложились с ним дружеские и профессиональные отношения.

Рашит после завершения обучения в Москве в Суриковском институте вернулся в Уфу и сразу зарекомендовал себя незаурядным мастером. В период 1980-1981 годов, при посещении одной из художественных выставок, на

которой демонстрировались несколько натюрмортов и портретов Хабирова, Генрих Александрович особо отметил его работы, сказав неожиданно для нас, что именно Хабирову он согласился бы позировать. Об этом желание отца как-то забыли и вспомнили только в 1982 году.

К этому времени в квартире Генриха Александровича не без моего содействия появилось несколько живописных работ Хабирова, главным образом пейзажных этюдов, выполненных им в поездках по городам Средней Азии – Бухаре и Самарканду. Помимо высокого художественного качества, отцу нравились эти работы тем, что напоминали о раннем детстве, проведенном с семьёй в Кунгурте в Таджикистане, о жизни и работе в молодые годы в городах Алма-Ате, Чимкенте, Ташкенте, о научных экспедициях по сбору эфирноносных растений в предгорьях и горах Южного Казахстана и Киргизии. Рашит Хабиров добросовестно выполнил заказанный ему портрет Генриха Александровича, который терпеливо позировал художнику в своем рабочем кабинете в уфимском Институте химии.

Итак, в апреле 2009 года я, собравшись с духом, предложил отцу позировать мне для написания портрета. После первого дня заседания на собрании Отделения химии и наук о материалах, по традиции проводимом в актовом зале Института органической химии имени Н.Д. Зелинского, Генрих Александрович выглядел уставшим и был раздражен. Меня он буквально осадил фразой: «Не надо никаких портретов! Давай лучше дома после собрания обсуждать наши профессиональные дела, будем думать о химии и о том, что важного и неотложного необходимо ещё сделать. Хочу напомнить, что нам с тобой и Татьяной² надо завершить монографию «Лекарства из растений». И кстати, хочу попенять – работа над запланированной следующей книгой «Алюминийорганические соединения в органическом синтезе» продвигается далеко не с той скоростью, которую я ожидал от вас с Джемилевым³. Увиливаете, братцы, только обещаете подключиться. Всё мне одному приходится тянуть.

Ты, Саша, постоянно занят делами в Президиуме Академии наук, тебя поглотила административная работа. А после избрания в члены-корреспонденты Академии художеств, ты всё оставшееся время, как я вижу, полностью посвящаешь живописи. Стал меньше заниматься наукой. Я понимаю, что как член Академии художеств, ты должен продуктивно трудиться на этом поприще, что у тебя много

---

² Толстикова Татьяна Генриховна (1960) – доктор биологических наук, профессор, заведующая лабораторией фармакологических исследований Новосибирского института органической химии им. Н.Н. Ворожцова СО РАН, известный специалист в области экспериментальной и фундаментальной фармакологии и медицинской химии, дочь академика Г.А. Толстикова.

³ Джемилев Усеин Меметович (1946) – крупный советский-российский химик-органик, член-корреспондент РАН, директор Института нефтехимии и катализа РАН, председатель Уфимского научного центра РАН, ученик академика Г.А. Толстикова.

выставочных проектов, своя обязательная отчетность. Но прошу тебя не забывать, что прежде всего ты член Российской академии наук, заметная фигура в химическом отделении, талантливый химик-органик, мой сын, любимый ученик, помощник, наконец, соавтор. Всё это обязывает тебя соответствовать сполна! Глупо ставить на себе крест как ученом, тем более состоявшемся, имеющем солидный послужной список, учеников, сотрудников, желающих вместе с тобой работать и дальше. Так что никаких портретов! Будем вечерами за чаем рассуждать, как улучшить ситуацию с исследованиями в понятной нам с тобой области. И повторяю, надо завершить в этом году монографию «Лекарства из растений». Давай поработаем над ней результативно. Не отлынивай, в будущем все пригодится. Тяжелые времена для Академии не за горами. Вдруг всё рухнет – чем кормиться будешь? Конечно, ты художник, профессионал, но позволь спросить, много ли за последнее время продал своих работ? Молчишь? Вот то-то и оно! Кормит тебя и твою семью по-прежнему химическая профессия и этим надо дорожить. Уверен, что наша новая книга по лекарствам станет бестселлером, фактически она будет основой для оригинальных и красивых лекций по медицинской химии, курс которых, без сомнения, можно с успехом читать студентам в профильных вузах. Вот тебе и дополнительный паек на черный день».

И все же, несмотря на активное сопротивление, мне удалось уговорить отца на несколько сеансов позирования. В качестве основного довода, который возымел на него действие, я привел широко известную историю о том, как знаменитый русский портретист-передвижник Иван Николаевич Крамской уговорил позировать Льва Николаевича Толстого, который отказывал в этом многим известным мастерам того времени. Крамской сказал великому писателю, что если не он это сделает сейчас, то через 30-50 лет портрет всё равно напишут по фотографиям другие художники, и тогда останется только сожалеть, что это не было сделано своевременно с натуры. Отец задумался и дал согласие, но с условием, что хими-

*Академик РАН Г.А. Толстиков.
1986. Фото С.Г. Новикова*

ческая тема разговоров во время сеансов будет доминирующей.

Стояли солнечные апрельские дни, и мы могли работать после полудня несколько часов без особого напряжения. Мы договорились, что писать портрет будем дома, а не в мастерской, хотя до неё было не так далеко. У меня в квартире под рукой были только краски, кисти, но не было чистого холста подходящего размера. На стенах висело несколько моих цветочных натюрмортов и я принял решение писать портрет отца на одном из них. Мы расположились друг против друга. В качестве фона я задрапировал темно-зеленой тканью книжный стеллаж, находящийся за спиной Генриха Александровича, поставил холст на легкий мольберт, который пылился без дела на балконе, выдавил привычный набор красок на палитру и приступил к работе.

*А.Г. Толстиков. Сирень Нескучного сада. Холст, масло. 80x100. 2006.
(Натюрморт, на котором написан портрет Г.А. Толстикова 2009 года)*

Генрих Александрович не стал переодеваться в домашнюю одежду, позировал в синем костюме и любимом свитере бежевого цвета. Акцентом на темном лацкане пиджака высвечивался золотой значок члена Академии наук с изображением Михаила Васильевича Ломоносова.

Отец, как человек чрезвычайно пытливым, стал с первых минут позирования неформально реагировать на процесс моей работы: «А ведь ты впервые при мне трудишься как художник. До этого момента я был только на твоих выставках или видел твои готовые работы в мастерской. Подготовка холста и красок, их смешение на палитре, запах растворителей, всё это роднит в чём-то труд художника с работой химика-исследователя в лаборатории. Это очень увлекательно. Как хорошо, что у меня есть возможность увидеть и оценить с технической стороны весь процесс создания живописного произведения. Слушай, неужели за оставшиеся три дня ты одолеешь весь холст?»

«Постараюсь, или грош мне цена! – ответил я. – Кстати, работать по записанному холсту удивительно приятно, он имеет свои преимущества, так как предыдущее наслоение красок подсказывает порой некоторые пластические решения, помогает быстрее справиться с выявлением формы изображаемых предметов и позволяет получить неповторимое многообразие новой живописной фактуры. Многие художники избегают писать по белому холсту. Чистый холст гипнотизирует, мешает сосредоточиться».

Закрыв предварительно светлой краской поверхность «приговоренного» натюрморта, я наметил кистью контур фигуры отца и начал сразу цветом моделировать форму его головы и рук, применяя широкую кладку красочной пасты. Через два часа лицо Генриха Александровича было полностью написано.

Во время позирования отец увлеченно говорил о новых исследованиях в области химии терпенов растительного происхождения. Мы обсудили с ним возможные пути превращений трициклических дитерпеноидов ряда абиетана в сложнопостроенные тетрагидрохинолины с циклоолефиновыми фрагментами, а также пути дальнейшего озонолитического окисления полученных аддуктов в стабильные пероксиды.

«Знаешь, Саша, – обратился ко мне отец, – думаю, что в развитии твоих работ по использованию реакции аза-Дильса-Альдера в модификации Грико-Поварова, надо синтезировать соединения с ценными терапевтическими свойствами, например, вещества струк-

А.Г. Толстиков во время работы над портретом академика РАН Г.А. Толстикова. Москва. 2009

турно подобные природному пероксиду артемизинину – метаболиту, выделяемому из надземной части однолетней полыни *Artemisia annua*. В китайской медицине экстракты этой полыни издревле использовались для лечения малярии. Сегодня в литературе появились сообщения, что китайцы и американские специалисты из ISN активно приступили к исследованию артемизинина на предмет терапии онкологических заболеваний. Обнаружено, что наличие в его структуре пероксидного фрагмента может воздействовать на обмен, рост и развитие раковых клеток. Артемизинин не только способен убивать малярийный плазмодий, но и раковые клетки. Нам же с тобой надо преуспеть в синтезе аналогов артемизинина. Я нашел в литературе ссылки, в которых приводятся данные высокой терапевтической активности производных артемизинина с азотсодержащими фрагментами. В клиническую практику уже начали поступать лекарственные препараты на их основе, превосходящие по активности артемизинин.

Хотел тебе рекомендовать, когда будешь изучать литературу, обрати внимание на препарат артеролан, который возглавил группу высокоактивных агентов озонидного типа. На мой взгляд очень перспективен конъюгат артеролана с аминоклорхинолином. Вспомни структурные формулы противомаларийных препаратов прошлого поколения – хлорохина и акрихина. Ныне в дело пошли перекисные производные хлорохина. Я предлагаю тебе и твоим сотрудникам из института Джемилева поискать варианты на основе коммерческих аминоклорхинолинов, которые по реакции Поварова можно превратить в аеллированные циклопентеном продукты, а далее через озонлиз в стабильные озониды с потенциальной активностью.

Я обнаружил весьма интересную структуру фирменного препарата с антималярийной активностью, полученного на основе адамантана. В институте Джемилева имеется культура синтеза не только адамантана, но и диадамантана. Тридцать лет назад мы с Усеином Меметовичем разработали метод получения 1,3-диметиладамантана, на основе которого можно создать свой перспективный антималярийный препарат.

Ещё одно направление, на которое я хотел обратить твое внимание, связано с химией индолов. Их синтез из 3-кетостероидов и 3-кетотритерпенов хорошо отработан. Озонлиз этих соединений может дать стабильные озониды, перспективные для подавления малярийного плазмодия и раковых клеток. Впрочем, всё, о чем мы с тобой говорим, необходимо написать в нашей книге про лекарства из растений, в которой обязательно должна присутствовать глава, посвященная веществам продуцентам полыней.

Обсуждая тему фитотерапии, я не могу не затронуть решение этого вопроса в Китае. Китай является, вероятно, единственной страной в мире бережно отно-

сящейся к достояниям разума и практического опыта поколений, способной не только сохранить этот опыт, но и подвести его к моменту извлечения максимальной пользы. Современная постановка дела по производству средств фитотерапии в Китае у меня вызывает восторг и тихую зависть. Ты вдумайся только! По официальным данным в Китае документировано свыше десяти тысячи лекарственных растений. В Китае ежегодно с площади земель около триста тысяч гектаров, отведенных под выращивание растений, снимается более четырехста тысяч тонн продукции, используемой в производстве лечебных средств. В настоящее время в Поднебесной работают более тысячи фармацевтических предприятий,готавливающих более восьми тысяч растительных продуктов. Как член ВТО Китай в ближайшие годы планирует довести объем продаж лекарственных препаратов растительного происхождения до пятисот миллиардов долларов. Вот, дружок, настоящий государственный подход к делу, без всякой чиновничьей профанации и формализма, как это у нас заведено в новейшей России. Сегодня в обороте китайских производителей лекарств находится свыше одиннадцати тысяч видов растений, относящихся к тремстам восьмидесяти семействами и двум тысячам родам. К редким относятся растения, входящие в двести сорок родов. И об этом мы с тобой должны предельно честно написать в нашей книжке про лекарства.

Когда-то в СССР работы в области фитотерапии активно набирали обороты, давая надежду на положительный вклад в отечественное здравоохранение. Ты только представь себе!.. 1919 год, идет гражданская война, голод, разруха вопиющая, а в Ботаническом саду Академии наук в Петрограде при поддержке правительства Ленина организована первая лаборатория по изучению лекарственных растений.

Следующим важнейшим этапом я считаю 1931 год, когда по решению советского правительства был организован Всесоюзный научно-исследовательский институт лекарственных и ароматических растений – ВИЛАР. Экспедиции ВИЛАРа вскоре приобрели широкую известность, благодаря высокой эффективности практических рекомендаций, обращенных к нуждам страны. В то время невероятно большой объем работ был выполнен академическими и вузовскими ботаниками, ресурсоведами и специалистами по интродукции. Удалось создать четко работающую систему разведки, оценки запасов и заготовки дикорастущих лекарственных растений, построить фитофармацевтические предприятия.

Теперь, когда все угробили, уповают на Бога – помолимся в церквях и соборах, окропимся святой водой и победим СПИД, малярию, туберкулез, онкозаболевания. Кстати, о СПИДе. Первое фиксирование ВИЧ-инфекции в нашей стране относится к 1986 году. В целом, благодаря постановке санитарно-эпидемиологической службы в СССР, уровень инфицированности до девяностых годов особых опасений

не вызывал. Однако, когда развалили СССР, в странах СНГ противоэпидемиологические программы были свернуты, что собственно совпало с чудовищным увеличением уровня потребления наркотиков среди населения. Официальные власти пытались скрыть информацию, что в 1994-1995 годах служба Украины не смогла локализовать вспышки ВИЧ-инфекции произошедшие среди потребителей инъекционных наркотиков в городах Одессе и Николаеве. По официальным данным в прошлом году (2008 г.) в России было зарегистрировано четыреста тысяч ВИЧ-инфицированных⁴. И это при всем том, что до настоящего времени не существует эффективного лечения, способного устранить ВИЧ-инфекцию из организма.

А как быть с другими опасными инфекциями, как грипп, гепатиты В и С, атипичная пневмония, лихорадка Эбола, герпес? Со всеми этими заболеваниями можно бороться с помощью препаратов, полученных из лекарственных растений. Взять хотя бы наши работы по превращениям продуцентов березы и солодки – бетулина и глицирризиновой кислоты.

Впрочем, говорить на эту тему можно бесконечно, время неумолимо бежит и его надо тратить на конкретные дела. Я питаю скромную надежду, что сумел передать тебе и твоей сестре частицу своей влюбленности в растения, химию и фармакологию растительных веществ, влюбленности, как может показаться, несколько односторонней и в чем-то эгоистической. Но эгоизм это то явление, с которым часто приходится мириться. Я же смирился с твоей влюбленностью в искусство, которое тебя поглощает все больше и больше, отрывая от науки, в которой ты сделал немало и сделал бы ещё, если бы не живопись. Но довольно об этом, давай поговорим о музыке.

Я так жалею, что не проявил волю и не заставил тебя завершить профессиональное музыкальное образование. У тебя были все основания стать хорошим музыкантом. Мы с мамой часто вспоминаем тебя в детстве и юности, когда ты успешно обучался игре на фортепьяно. Ах, как жаль, что ты бросил эти занятия, ругаю себя за то, что не хватило времени следить за тобой с подобающим вниманием и сил, чтобы пороть. Жаль! Все могло быть иначе в твоей судьбе!

Ты, Саша, в этом отношении очень похож на меня. Я тоже профукал, продурил, профутболил свою музыкальную карьеру. Ладно, будем утешаться тем, что мы с тобой музыку боготворим, слышим её, она для нас восторг и утешение в радости и печали. В целом, я горжусь, что ты стал художником. Не скрою, долго не принимал твоего «сидения на двух стульях». Но ты сумел доказать, что такое «сидение» возможно на высоком профессиональном уровне.

---

⁴ На конец 2016 года в Российской Федерации зарегистрировано до полутора миллионов ВИЧ-инфицированных. Интернет ресурс <http://www.interfax.ru/presscenter/480969>

После твоего избрания членкором в Академию художеств, я поинтересовался историей вопроса и к своему удивлению узнал, что среди нашего брата-химика членами сразу двух академий (наук и художеств) были только глубоко почитаемые мной Михайло Васильевич Ломоносов и Дмитрий Иванович Менделеев. И вот теперь ты! Этим можно гордиться, но тихо, поскольку были и есть люди намного талантливее тебя. Помни об этом, и будь всегда скромным!

А вообще, я всякий раз радуюсь, во-первых, неуклонному развитию твоей души в истинно человеческом направлении, во-вторых, укреплению моей убежденности в том, что помимо прочего, из тебя получился ещё и приличный писатель – истинно русский. Я люблю читать и перечитывать твои письма, литературные эссе и очерки о живописи и художниках, музыке и музыкантах. Считаю, что их надо обязательно опубликовать. Я люблю тебя, всемерно любящего музыку, которая возвышает

Г.А. Толстиков у любимой картины художника В.И. Сурикова «Боярыня Морозова». Государственная Третьяковская галерея. Москва. 2011

наши души и, подобно птицам, воспаряет их в чудесные, бескрайние небеса.

Знаешь, Саша, ко мне не очень давно вернулось мое детское реагирование на любимую музыку. В детстве я мог плакать, слушая музыку, роняя слёзы радости и ужаса. Сейчас я тоже не могу удержаться от слёз радости, слушая любимые произведения Бородина, Чайковского, Римского-Корсакова, Моцарта, Бетховена, Шопена, Шуберта.

Я очень горжусь твоими деловыми и дружескими контактами с Марком Горинштейном⁵, а также дружбой с Андреем Андреевичем Золотовым⁶. Недавно на канале «Культура» мне удалось посмотреть запоминающийся фильм Золотова о великом дирижере Евгении Мравинском. Радость от просмотра усилилась ещё тем, что в фильме звучала «Неоконченная симфония» Франса Шуберта в исполнении оркестра под управлением Мравинского. Когда я учился в музыкальном училище в Вильнюсе на скрипача, то сидел во вторых скрипках и разучивал в составе ученического оркестра первую часть полюбившегося мне творения этого величайшего композитора, который прожил всего тридцать один год, а только песен оставил несколько сотен. Сейчас я переживаю, что из-за пробелов в фортепьянной технике не могу сыграть многие любимые сочинения Шуберта.

В студенчестве, в течение 1952-1953 годов, мы с твоей мамой слушали Мравинского три или четыре раза. Это были концерты Ленинградской филармонии с симфониями Чайковского, Шуберта и Бетховена. Разве забыть те ругаемые «шестидесятниками» времена! Мы имели возможность слушать играемые специально для студентов авторские концерты, которыми дирижировали Глиер, Дунаевский, Хачатурян, Хлебников. Инструментальные концерты играли Лев Оборин, Давид Ойстрах и другие знаменитости. Кстати, абонемент на шесть концертов обходился для студентов в десять рублей, а стипендия была триста двадцать рублей. Мы с твоей мамой, тогда моей невестой, набравшись духу, купили на сезон 1953-1954 годов абонементы в Мариинку на три оперы и два балета. Отдали, если мне не изменяет память, по сто двадцать рублей.

К сожалению, новый 1954 год я встретил с сильной простудой, врачи запретили мне ленинградский климат и мои родители, спасая меня, перебрались из Вильнюса в Казахстан в Алма-Ату поближе к теплу. Так что, в Мариинку моя будущая жена ходила одна. Я, после долгого лечения в отделении пульмонологии ленинградской Военно-медицинской академии, переехал к родителям в Алма-Ату. Всё к лучшему! Ведь в Алма-Ате появились на свет ты и твоя сестра.

Что-то я расчувствовался излишне, глядишь слезу пророню. Давай посмотрим, что ты написал. Удивительно, как все быстро получилось. Мне кажется, что я на портрете и внешне очень похож, и в характере. Как тебе это удалось? Ведь работали всего три часа с небольшим. Немыслимо! Ты, сын, талант! Всё, на сегодня хватит, я устал, да и ты выглядишь утомленным. Завершим завтра, осталось не так много».

---

⁵ Горинштейн Марк Борисович (1946) – известный советский-российский дирижер, Народный артист России, с 2002 по 2011 годы художественный руководитель и главный дирижер Государственного академического симфонического оркестра им. Е.Ф. Светланова.

⁶ Золотов Андрей Андреевич (1937) – крупный советский-российский публицист-биограф, музыкальный критик и искусствовед, профессор, действительный член РАХ, вице-президент РАХ, Заслуженный деятель искусств РФ.

Работу я полностью закончил за второй сеанс, который был ещё короче, чем первый.

В настоящее время портрет 2009 года находится в собрании Архива Российской академии наук в личном фонде №2228 Генриха Александровича Толстикова, скомплектованного на основе архивных материалов, переданных на хранение вдовой академика.

Портрет Генриха Александровича Толстикова 2012 года был начат в Новосибирске в сентябре, а окончательно завершён в декабре. К этому времени отец был тяжело болен редкой неизлечимой болезнью, которая на первой стадии лишила его возможности изъясняться устно. Сохраняя ясность ума и работоспособность, Генрих Александрович активно трудился со своими учениками над коллективной монографией «Металлокомплексный катализ в химии диенов». В моменты отдыха

*А.Г. Толстиков. Портрет академика РАН
Г.А. Толстикова. Холст, масло. 132x108. 2012*

*Г.А. Толстиков. Новосибирск.
Академгородок. 2012*

нового портрета и попросил показать его Генриху Александровичу. Буквально через полторы недели я получил обычной почтой конверт с рукописным письмом отца, очень личным и трогательным. Позволю себе привести выдержки из него:

«Моя гордость, мой обогнавший отца сын! Хотел бы начать письмо с перефразирования известных слов Дмитрия Ивановича Менделеева в адрес выдающегося русского химика-органика и гениального композитора, моего любимого Александра Порфирьевича Бородин: «Бородин стоял бы ещё выше по химии, принес бы ещё более пользы науке, если бы музыка не отвлекала его слишком много от химии». Я уверен, что и ты принес бы больше плодов на алтарь

он выходил в предвечерний час из своего коттеджа и садился на скамью возле бани, срубленной много лет назад собственноручно вместе с зятем и внуком из сосновых хлыстов.

Именно в эти дни сентября, наполненные переживаниями и опасениями за жизнь отца, писался с натуры его последний портрет. Поскольку я увез недописанный холст с собой в московскую мастерскую на доработку, то окончательный результат Генриху Александровичу не суждено было увидеть.

В конце декабря 2012 года, за четыре месяца до его кончины, я направил на электронный адрес моей сестры, которая жила вместе с родителями в Новосибирске, файл с фоторепродукцией

*Отец и сын Толстиковы.
Новосибирск. Академгородок.
2012*

химической науки, если бы не твоя всепоглощающая страсть к живописи. Твой художественный талант развивался столь стремительно, что я не всегда понимал наполнение твоей души. Не скрою, проявление тобой музыкальных способностей было мне более близким, ясным и доступным. Ты помнишь, сколько мы с тобой в ранние годы играли в четыре руки на фортепьяно переложений симфоний, фрагментов из балетной музыки любимых композиторов. Но когда ты поступил в художественную студию, а затем в художественную школу и в нашем доме стали появляться многочисленные рисунки и живописные работы, я начал понимать нешуточность твоих душевных деяний и переживаний. Нам с мамой было немного огорчительно, что занятия музыкой ты отодвинул на второй план, но я не терял надежду, что живопись это всего лишь твое хобби. Я думал, пусть это будет приятным фоном в жизни широко образованного человека, тем более, что уже принял решение сделать из тебя химика и направить по своим стопам. Но когда позже ты познакомил меня со своим Учителем, а в последствии моим чудесным

*Г.А. Толстиков и Народный художник РСФСР
Р.М. Нурмухаметов. Уфа. 1982. Фото С.Г. Новикова*

другом, художником Рашитом Нурмухаметовым⁷, а тот в свою очередь стал горячо тебя оспаривать в пользу живописи, я понял, что тебе уготована трудная, но яркая судьба. Мне никогда не забыть эмоциональный разговор с Рашитом Бареевичем, который в сердцах произнес: «Генрих, перестань мучить сына химией. У тебя же под рукой целый институт этих химиков, а хороший художник товар штучный, дар Божий. Отдай мне Александра полностью, не пожалеешь, я сделаю из него мастера, даже не сомневайся».

Я тогда ответил Рашиту Бареевичу, что ты занимаешься очень серьезной научной работой и должен защитить квалификационную диссертацию, что только с выполнением этого условия, я не буду против твоего перехода в профессиональное искусство. Однако после блестящей защиты тобой кандидатской диссертации в Новосибирске в Ученом совете под предводительством сурового Валентина Коптюга и слов знаменитого Израиля Котляревского⁸ о том, что твоя работа

Член-корреспондент РАН, академик РАН А.Г. Толстиков на экспозиции документально-художественной выставки «Наука и искусство в лицах. Портреты современников». Архив РАН. Москва. 2016. Фото С.Г. Новикова

⁷ Нурмухаметов Рашит Мухаметбареевич (1925-1986) – выдающийся советский живописец, Народный художник РСФСР, Народный художник Башкирской АССР, Лауреат премии им. Салавата Юлаева.

⁸ Котляревский Израиль Львович (1918-2005) – крупный советский-российский химик, доктор химических наук, профессор, руководитель лаборатории органических сопряженных систем Института кинетики и горения СО РАН, один из ведущих специалистов в мире в области химии ацетилена.

по уровню заслуживает присуждения докторской степени, я сильно пожалел, что дал слово отпустить тебя после защиты в профессиональное искусство. Не представляешь, как я обрадовался, когда на мой вопрос, что ты будешь делать дальше, получил ответ, что ты не собираешься бросать химию и постараешься достойно совмещать занятия и наукой, и искусством.

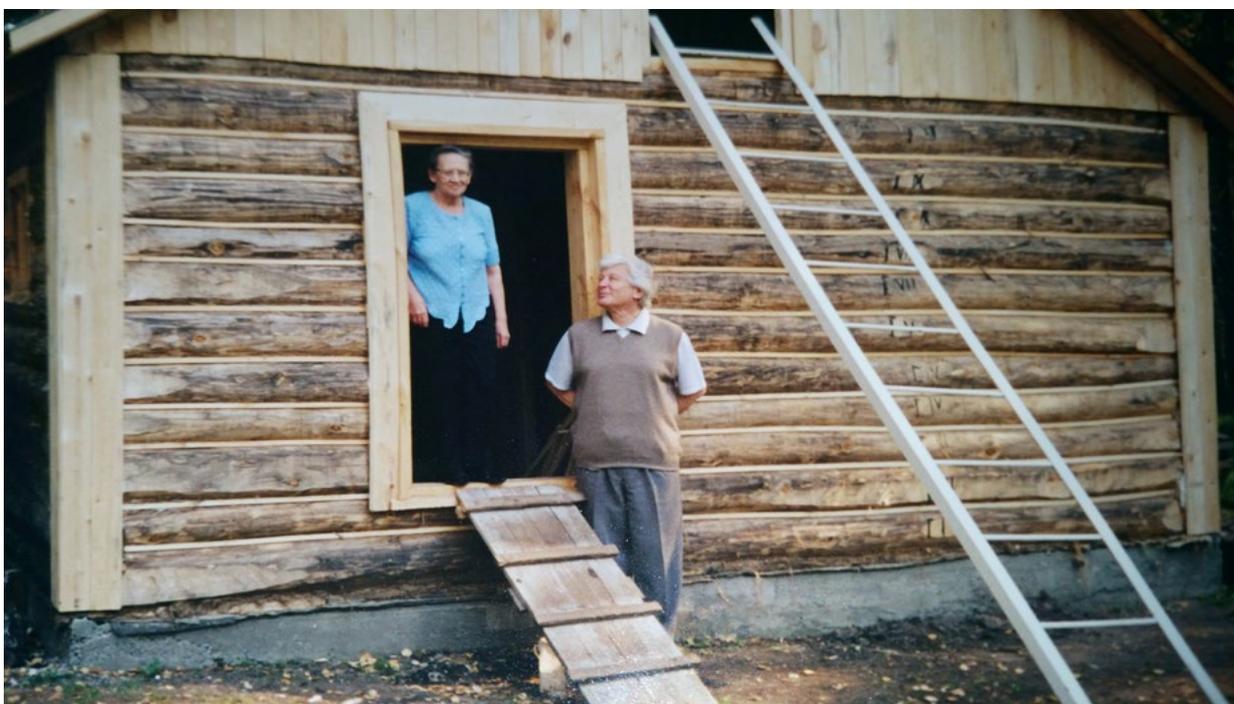
И вот настал день, когда я должен сказать, что ты, Саша, полностью оправдал свои обещания! Я горжусь тем, что ты являясь, доктором наук, профессором, членом-корреспондентом Академии наук, удостоен чести быть избранным в Академию художеств. Всё в твоей жизни было непросто – и вынужденный переезд с семьей из Уфы в Новосибирск, и руководство отделом в новосибирском Институте катализа, и директорство в Пермском институте технической химии, и нынешняя работа заместителем главного ученого секретаря Президиума Академии наук в Москве, и многочисленные живописные выставки, и напряженная работа в мастерской, и со мной над монографиями последних лет.

*Марк и Максим Тайлаковы, правнуки академика Г.А. Толстикова
в мастерской А.Г. Толстикова. Москва. 2013*

Знаешь, я уже давно внутри себя вынашиваю убеждение, что наша семья сумела сконцентрировать преемственность традиций в русской культуре, а ты особенно ошастливил меня следованием за столь чтимым мной химиком Бородиным. Пусть тебя не смущает, что Александр Порфирьевич был композитор, а ты – художник! Ведь не могла не повлиять на развитие чудесного сочетания в тебе музыкального, живописного и химического таланта с детства освещенная любовь к музыке этого русского гения!

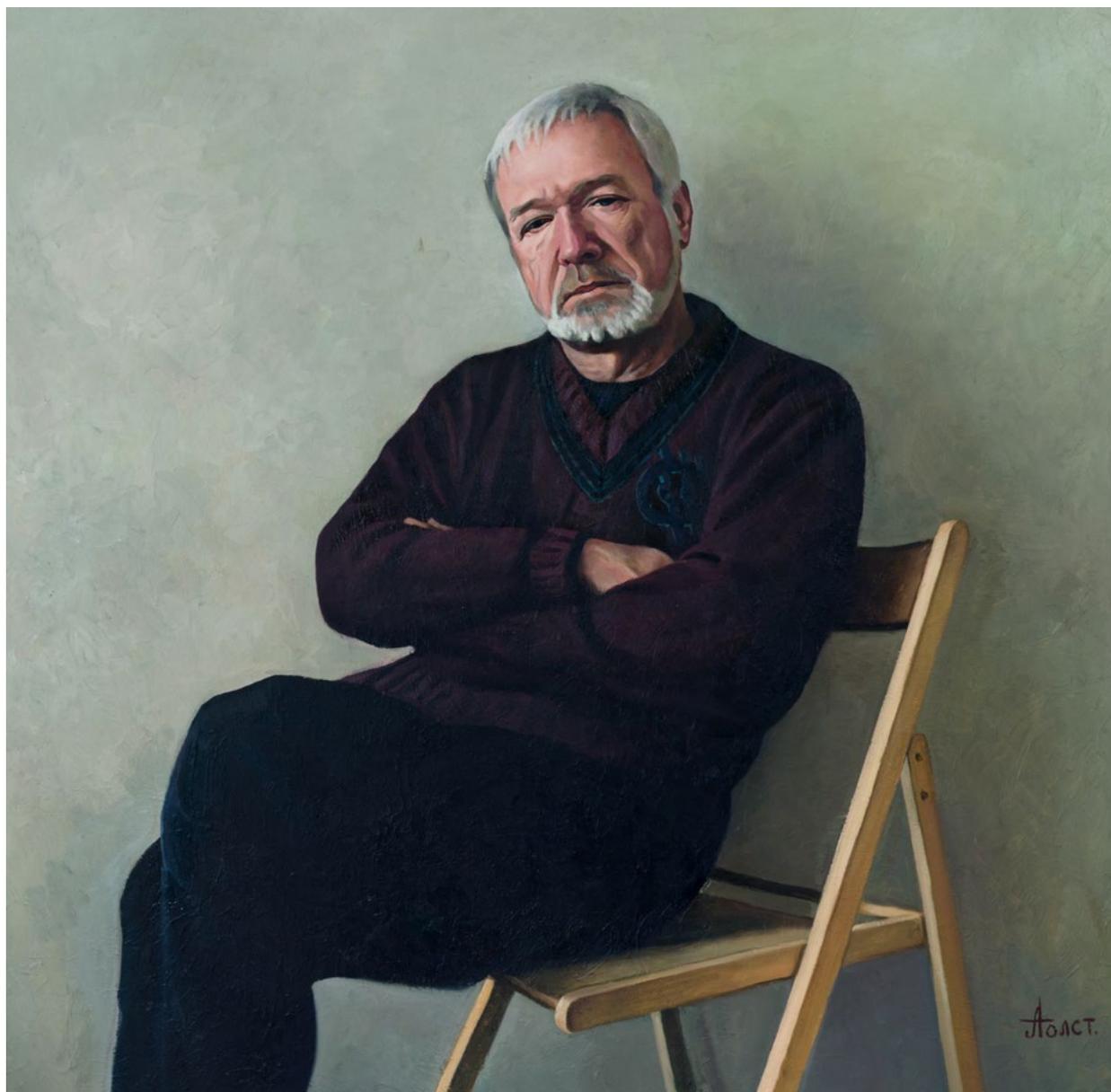
Помни, сын, мы с тобой не имеем право быть слабыми... А за портрет спасибо, в нём много правды!»

*Академик Г.А. Толстиков и его супруга Л.Ф. Толстикова
у сруба бани. Новосибирск. Академгородок. 2002.*

«Я ВСЕГДА ХОТЕЛ СТАТЬ АРХЕОЛОГОМ»

**ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА РАН,
АРХЕОЛОГА В.И. МОЛОДИНА**

*А.Г. Толстиков. Портрет археолога, академика РАН
В.И. Молодина. Холст, масло. 120x120. 2011*

Согласовать место и время работы над портретом с его героем, знаменитым сибирским археологом Вячеславом Ивановичем Молодиным, удалось не сразу. Причиной тому насыщенная жизнь ученого, строго определенная графиком ежегодных выездов в экспедиции на раскопки, которые, как правило, начинались ранней весной и не прекращались до поздней осени, до первого снега. А по окончании полевого сезона, всё оставшееся до следующей экспедиции время посвящалось кропотливому труду по описанию, идентификации, систематизации, реставрации и консервации найденных артефактов древних цивилизаций. Кроме этого, ученому необходимо писать научные статьи, монографии, выступать с докладами на конференциях. Как найти свободный час для позирования художнику? Не раз, когда мы с Молодиным пытались достичь консенсуса по этому поводу, неподвижные обстоятельства «разводили мосты между берегами». Наконец всё совпало. В 2011 году Вячеслав Иванович приехал по неотложным делам на неделю в Москву, и долгожданная встреча в моей мастерской состоялась.

Забегая вперед скажу, что моё знакомство с Молодиным, тогда ещё членом-корреспондентом РАН, заместителем директора Института археологии и этнографии им. А.П. Трапезникова Сибирского отделения РАН, произошло в 1994 году в новосибирском Академгородке. Представил нас друг другу мой отец – академик Генрих Толстиков, на год раньше меня приехавший на работу в Сибирь. Буквально с первых деловых встреч Генрих Александрович и Вячеслав Иванович нашли общие интересы. Их отношения быстро переросли в дружбу, которая, как высший дар небес, коснулась и меня. С тех пор мы с Вячеславом Ивановичем связаны искренним и сердечным доверием.

В середине девяностых годов Молодин, видя мой неподдельный интерес к археологии, познакомил меня со своими коллегами по институту Петром Петровичем Лабецким – одним из лидеров новосибирского «Общества Н.К. Рериха» и Евгением Палладиевичем Маточкиным⁹ – известным знатоком и исследователем древних алтайских наскальных петроглифов. Под сильнейшем влиянием милейшего Лабецкого я вскоре настолько «рерихнулся», что начитавшись книг Николая Константиновича Рериха и маловразумительных текстов Елены Петровны Блаватской¹⁰, выдал

---

⁹ Маточкин Евгений Палладиевич (1942-2013) – российский ученый, искусствовед, художник, музыкант, доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии художеств, исследователь жизни и творчества Н.К. Рериха.

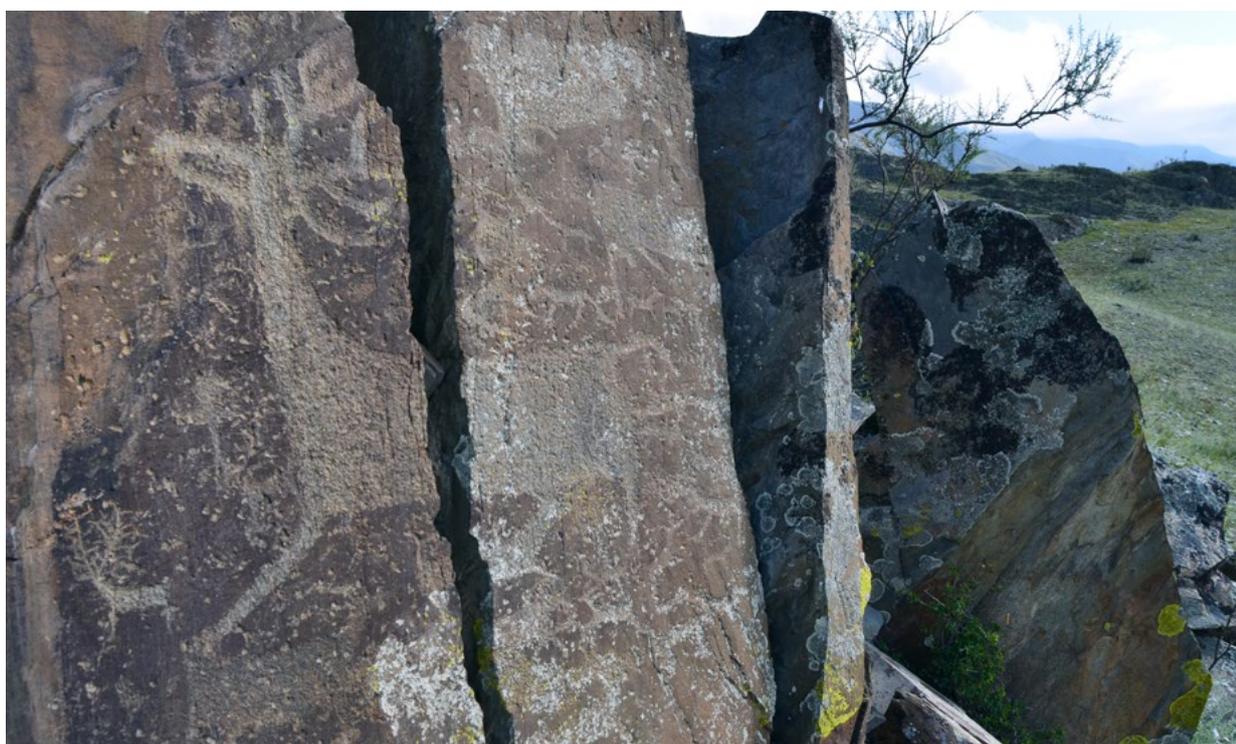
¹⁰ Блаватская Елена Петровна (1831-1891) – религиозный философ теософского направления, литератор, публицист, оккультист и спиритуалист.

*Работа над портретом
В.И. Молодина. 2011*

на-гора большую серию живописных работ эзотерического содержания. Эти опусы имели успех у публики и через зарубежные выставки, устраиваемые частной новосибирской галереей «Зеленая пирамида», разлетелись по миру. Насколько я помню, самую крупную коллекцию полотен из этой серии приобрел представитель совета директоров хорватской ветеринарно-фармацевтической фирмы «Плива», которая в конце девяностых перешла под юрисдикцию могущественного концерна «Байер».

Петр Петрович Лабетский имел ангельский характер, был чадолюбивым человеком. Потеряв горячо любимую супругу и будучи безутешным вдовцом, он рано ушел из жизни. Лабетский оставил о себе в моем благодарном сердце неизгла-

Горный Алтай, наскальные изображения эпохи бронзы. Фотоархив В.И. Молодина

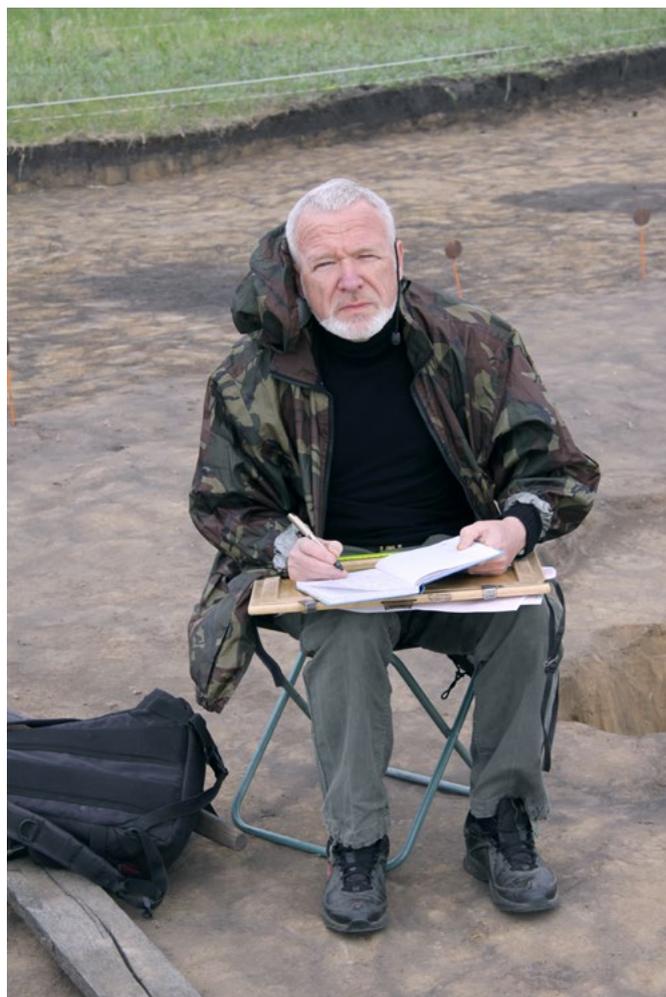
димый след, а в качестве знака памяти монографию «Рерих-археолог», написанную в соавторстве с Молодиным и Ольгой Лазаревич, которая в то время была аспиранткой Вячеслава Ивановича.

Общение со вторым коллегой Молодина Е.П. Маточкиным сразу приобрело характер сотворчества и быстро, не без содействия Вячеслава Ивановича, привело меня в экспедиции на Горный Алтай, где я впервые увидел в подлинниках великолепные образцы искусства эпохи палеолита и ранней бронзы – алтайские наскальные петроглифы. Пленённый этим «восьмым чудом Света», я принял участие в работе по копированию некоторых сюжетов петроглифов методом фроттажа на основу микалентной бумаги. Уже дома в мастерской, опираясь на свои впечатления и многочисленный

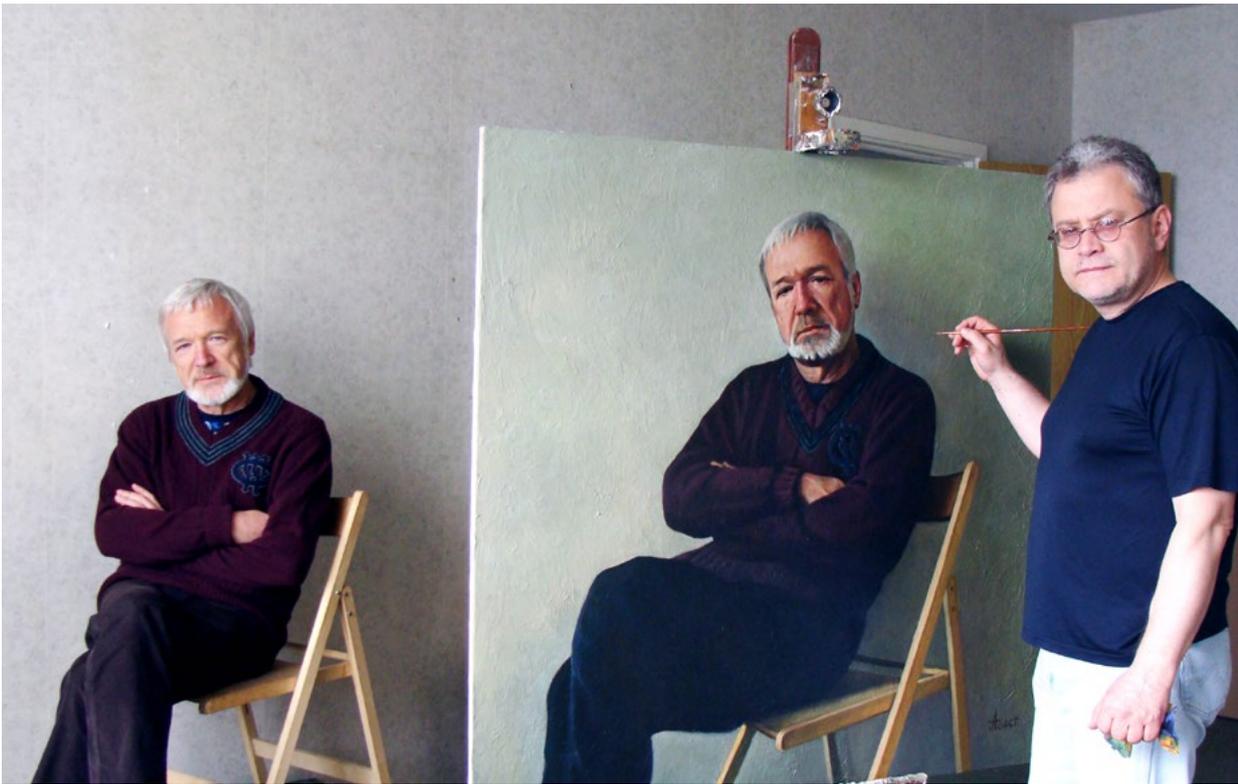
фотоматериал, полученный в экспедициях на Алтае, я, при консультациях Маточкина и Лабецкого, написал большую серию этнических композиций по мотивам алтайских петроглифов. Эти работы экспонировались в Финляндии и Швеции и остались там в частных собраниях. Такие нетривиальные события сопровождали начало нашей дружбы с Вячеславом Ивановичем Молодиным.

И вот он снова в моей мастерской, и не только в качестве всегда желанного гостя, но и портретируемого, с которым на этот счет есть специальный договор. На календаре начало июня 2011 года, и в трехдневном сроке пребывания Вячеслава Ивановича в Москве у нас есть всего несколько часов, которые он обещал уделить мне.

По сложившейся традиции наших встреч, мы предварили нелегкую для Вячеслава Ивановича работу в качестве портретируемого небольшой трапезой, в начале которой Молодин с присущими только ему обаянием и юмором произнес: «Сашенька, а у меня с собой припасено... И если тебе Заратустра позволяет, то

*Рабочий момент в экспедиции.
Академик РАН В.И. Молодин.
Фотоархив В.И. Молодина*

В мастерской.

Академик РАН В.И. Молодин и А.Г. Толстиков. Москва. 2011

давай поднимем по одной за встречу и начало нашей творческой коллаборации, а потом как пойдет, что говорится «не пьянства ради, а здоровья для». Я специально привез для тебя из Сибири бутылочку омской водочки «Пять озер». Отличный напиток, апробированный в суровых полевых условиях Барабы. Надеюсь это не помешает тебе в работе?»

«Дорогой Вячеслав Иванович, конечно не помешает, наоборот, взбодрит и настроит на нужный лад. С удовольствием выпьем и не по одной. Но долго я за столом сидеть не буду, так хочется начать работать над Вашим портретом не теряя драгоценного времени. Мне бы только успеть написать голову и руки с натуры, всё остальное я сделаю по памяти или с помощью натурщика. Как всегда мы будем говорить на разные темы. Вы можете без напряжения сидеть в выбранной позе, вертеть головой, вставать, разминаться – стол у нас накрыт, во время сеанса мы к нему можем подходить и, когда заблагорассудится, выпивать и закусывать».

«Как скажешь, Саша. Мне всегда с тобой очень интересно и приятно! Жалко, что не часто выпадает время на такое неформальное общение. Ну, давай начнем работать. Тот раскладной стул у стены предназначен для меня? Что ж, этот вполне экспедиционный предмет возможно сразу поможет мне войти в образ».

Вячеслав Иванович расположился на стуле перед моим мольбертом, сложив руки на груди. Я без промедления приступил к работе над холстом и, пользуясь

случаем, сразу задал вопрос: «Вячеслав Иванович, я внимательно изучил практически все подаренные Вами книги, но так и не выяснил для себя окончательно, в чем этническое отличие между скифами и пазырыкцами, которые по времени друг за другом населяли одни и те же территории, в частности, обширные районы Алтая. Я к своему стыду до сих пор не представляю эту разницу на физиогномическом уровне. Это как у китайцев – все европейцы на одно лицо! Есть ли примеры антропологических реконструкций пазырыкцев по методу Герасимова¹¹? Мне как художнику хотелось бы увидеть достоверную портретную характеристику представителей этой этнической группы, тем более, что Вам с Натальей Викторовной¹² выпала редкая удача обнаружить на Алтае хорошо сохранившиеся мумии пазырыкцев.

Простудировав от корки до корки Вашу книгу «Меч каролингов», я также хотел уточнить для себя, кто они такие эти каролинги, чем они отличаются от норманов и скандинавов. Ведь найденный Вашей экспедицией в Барабинской лесостепи меч, атрибутирован Вами как изделие XII века из Западной Европы».

«Саша, каролингами назывались жители Германии и Франции, и к скандинавам они отношение не имели, так же как и меч, найденный нами в Барабе».

«Вячеслав Иванович, простите мою непоследовательность в вопросах, простите, что не дождавшись ответа на вопрос о генотипе пазырыкцев, перепрыгнул в XII век к каролингам, а сейчас перепрыгну ещё дальше. Ваше смелое предположение, что меч каролингов мог оказаться в руках Ивана Кольцо¹³, славного сподвижника Ермака¹⁴, до сих пор преследует мое воображение. Где-то с год назад я посмотрел фильм, посвященный Ермаку, в котором была показана история гибели Ивана Кольцо, о том, как его вероломно заманили якобы на переговоры посланцы хана Кучума¹⁵ и предательски убили со всем сопровождавшим отрядом. Хотя, что в этом предательского? Ведь местные жители Прииртышья и части Барабы рассматривали казаков и стрельцов Ермака как завоевателей, которые пришли на их земли прежде всего с целью наживы и грабежа. Это уже потом, в поисках прощения во всех содеянных ранее грехах, Ермак отписал царю Ивану Грозному челобитную, в которой говорилось о готовности послужить Руси, приумножив её территории

---

¹¹ Герасимов Михаил Михайлович (1907-1070) – выдающийся советский антрополог, археолог и скульптор, доктор исторических наук, автор методики восстановления внешнего облика человека на основе скелетных остатков.

¹² Полосьмак Наталья Викторовна (1956) – известный российский археолог, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, лауреат Государственной премии РФ (2005), жена академика В.И. Молодина.

¹³ Иван Кольцо (?-1583) - казачий атаман, сподвижник Ермака Тимофеевича.

¹⁴ Ермак Тимофеевич (1532-1585) – казачий атаман, исторический завоеватель Сибири для Русского государства.

¹⁵ Кучум (1510-1520?-1601?) – сибирский хан, внук Ибака – хана Тюмени и Золотой Орды, потомок Чингисхана.

Сибирью и завоеванным ханством Кучума. С этой челобитной и снарядили бывшего беглого разбойника Ивана Кольцо в Москву к царю Ивану Грозному.

Но, кажется, я слишком много говорю, а поэтому предлагаю немного отдохнуть, пропустить по второй рюмочке, после чего я буду продолжать работу, слушая Вас. Хотя нет, есть ещё один вопрос, который мне давно не дает покоя. Что Вы как профессионал думаете по поводу открытия Генрихом Шлиманом¹⁶ золота Трои¹⁷? Не является ли это мифом, подобным первой высадке американских астронавтов на Луну? Ну да, золото Шлиман нашел, но принадлежит ли оно достоверно царю Приаму¹⁸? Ну да, привезли в 1968 году американские астронавты подлинный лунный грунт, но собран ли он рукой человека, а не механическим захватом аппарата прилунения? Ведь всем известны скандальные интервью знаменитого американского кинорежиссера Стенли Кубрика¹⁹, в которых он поведал миру, что сцены первого прилунения американских астронавтов были фальсифицированы и сняты им в студийных условиях по заданию американских спецслужб и Пентагона.

А вот ещё пример потрясающей мистификации. Вспомните знаменитую историю с фальсификацией произведений Вермеера Дельфского²⁰, когда крупнейший специалист и знаток голландской живописи XVI-XVIII веков Абрахам Бредиус²¹, буквально бредивший на старости лет о существовании ещё неоткрытого периода в творчестве Яна Вермеера, принял, как в том анекдоте про дряхлеющего Брежнева, «шведского посла за болгарского». Бредиус с высокомерием недостижимого специалиста и первооткрывателя объявил всему миру, что жалкие подделки ловкого махинатора Хан Ван Меегерена²², есть гениальные работы Вермеера Дельфского. Атрибуция Бредиусом меегереновского «Христа в Эмауссе», как величайшего шедевра Вермеера, в 30-х годах двадцатого столетия чуть было не поставила крест на научном искусствоведении.

Так вот, не имеем ли мы в лице Генриха Шлимана с его золотом Трои такую же

---

¹⁶ Генрих Шлиман (1822-1890) - немецкий предприниматель, выдающийся археолог-самоучка, один из основателей полевой археологии, первооткрыватель микенской культуры и уникальных находок на месте античной Трои.

¹⁷ Троя (греч. Τροία, Τροίη) — древнее укрепленное поселение в Малой Азии на полуострове Троада у побережья Эгейского моря, недалеко от входа в пролив Дарданеллы в турецкой провинции Чанаккале. Троя II (2600-2300 гг. до н. э.): второе из девяти исторических поселений, развитое и богатое. В 1873 году немецкий археолог Г. Шлиман обнаружил в этом слое знаменитый троянский клад.

¹⁸ Приам – шестой по счету царь Трои; правил 40 лет.

¹⁹ Стенли Кубрик (1928-1999) – выдающийся американский и британский кинорежиссер и продюсер, автор культовых фильмов «Спартак», «Лолита», «Заводной апельсин», «С широко закрытыми глазами».

²⁰ Ян Вермеер Дельфский (1632-1675) – величайший нидерландский художник, мастер бытовой живописи и жанрового портрета.

²¹ Бредиус Абрахам (1855-1946) – известный нидерландский историк искусств, специалист по западно-европейскому искусству, музейный куратор и коллекционер.

²² Хан Ван Меегерен (1889-1947) – нидерландский живописец, портретист, один из известнейших фальсификаторов XX века, прославившийся подделкой картин художников XVII века Яна Вермеера и Питера де Хока.

фальсификацию? Ведь, как рассуждал Меегерен, когда подделывал свои работы под Вермеера, что даже если наступит разоблачение, его имя навсегда останется рядом с именем гениального голландца. И не ошибся, мир о нем до сих пор помнит, даже есть отдельный зал подделок Меегерена в одном голландском музее, в котором представлены и подлинные шедевры Вермеера. Может так думал и Генрих Шлиман, и его честолюбивые планы заключались именно в этом? Хотя от оборотистого Меегерена его отличает беспримерное бескорыстие, с которым он вложил все свои средства на проведение раскопок и передал Германии найденные сокровища. Кстати, до сих пор неизвестно, как золото Шлимана оказалось в Советском Союзе. Вероятно, как контрибуция Второй мировой войны?

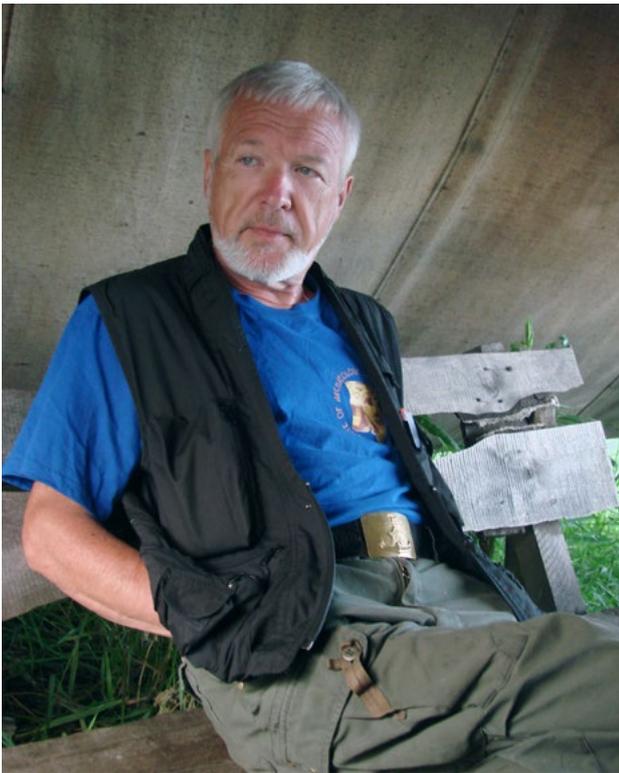
Теперь вернемся к истории с мечом, которой Вы в своей книге «Меч каролингов» придали романтико-детективный характер. Согласно Вашей версии древний меч мог быть в руках Ивана Кольцо, когда он в последней смертельной схватке отбивался от наседавших воинов мурзы Карачи, сподвижника хана Кучума. Невероятно смелое предположение! Честно говоря, очень хочется верить в подлинность этой истории, а также в подлинность золота царя Приама и заодно в высадку американцев на Луну. Хотя сегодня с помощью развитых цифровых технологий визуализации можно подать в 5D-формате самого дьявола из преисподней, да так, что ощутишь его прикосновение и почувствуешь запах горящей серы. Так вот, можно ли считать золото Шлимана золотом времен античной Трои, а не другого исторического периода? Ведь ещё Вольтер²³ сказал: «История - это ложь, с которой все согласны».

«Что тебе, дорогой Саша, сказать о Шлимане. История с ним интересна во многих аспектах. Первое это то, что Шлиман очень хотел найти Трои. Это была его паранойя. Он всю жизнь потратил, чтобы скопить деньги, сделать состояние и все ради того, чтобы финансировать поиски места соответствующего древней Трои и раскопок на нём. Согласись, что сама посылка, когда человек с такой страстью стремится к своей цели уже заслуживает всяческого уважения. Причем всё началось с того, что он с юных лет с увлечением читал «Илиаду» Гомера²⁴, внимательно изучал гомеровские тексты. В конечном итоге финансируемая им экспедиция нашла тот холм, на месте которого была Троя. И это так! Другое дело, что этот холм был многослойным, и в нем были слои до и после Трои. Вообще время Трои – это VIII-IX века до нашей эры. Это период перехода от бронзы к раннему железу. Тогда, когда Шлиман копал этот холм, не было никаких методик работы на многослойных

---

²³ Вольтер (1694-1778) – один из крупнейших французских философов-просветителей XVIII века, поэт, прозаик, сатирик, трагик, историк, публицист.

²⁴ Гомер (VIII век до н.э.) – легендарный древнегреческий поэт-сказитель, создатель эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

*В экспедиции. Академик РАН
В.И. Молодин. Фотоархив В.И. Молодина*

XX века работать над стратиграфией этого раскопа, то появилось обоснованное мнение, что клад Шлимана с троянским слоем напрямую никак не связан. Но на мой взгляд, это не умоляет его заслуги перед человечеством.

Был такой известный советский археолог, историк, доктор наук, профессор Владимир Дмитриевич Блаватский²⁵. Он известен своими работами на античных памятниках. Когда Блаватский приходил на свою кафедру в МГУ, а там в лекционной аудитории висел портрет Шлимана, он забирался на стульчик и поворачивал его лицом к стене. Владимир Дмитриевич, происходивший из потомственной дворянской семьи, будучи чрезвычайно интеллигентным человеком, так выражал свое отношение к Шлиману, считая, что он погубил Трою своим непрофессионализмом и бездарными раскопками. А интеллигентом Блаватский был настолько, что когда водил экскурсии по Пантикапее (а ты наверное помнишь, что это древнегреческий город VII века до нашей эры в районе Керчи), и если в группе были женщины, никогда не позволял себе поворачиваться к ним спиной, и при рассказе пятился по узкой скальной тропинке, рискуя упасть в пропасть. Возвращаясь к Шлиману, скажу честно, что такое неприязненное, более того, демонстративное отношение к

памятниках, да и сам Шлиман не был профессиональным археологом. Он нанял многочисленных работников, которые без разбора начали копать, не соблюдая необходимые правила работы с культурными слоями. Они действительно нашли клад золотых изделий, а в каком именно слое – это тогда никого не интересовало. Главное дело сделано! Свою находку Шлиман тут же квалифицировал как золото царя Приама. Ему было наплевать на то, что помимо этого клада много чего было найдено в других слоях. Это он уже не брал в расчет. Вскоре с легкой руки Шлимана все эти золотые серьги, диадемы, колье, сосуды вошли в науку как золото Трои. Но когда стали в середине

---

²⁵ Блаватский Владимир Дмитриевич (1899-1980) – известный советский археолог и историк античности, доктор исторических наук.

нему не красит интеллигентного Блаватского.

Я считаю это неправильным и несправедливым. Да, Шлиман не профессионал, но он положил всю свою жизнь, все свои сбережения на эти поиски и нашел потрясающие вещи. Это редчайший случай в археологии! Ты только представь себе: человек начинает копать многослойный холм и находит сокровища! Что это значит? А значит это то, что ему светило с Неба! Шлиман, как известно, надевал найденные украшения на свою жену, представляя её Еленой Троянской. Согласись, как это романтично и красиво!»

«Согласен, Вячеслав Иванович, очень красиво! Вы меня извините великодушно за провокационный «разогрев» со Шлиманом. Этой историей я хотел подвести разговор к Вашим раскопкам, снова вернуться к истории с находкой меча каролингов под корневищем многолетней березы на просторах Барабы. Конечно это не золото Трои, но все же часть мировой истории».

«Находка меча – счастливый случай. Искали мы в тех местах совершенно другое. Произошло это события как-то помимо меня. Наша экспедиция была разбросана в тот год по разным местам Барабы. Чтобы не останавливать работы, я просил помощника во время своих отъездов в другие места, заложить раскопы на базовой территории. Мы уже обнаружили там несколько могильников эпохи ранней бронзы, и я знал куда они продолжают. Как-то вернувшись поздно вечером в базовый лагерь, я увидел, что помощник разбил раскоп не так точно, как я ему указал. Он его сделал много больше, сместив прямо под корневища здоровенной березы. Как до такого можно было додуматься? Ведь с этими корневищами пришлось бы горбатиться моим студентам из отряда. Я тогда сгоряча отругал этого недотепу, но ничего нельзя было изменить – время потрачено, раскоп разбит. Утром начинаем работать, снимаем дерн, в том числе под березой. Только начали копать, прибежали и зовут меня. Я подхожу и вижу, что мой студент расчищает какой-то предмет прямо под дерном в корневище березы. Он говорит мне: «Вячеслав Иванович, посмотрите, какое-то металлическое полотно, скорее всего коса». Я про себя думаю: «Ну коса, так коса...» – и прошу студента продолжить работы по расчистке находки. Но вскоре вижу, что это вовсе не коса, а меч с характерной рукояткой и выемкой-долом посередине клинка.

Мне уже тогда стало ясно, что мы имеем дело с изделием западноевропейских оружейников. Когда я привез меч в Академгородок в наш институт и показал его академику Алексею Павловичу Окладникову²⁶, его реакция была моментальной. Он сказал мне: «Слава, ты понимаешь, что нашел западноевропейское изделие,

---

²⁶ Окладников Алексей Павлович (1908-1981) – выдающийся советский историк-археолог, академик АН СССР, член-корреспондент Британской академии, лауреат Сталинской премии, лауреат Государственной премии, Герой Социалистического труда.

что это не славянский меч? Как он мог попасть в Барабу?» И тут же Алексей Павлович выдвинул гипотезу, что меч мог оказаться в этих местах только с отрядами Ермака. Окладников попросил меня срочно подготовить публикацию на эту тему, и я, практически ничего не зная, поднял литературу по древнему оружию, изучил её и быстро написал статью, причем без ошибок в идентификации находки, её хронологии и другим специальным вопросам. После этого Окладников договорился с директором Эрмитажа академиком Борисом Борисовичем Пиотровским²⁷, чтобы реставраторы этого музея почистили от ржавчины наш меч.

Привез я в Эрмитаж меч каролингов и отдал в руки реставраторов. Через некоторое время мы с Окладниковым приехали в Ленинград, пришли в Эрмитаж к Пиотровскому забрать свой экспонат. Приносят меч – и мы с Алексеем Павловичем ахнули. После реставрации он предстал во всей красе. Пиотровский ходит вокруг нас и, потирая руки, наслаждается произведенным эффектом. Действительно, обе надписи на клинке, вязь, украшающая рукоять, говорили однозначно, что сделан меч на острове Готланд. Пиотровский отводит в сторону Окладникова и говорит, что в собрании оружия Эрмитажа нет ничего подобного в такой идеальной сохранности, ни среди славянских древностей, ни среди европейских, что Эрмитаж готов сразу поместить наш меч в основную экспозицию, потому что находка уникальная. Я смотрю, Окладников начинает багроветь, он всегда краснел, когда сильно волновался. Чувствую, что Алексей Павлович этого не хочет, и поскольку человеком он был незаурядным, то ответил Пиотровскому, что смог бы согласиться, но вот он, показывая на меня, не отдаст. Наступило молчание, после чего оба академика расхохотались и это разрядило ситуацию. Потом, когда мы летели назад с мечом в Новосибирск, Окладников несколько раз повторил мне: «Ишь какой Пиотровский! Отдай ему меч... Что же это мы будем наш родной Академгородок обделять! Нам самим в наш музей такие вещи нужны!» Вот так закончилась эта история!»

«Нет, дорогой Вячеслав Иванович, для меня она ещё не завершилась! А где военно-историческое продолжение её, где в ней место Ермаку и Ивану Кольцо? Как меч попал в Сибирь, в Барабу?»

«Да, я вижу, Саша, не отвертеться мне от тебя. После моей статьи по идентификации меча, к этой теме вернулся профессор Анатолий Николаевич Кирпичников²⁸ и болгарский археолог, специалист по древним надписям Дубоглав. Они написали ещё одну статью, посвященную надписям и датировкам на мече. И оказалось, что

---

²⁷ Пиотровский Борис Борисович (1908-1998) – выдающийся советский ученый-археолог, востоковед, академик АН СССР, Герой Социалистического труда, в течение многих лет директор Государственного Эрмитажа.

²⁸ Кирпичников Анатолий Николаевич (1929) – советский и российский археолог, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

моя идентификация была абсолютно правильной. Это потом, когда я писал книгу «Меч каролингов», то решил рассмотреть версию Окладникова про Ермака. Я внимательно изучил вопрос, какое оружие было в отрядах Ермака, и установил, что и у казаков, и у стрельцов наряду с саблями, пиками и ружьями были ещё и мечи. Потом я подумал, что привез же Иван Кольцо из Москвы, после своего визита к Ивану Грозному, в подарок Ермаку от царя доспехи за освоение сибирских земель. Мы уже говорили с тобой, что после взятия Искера – столицы сибирского ханства, Ермак отправил Ивана Кольцо к Ивану Грозному «бить челом» о новом царстве сибирском. Из Москвы Кольцо вернулся с похвальной царской грамотой и дарами. Сибирь прельщала Ивана Грозного своими просторами и природными богатствами, прежде всего пушниной.

Вообще ещё задолго до Ермака русские часто проникали за Каменный пояс. Если на Севере аборигены, среди которых были самоедцы, ханты и манси, относились к появлению русских толерантно, то на юге Сибири, там, где правил хан Кучум, и в качестве основной религии был распространён ислам, русские поселения расценивались как захватнические и враждебные. Столицей Кучума был Искер, и под ним находились ещё несколько крупных центров, одним из которых была Бараба. Именно здесь было городище и ставка наместника Кучума мурзы Карачи. В этих местах по настоящее время сохранились этнические поселения под названием Карачи. Тебе же хорошо известна минеральная вода «Карачинская», которую забирают из скважин знаменитого ныне сибирского курорта «Карачи».

Надо сказать, что барабинские татары, а это были потомки древних тюрков, которые смешались с южными хантами и самоедцами, все были под Кучумом. И не приди туда русские, там бы сложилось мощное исламское государство по примеру Казанского царства того времени. Кстати, в Сибирь ислам пришёл из Казани.

В Барабу, вслед за отрядами Ермака, продвигался русский крестьянин, который очень быстро и органично вписался в эту структуру. И хотя были отстроены пограничные остроги, барабинские татары вполне терпимо воспринимали русских. Был налажен натуральный обмен, некоторые семьи начали родниться. Русские принесли в Барабу, да и в целом Сибирь, культуру земледелия, ремесленное производство, например, изготовление керамики, и многое другое, чего не умели делать местные татары. Межнациональные отношения развивались в этом месте вполне мирно, но это не означало, что верхушка во главе с Кучумом была этим довольна. Ещё долго продолжались набеги отрядов Кучума на русские поселения в Сибири, пока его не укокошили, согласно преданию, на реке Оби».

«Вячеслав Иванович! И все-таки, как по Вашему предположению мог оказаться меч каролингов в руках Ивана Кольцо?»

«Дорогой Саша, конечно это чисто мои домыслы. Ведь привез Кольцо Ермаку

в подарок от Ивана Грозного доспехи! А почему бы он не мог привезти из Москвы и этот меч? Меч XII века, как драгоценная редкость мог храниться в Оружейной палате Московского кремля. Он являлся произведением западноевропейского оружейного искусства, был богато украшен, посвящен Деве Марии. Иван Кольцо вполне мог получить его как личный подарок от Ивана Грозного. Иначе трудно себе представить, как меч попал в Барабу».

«А караванными путями купцов из Европы он разве не мог оказаться там?»

«Ну, конечно можно представить и такой сценарий его появления. Скорее всего с Севера, потому что фактов проникновения на Север изделий из металлов в виде чаш, блюд, ножей, кинжалов, сабель очень много. Всё это оседало у хантов и манси и использовалось ими на ритуальных местах. Если бы мы нашли на Севере меч, подобный нашему, то это не вызвало бы большого удивления, поскольку нам попадались там изделия из Ирана, Булгарии, Польши. Но в Барабе никаких караванных путей не было. Можно только предположить, что меч попал туда с Севера. Но поскольку я его буквально вытащил из под корневища березы, то скорее всего его потеряли. Но разве такие вещи теряют просто так? Оцени правильно ситуацию. Рядом с местом находки меча есть современное поселение Карачи, в котором мы обнаружили городище времен барабинских татар. Я не исключаю, что это то место, где погиб Иван Кольцо. Согласно легенде, его пригласили в гости к мурзе Карачи, чтобы обговорить какие-то условия, но затем предательски напали и перебили весь небольшой русский отряд вместе с Кольцо. Меч мы нашли под старой берёзой, а рядом пролегла дорога, причем древняя, потому что она шла вдоль второй террасы, а не в пойме. Вероятно, нападение состоялось на этой дороге, когда Иван Кольцо с отрядом возвращался из гостей».

Академик РАН В.И. Молодин и член-корреспондент РАН Н.В. Полосьмак. Бараба. 2016. Фотоархив В.И. Молодина

«Вячеслав Иванович, всё вполне правдоподобно, прямо в современном жанре экшен, но только береза – слишком литературно. И потом, согласно ботаническим справочникам, береза в среднем живет 120, максимум 150 лет. На месте той березы за обсуждаемый исторический отрезок времени могли вырасти, как минимум три новых дерева. А на какой глубине Вы обнаружили меч?»

«Да почти на поверхности, сразу под дерном, на глубине трёх-

пяти сантиметров. Повторяю, меч туда просто так положить не могли. Если бы это было святилище, то мы там кроме меча обязательно нашли бы другие культовые предметы, а их не было. Вот я и придумал такую версию».

«Шикарная версия! Мосфильм плачет! Вячеслав Иванович, давайте поднимем ещё по чарочке за романтику профессий археолога и художника».

«Нет, Сашенька! Я предлагаю выпить за твою мастерскую. Я люблю к тебе приходиться, смотреть на твои картины. Ты же знаешь, как мне нравится портрет твоей дочери Катюши в синем жакете. Выдающаяся работа, музейного уровня. Вот и сегодня я с особым теплом смотрю на образ Кати и не могу налюбоваться. Для меня честь позировать тебе. Я преклоняюсь перед твоим талантом. Две твои картины украшают мой дом, их я с гордостью показываю всем гостям. Если помнишь, то одна из этих работ – натюрморт с сиренью, чудесно написанной в контражур против яркого света. А сейчас ты пишешь цветы?».

«Нет, Вячеслав Иванович, я давно не писал цветочные натюрморты, а всё что было раздарил хорошим людям, либо записал новыми работами. Кстати, портрет Генриха Александровича на зеленом фоне, который Вы не раз отмечали, написан поверх натюрморта с сиренью, а один из портретов моей жены, написан по поверхности натюрморта с крымскими розами, с которого я все же успел сделать акварельную реплику.

Любимый Вами портрет моей дочери Кати написан на портрете академика Бориса Федоровича Мясоедова²⁹. К сожалению, так сложились обстоятельства. Когда Катюша буквально на два дня вырвалась к нам в Москву, у меня под рукой не оказалось чистого холста. Я потом написал другой портрет Бориса Фёдоровича, который теперь находится у него. Так что хлопот с моими работами у реставраторов будет предостаточно, если до этого дойдёт дело. Представляю их удивление, когда в инфракрасных и рентгеновских лучах на холстах художника Толстикова проявятся другие лица и сюжеты. Придется им изрядно попотеть подобно

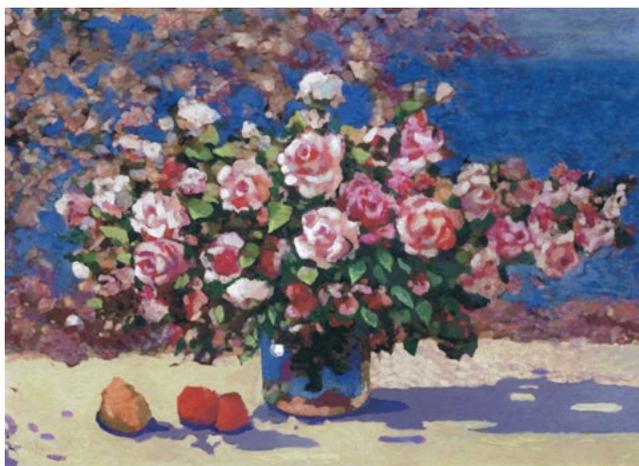

*В.И. Молодин в мастерской
А.Г. Толстикова. Москва. 2011*

²⁹ Мясоедов Борис Фёдорович (1930) – выдающийся советский и российский ученый, радиохимик, академик Российской академии наук, советник Президиума РАН, заместитель академика-секретаря Отделения химии и наук о материалах РАН.

археологам над многослойными раскопами.

Что же касается моих натюр-мортов с сиренью и розами, а другие цветы я не писал в подражание любимым Коровину³⁰ и Кончаловскому³¹, то в один прекрасный день все эти работы показались мне совершенно не мужским творчеством. Однако не переживайте, Ваш портрет я пишу на новом холсте – ни одна предыдущая работа не пострадала. А с портретным жанром я уже не расстаюсь более десяти лет – настолько влюблен в людей, в образ человеческий. Правда, среди моих героев нет ни одного случайного персонажа, я не умею писать незнакомцев, я их не чувствую,

А.Г. Толстиков. Розы и море.

Холст, масло. 2006

(Натюрморт, на котором написан портрет О. Толстиковой 2009 года)

А.Г. Толстиков. Портрет Ольги Толстиковой. Холст, масло. 100x80. 2009

не знаю их душевного наполнения. Я не могу подойти к человеку формально и нарисовать его изображение только ради денег. Для этого есть другие мастеровитые художники, наконец есть многочисленные фотостудии, в которых из тебя сделают Мэрилин Монро и даже лучше.

Вячеслав Иванович, давайте продолжим в следующий раз разговор о Ваших замечательных экспедициях, так как я вижу, что отведенное время уже заканчивается и Вам надо бежать по делам».

На другой день Вячеслав Иванович был в моей мастерской минута в минуту, и мы продолжили прерванную беседу и работу над портретом. Молодин расположился на прежнем месте, попутно заметив, что ему действительно нравится экспедиционная мебель, и он по-осо-

---

³⁰ Коровин Константин Алексеевич (1861-1939) – выдающийся русский живописец, театральный художник, педагог, писатель.

³¹ Кончаловский Пётр Петрович (1876-1956) – выдающийся русский и советский художник, академик АХ СССР, Народный художник РСФСР, лауреат Сталинской премии первой степени.

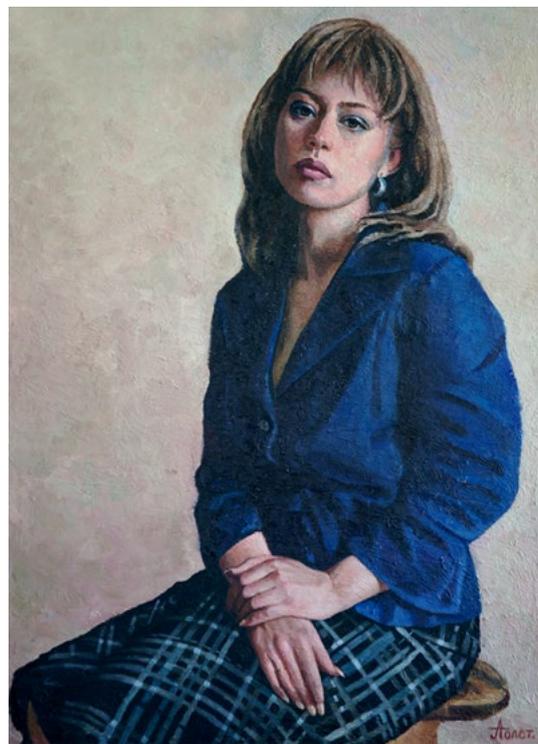
А.Г. Толстиков.

*Портрет радиохимика, академика
РАН Б.Ф. Мясоедова. Холст, масло.
110x70. 2009. (Воссоздан в 2017 году)*

бенному воспринимает то, что я его усадил на портрете на раскладной деревянный стул.

Мы приступили к работе и я спросил: «Вячеслав Иванович, принимая во внимание многочисленность Ваших экспедиций, можно ли узнать какой вклад в их результативность привносит случай. Что такое для археолога удача, сколько и чего надо найти, чтобы воскликнуть: «Ура, удачная экспедиция!» Как готовится эта удача, ведь полевые работы это не туристическая прогулка: приехал в степь, разбил раскоп и начал махать лопатой, а вечером у костра попил песни и спать, а с утра всё сначала. Задаю эти вопросы не как художник, а как ученый-химик, которому часто приходится слышать от физиков и математиков определение, что химия наука не фундаментальная, а сугубо

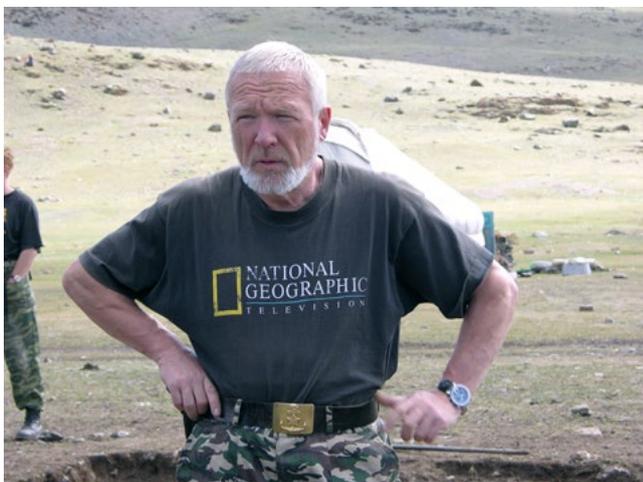
прикладная. Стоит себе химик в лаборатории под вытяжным шкафом и кашеварит наобум в колбах, а потом описывает что получилось. То ли дело теоретическая физика, квантовая механика, адронный коллайдер, кварки, мюоны, теория относительности Эйнштейна, теоремы Ферми и Коши. Вот она – квинтэссенция фундаментальной науки! Правда на такие высокомерные наезды великовозрастных троечников по химии мой отец, ваш друг Генрих Толстиков отвечал словами величайшего ученого всех времен и народов, нобелевского лауреата, химика-органика Роберта Вудворда: «Согласен, химия не фундаментальная наука, она искусство, а значит она выше!» Думаю, что и в адрес археологии Вы

*А.Г. Толстиков. Катя в синем
жакете. Холст, масло. 110x70. 2009*

тоже не раз слышали слова: «Где же тут фундаментальность, копаются как кроты в земле». Хотя сегодня археология стала мультидисциплинарной и не обходится без участия в своих изысканиях специалистов в области геофизики, химии, генетики, палеоботаники, медицины, информационных технологий. Так что мы с вами сродни в своей необходимости давать отпор тем ограниченным умам, которые считают, что химия и археология пустяк – крутятся по жизни какие-то чудачки, кто с колбой, кто с лопатой, а дальше куда кривая выведет».

«Что тебе сказать на это, Саша? По-разному складывается в археологии. В молодые годы в научной жизни любого археолога, когда он ещё недостаточно опытен, большую роль играет случай, когда он тебе дарит археологический памятник. Ты начинаешь его исследовать, и он оказывается чрезвычайно информативным, фактически становится ключом в твоих дальнейших глубоко обдуманных

*Начальник экспедиции.
Фотоархив В.И. Молодина*

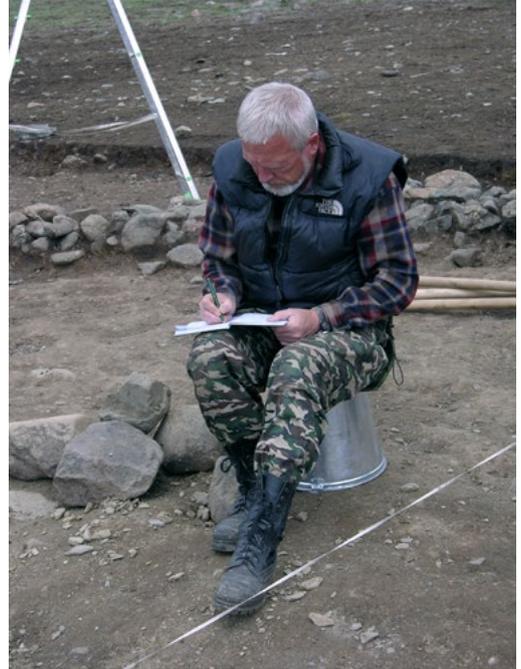
и подготовленных работах. Как у меня в случае с мечом каролингов – копал я совершенно другие вещи, и я их нашел, а меч был удачей, подарком судьбы. Даже в тот момент, когда его нашли, я не сразу оценил значение этого дара. Ну, меч как меч, что тут особенного, сколько их еще будет?! Только с возрастом начинаешь понимать, что жизнь коротка, и каждому археологу в ней не так уж много отведено обнаружить знаменательных памятников.

Так было у меня с сопкой.

Сопка это огромный погребальный комплекс, в котором находилось свыше семисот захоронений и культовых мест. Невероятно информативный памятник, потребовавший тринадцати лет раскопок и отработок специальных методик для них, что тоже очень важно. Мне кажется, что эта работа была уникальной, что благодаря сопке мы получили картину историко-культурных процессов в Прииртышье и значительной части сибирской лесостепи на протяжении всего времени «бронзы». До наших исследований об этом были только отрывочные, мозаичные данные. В случае с сопкой, я отчетливо понимал с самого начала, что это памятник абсолютно незаурядный, и, не взирая на то, что был занят в других проектах, с тем же Укоком на Алтае, я нашел время и силы продолжать работы по сопке. Мой институт всегда шел навстречу, меня активно поддерживали и академик Алексей Павлович Оклад-

ников, и затем академик Анатолий Пантелеевич Деревянко³². Одним словом, Бог подарил мне удачу! Я давно закончил раскапывать сопку, но до сих пор занимаюсь интерпретацией найденного на ней. Вышли два тома капитальной коллективной монографии на эту тему, готовятся к изданию третий и четвертый том.

Знаешь, Саша, когда приходит опыт и мастерство, тогда можно делать сенсацию, как говорится, по заказу. Был в моей жизни такой эпизод. Попал я на Укок на Алтае. Честно признаюсь, никогда туда не стремился, это место меня особенно не интересовало. Так получилось, что моя супруга Наталья Полосьмак начала там копать, и сразу с великолепным результатом. Этим немедленно заинтересовались японские коллеги, и с ними был заключен деловой договор. Это было начало 90-х годов, сам помнишь, какое это было время. Пришел к власти Ельцин, но до этого президент СССР Михаил Горбачев был с официальным визитом в Японии и заключил с деловыми и научными кругами этой страны большой договор. Благодаря этому договору на нас вышли японцы, с которыми мы определили где будем проводить работы по раскопкам. Полосьмак должна была продолжить свои раскопки на Укоке, а

*Работа в полевых условиях.
Фотоархив В.И. Молодина*

Академик В.И. Молодин с монгольским коллегой на раскопках. Монголия. 2006

я должен был выбрать в тех местах крупный пазырыкский курган, где жили настоящие пазырыкские цари, и начать его копать».

«Ну вот, наконец мы с Вами, дорогой Вячеслав Иванович, подошли к главной теме, с которой вчера начали нашу встречу. Кто такие пазырыкцы? Что это за этнос, какой у них генотип, на кого они похожи?»

---

³² Деревянко Анатолий Пантелеевич (1943) – выдающийся советский и российский историк, археолог, академик АН СССР (РАН), специалист по палеолиту Сибири и Дальнего Востока, видный общественный деятель, сопредседатель Российского исторического общества.

«Пазырыкцы по Геродоту³³ – это стерегущие золото грифы. На существовавшей тогда карте Евразии Геродот помещал скифов, аристеев, алимаксов, а на юге, согласно ему, проживали стерегущие золото грифы. Это место как раз совпадает с территорией Горного Алтая. Пазырыкцы – население, которое по времени проживало почти синхронно со скифами, а это приблизительно VI-III века до нашей эры. Тогда уже существовал единый скифо-сибирский мир. А в чем единый? Да в том, что у них были общие традиции в искусстве, в так называемом характерном скифском зверином стиле украшений из бронзы и золота в конской упряжи, предметов быта, культа и оружия. Например, всем известны знаменитые изображения животных с согнутым туловищами и оскаленными пастьями. Этот стиль существовал от Тувы до Скифии, далее до причерноморья, и на востоке до Ардоса. Вот та огромная территория, на которой произведения искусства делали если не по шаблону, то в специфическом, как ни у кого, стиле. Итак, пазырыкцы – это население, проживавшее на обширной территории Алтая и части Монголии. В чем им повезло? А повезло им в том, что благодаря неординарным природным условиям, то есть мерзлоте в районах алтайского плоскогорья, до нас в хорошей сохранности дошли многие образцы их культуры и быта, а также останки мумий. В нашей стране первые раскопки пазырыкских курганов были проведены Радловым³⁴ в районе Казахстанского Алтая, а потом, в 20-е и 50-е годы прошлого столетия, Грязнов³⁵ и Руденко³⁶ открыли знаменитые пазырыкские могильники.

Но вернемся в 90-е годы, к нашим с японцами раскопкам. Я тогда сказал моему институтскому начальству, что коль скоро мне предстоит копать самый большой курган на Алтае, то я поеду и сам его выберу.

Кончился очередной полевой сезон, была поздняя осень, уже падал снег. Места эти на Алтае были все известные, например, долина Башадар. Именно Башадар был у пазырыкцев если не столицей, то по крайней мере центром их кочевья. Это легко определялось тем, что в этом месте находились самые большие курганы. Руденко в 50-е годы раскопал в башадарской долине несколько крупных курганов и получил прекрасные результаты. Нашел колоду, украшенную росписями, бронзовые изображения тигров и многое другое. Я поехал в это место и нашел ряд могильников, которые по размерам в 2-3 раза превосходили пазырыкские. И я решил, что если искать настоящих пазырыкских царей, то именно в таких курганах. Один из них

---

³³ Геродот (около 484 г. до н.э. - около 425 г. до н.э.) – знаменитый древнегреческий историк, автор первого сохранившейся исторического трактата «История», описывающего греко-персидские войны.

³⁴ Радлов Василий Васильевич (имя при рождении — Фридрих Вильгельм Радлов (1837-1918) — российский востоковед-тюрколог, этнограф, археолог и педагог немецкого происхождения, один из пионеров сравнительно-исторического изучения тюркских языков и народов. Автор около 150 научных трудов.

³⁵ Грязнов Михаил Петрович (1902-1987) – известный советский историк, археолог, антрополог.

³⁶ Руденко Сергей Иванович (1885-1969) – известный советский археолог, антрополог, этнолог, гидролог.

я выбрал и запланировал его, как объект совместных с японцами изысканий. Я поехал в Горноалтайск к руководителю Алтайской автономной области Чаптынову Валерию Ивановичу за разрешением на проведение работ. Он пошел навстречу, хотя очень неохотно – в начале 90-х уже чувствовалось специфическое настроение малых народностей на окраинах России. Чаптынов, дав мне разрешение на раскопки, посоветовал заехать в Ангудай и в местном райисполкоме поговорить на эту тему дополнительно. Я заехал туда, там тоже вроде бы согласились, но на самом деле все эти договоренности оказались туфтой. На следующий год, когда мы, снаряженные японцами, поехали туда на раскопки кургана, местные жители в деревне Кулада устроили сход и постановили, что никаких раскопов они производить не дадут. Сказали, что это их предки, и идите вы на все три буквы. Ещё и японцев тащите!

Что делать? Ситуация патовая! Японцы народ серьёзный, закупили дорогостоящее оборудование, специальный экскаватор, сами нацелились ехать. Собрали экстренное совещание, на котором академик Деревянко сказал, что остается только Укок, что по крайней мере туда никто из местного населения не придет с оружием прогонять экспедицию. Надо сказать, что местное население на Укоке, после первых работ Натальи Полосьмак, относилось к археологам вполне доброжелательно. Недалеко находилась российская погранзастава и пограничники взяли над нами шефство, сказав, что если кто из местных начнет баламутить, дадим такого жару, что мало не покажется. Вот так в моей жизни появился международный проект Укок.

В 1991 году я был вынужден забрасывать на это плоскогорье оборудование, и мы договорились, что Наталья Полосьмак будет заниматься пазырыкцами, а я тем, что уж достанется. Я поставил себе задачу обследовать весь район плоскогорья Укок, и уже в 1992-ом мы нашли там древнейшие наскальные изображения. Там я раскопал памятники периода от ранней бронзы до позднего средневековья.

Честно скажу, я несколько завидовал Полосьмак. У Натальи раскопки проводились в зоне мерзлоты, все её находки были в прекрасной сохранности. А мне как-то в этом плане не совсем везло. Наконец, в 1995 году мы раскопали пару курганов с мерзлотой,

На раскопках в Монголии. 2006.

Фотоархив В.И. Молодина

в которой обнаружили хорошо сохранившиеся человеческие останки, в одеждах и даже в шубах. Главное заключалось в том, как их сохранить, реставрировать и идентифицировать. С этого времени и начались наши совместные работы с медиками, химиками, биологами, геологами. В итоге получилось несколько серьезных мультидисциплинарных работ, за которые мне с Натальей Полосьмак в 2005 году была присуждена Государственная премия России нового формата. Потом мы решили пригласить на Укок геофизиков во главе с академиком Михаилом Ивановичем Эповым³⁷. С помощью его передовых методов нам удалось точно определить курган со стопроцентной мерзлотой. А нас уже местные власти не пускают туда с раскопками, а жизнь идет. И тут я решил подключить к раскопкам своего немецкого коллегу, известного археолога Германа Парцингера³⁸. Я свозил его на Укок и все показал. Герману очень захотелось принять участие в таком проекте. Тогда я ему говорю: «А давай попробуем копать с другой стороны к Укоку, со стороны Монголии. Ведь там наверняка есть подобные курганы». Кстати, на эту мысль меня навел академик Николай Леонтьевич Добрецов³⁹, который, будучи тогда председателем Сибирского отделения РАН, официально встречался с президентом академии наук Монголии Баатарыном Чадраа. Я тоже присутствовал на этой встрече. При обсуждении планов совместных работ между двумя академиями, Чадраа спросил

Российско-германская экспедиция на раскопках в Монголии. В центре сидят слева направо: профессор Г Панцингер (Германия), Д. Цэвээндорж (Монголия), академик РАН В.И. Молодин (Россия). Монголия.2006. Фотоархив В.И. Молодина

³⁷ Эпов Михаил Иванович (1950) – крупный российский ученый, специалист в области геологии, геофизики, академик Российской академии наук, заместитель председателя Сибирского отделения РАН.

³⁸ Герман Парцингер (1959) – известный немецкий археолог, специалист по скифской культуре.

³⁹ Добрецов Николай Леонтьевич (1936) – выдающийся советский и российский ученый геолог, академик Российской академии наук, председатель Сибирского отделения РАН (1997-2008).

у Добрецова, могли бы российские археологи отыскать пазырыкские памятники в Монголии? Добрецов ответил, что проблем нет и, указывая на меня, произнёс: «Пригласите Молодина, он вам их найдет». Так возникла эта идея, но надо было найти деньги на экспедицию.

Я пригласил немецких коллег во главе с Германом Парцингером в этот проект, и только в 2004 году мы поехали Монголию и провели разведку напротив Укока со стороны Монголии. Но оказалось не все так просто. Я думал, что в этом высоком месте будет много больших курганов, на самом деле это было не так, хотя несколько средних могильников я все-таки нашел.

На следующий 2005 год, когда мне с Полосьмак присудили Государственную премию, мы забросили в Монголию группу геофизиков вместе с академиком Эповым и на обнаруженных мной ранее могильниках провели геофизическую разведку. Надо сказать, что работа Эпова с коллегами была уникальной. Панцирь монгольского плоскогорья был каменный и забить обычным способом специальные электроды было невозможно. Тогда Эпов промоделировал своеобразную угловую забивку этих электродов и дал нам сведения о мерзлоте в трёх курганах.

В 2006 году мы организовали российско-германскую экспедицию, чтобы целенаправленно раскопать обнаруженную Эповым мерзлоту. Приехали в Монголию, начали копать первый курган, самый высокий, в котором согласно Эпову была мерзлота. Копаем, но никакой мерзлоты нет, выходим на материковый слой – нет характерного пятна мерзлоты. Но Эпов показывает на диаграммы и говорит мне: «Смотри, есть мерзлота на глубине двух метров!» Мы продолжаем копать, углубляемся до двух метров – работа жуткая, страшно холодно! Доходим до линзы льда, и... удивительный случай, рядом находящаяся скала образовала своеобразный карман, в который естественным образом собралась вода, замерзшая в ледяную линзу, имитирующую могильную яму.

Мы вбухали в эту работу более полутора месяцев, а экспедиция была запланирована всего на два. Раздосадованные, мы оставили это место и спустились ниже в долину, в которой по пазырыкской цепочки обнаружили явно грабительский лаз в другой могильник. Копаем, натываемся на мерзлоту и видим, что могильник разграблен в дым. Ну находим все же останки двух людей, несколько деревянных вещей и всё. Грабители, которые внедрились в этот могильник настолько его разорили, что все оставшиеся после них вещи сгнили. А нам осталось до конца экспедиции меньше двух недель.

Мой друг Герман Парцингер притащил за большие деньги центральный канал немецкого телевидения, они снимают все наши неудачи. Беда! Уже в сердцах берем в этом могильнике крайний небольшой курган, раскапываем его в три дня и он оказывается гуннским жертвенником. Видимо были случаи, когда в позднее время

гунны пристраивали свои культовые места к пазырыкским могильникам. Там мы нашли горшок и кусок несъеденной кости. И только! Время на исходе, все мрачные, злые – затрачены огромные деньги!

В дополнение ко всем неудачам нам вдруг сообщают из Улан-Батора, что на раскоп приезжает сам президент Монголии, который хочет посмотреть, чем мы занимаемся. Он отдыхал рядом на даче в горах. Что делать? Я звоню в Улан-Батор с просьбой продлить ещё на неделю срок нашей экспедиции. Мне отвечают, что продлим, только найдите хоть что-нибудь, ведь сам президент едет! Как быть? Кидаемся расчищать последний курган и параллельно закапываем те курганы, на которых уже работали. Одним словом, совсем выбились из сил. И представь себе, снимаем половину грунта на последнем кургане, выходим на материковый слой, расчищаем, а пятна мерзлоты нет. Полный, извини, «пи...ц» всему! Подошли немцы, которые закапывали другие курганы и тоже сникли. Аномалии кургана есть, всё нетронуту, в чем дело? Я в отчаянии стал отдирать материковый слой, как вдруг он начал откалываться своеобразными пластами. Я зову своего аспиранта, и мы с ним вдвоем продолжили отдирать эти слои. И вдруг на фоне красного материка полезло белое пятно. Мы начинаем его очищать и через сорок минут видим

*«Замерзшее» погребение пазырыкской культуры.
Монголия. 2006. Фотоархив В.И. Молодина*

огромное пятно мерзлоты. Вскрываем, а там сруб и мумия человека в шубе. Вот она удача!

Прилетел президент Монголии, радуется вместе с нами. Потом все находки надо было везти в Улан-Батор. Представляешь, что стало бы с ними, если бы мы повезли их через всю Монголию на машинах по жаре. Тогда нам очень помог президент, который прислал пограничный вертолет. Вот это было открытие, к которому я шел осознанно, несмотря на всю драматичность ситуации».

«Да, Вячеслав Иванович! Сюжет, так сюжет! Дух захватывает! С такими разговорами, боюсь, я никогда не закончу Ваш портрет. Вдруг монгольский президент захочет на него взглянуть. Придется дать Вам кисть в руки и просить помочь мне. Хотите попробовать, хотя бы фон покрасить?»

«Нет, Саша! Это дело серьёзное, и не проси, как-нибудь сам доведи дело. Давай помолчим, а то мне кажется, я тебя своими разговорами сильно отвлекаю».

«Вовсе нет, Вячеслав Иванович! Наоборот, создаете правильное настроение, что очень помогает моей работе. И если Вы не устали от расспросов, то меня очень интересует тема с Илимским острогом и нательными крестами, которые там были найдены. Вы мне подарили книгу, посвященную теме культовой пластики. Как Вас на все хватает? То пришлось изучить западноевропейское холодное оружие, когда идентифицировали меч каролингов, то серьезно погрузиться в исследование культовой пластики в случае илимских нательных крестов. Что за исторический памятник этот Илимский острог, когда он был основан, что люди его населяли, откуда такое невероятное количество нательных крестов? Вы натолкнулись там на кладбище? Какую роль выполнял Илимский острог – был ли это пограничный пост Руси или место, куда ссылали на каторгу преступников и неугодных?»

«Знаешь, Саша, сначала Илимский острог возник как форпост. Но были ещё причины для его основания. Существовал так называемый волок русских из Илима на Лену, и он проходил как раз через это место. Здесь снаряжались экспедиции, которые шли на Север. Вторая причина определялась знаменитой илимской пашней. Вокруг Илима оказались плодородные земли, что для Восточной Сибири довольно редкое явление. Именно илимская пашня превратила этот острог в город, сначала заштатный, а затем в крупный. Фактически Илим стал в Сибири центром земледелия. Потом, когда на Лену открыли другие пути, Илим утратил свое значение, но люди там жили, и продолжали бы жить до сих пор, если бы не каскад ГЭС, строительство которых потребовало создание обширной зоны затопления, и Илим попадал в неё. В результате, несмотря на то, что в этом месте находилось много исторических памятников, например, деревянных храмов, которые перевозили в Иркутск в музей под открытым небом, все остальное развалили и затопили. А у нас была экспедиция в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС, и мы прово-

дили там плановые раскопки. Мой отряд попал туда последним. До нас на Илиме работали другие экспедиции, но не очень много сделали. Поэтому меня и отправил туда академик Окладников, поскольку вскрылись новые подробности. Например, план города, который мы имели, не совпадал с реальным, пришлось уточнять его границы. В этих уточнениях мы и натолкнулись на кладбище, которого не было на плане.

В поисках древних башен, их остатков, мы забивали раскопы на разных участках. И пошли совершенно неожиданные находки – водоводы, о которых сообщалось в летописях, но никто из нас не знал, что это такое. Водоводом оказалась труба из бревен. Через этот водовод вся вода с гор и родников протекала через весь город, а водоводов было несколько. Раскапывая одно из деревянных сооружений, мы натолкнулись на кладбище, которое, как мы вычислили, находилось рядом с храмами. Продолжая раскопки, мы нашли триста тридцать захоронений. Все нательные кресты взяты из них. Поскольку статус моей экспедиции был охранным, и, тем более, вся эта территория вскоре должна была уйти под воду, то я не мог бросить работу по сбору этих крестов. Вот так они у меня оказались.

Кресты надо было изучить и описать, а это предмет специальной науки – ставрографии. В советское время от этой дисциплины мало что осталось. Сначала все кресты пришлось реставрировать, потом я потихоньку стал осваивать ставрографию, познакомился в Москве в музее имени Рублева со специалистами. В этом музее очень сильная научная школа по ставрографии, меня многому там обучили, после чего я написал свою книгу, которую подарил и тебе. Мне даже предлагали по ней защитить докторскую диссертацию по искусствоведению. Без преувеличения могу сказать, что по поздней пластике таких работ ещё не было. Мною была разработана типология, сделаны наработки по части семантики. В коллекции много было крестов с изображением распятия Иисуса, что для православной поздней пластики не характерно. Это кресты явно западные, либо из Украины, либо из Польши. По этим крестам можно было понять, как и кем заселялась Сибирь, кто сюда шел. Нам удалось изучить демографию острога и посчитать сколько лет в нем жили люди на основании найденного антропологического материала. Вот так, дорогой мой Саша!»

«Вячеслав Иванович! А что это за история с деревянным Христом? Этот интерес у меня тоже не случаен, так как работая пятнадцать лет назад на Западном Урале в городе Перми директором Института технической химии, я в свободное время не раз посещал Пермскую картинную галерею, экспозиция одного из залов которой посвящена пермской деревянной культовой скульптуре, так называемым пермским богам. Это потрясающее искусство, для Руси абсолютно нехарактерное. В нем больше западных традиций, традиций стиля барокко. Я прекрасно помню

сцены из распятия Христа, «Спаса в темнице», многочисленных ангелов. Считается, что эта скульптура проникла в Пермский край с русского Севера. Насколько я знаю, русской православной церковью канонически запрещалось трехмерное изображение Христа. Святой Синод разрешал только иконическое, то есть плоское изображение».

«Ты прав, Саша, импульсы подпитавшие появление пермской деревянной скульптуры шли с Западной Европы. А если говорить о найденной нами в Сибири деревянной скульптуры распятого Христа, то сегодня она украшает музей Института археологии и этнографии в Академгородке.

Вообще история этого распятия напоминает детектив. Произошла она в Илимске. Во время наших раскопок к нам в лагерь приехал местный участковый милиционер. Подошел ко мне и говорит, что не так давно к нему в отделение принесли деревянную скульптуру Христа, который явно был на кресте, но креста нет. Спрашивает, нужна ли она мне, так как считает, что вещь явно ценная и древняя. Трудно сейчас поверить в такое бескорыстие. Уверен, что современный его коллега загнал бы эту скульптуру за большие деньги и, как говорится, не парился. Я приехал в милицейский участок и этот участковый передал мне скульптуру.

А история её появления оказалась такой: когда перевозили из Илимска в Иркутск деревянные храмы из зоны затопления, в одной из церквей находилось это распятие и его оторвали от креста и попросту украли. Как деревянный Христос оказался в милиции – этого я не знаю. Я помню отблагодарил милиционера двумя бутылками армянского коньяка «Наири» двадцатилетней выдержки, которые довольно просто купил в обыкновенном местном магазине. Дело в том, что эта часть Илимска была крайним участком байкало-амурской магистрали. Снабжение продовольствием строителей БАМа в 1985-1986 годах оставалось прекрасным, тогда как во всей стране мясная тушенка была на вес золота. Вот тебе ещё один пример счастливого случая в жизни археолога.

Ты меня извини Саша, рассказывая тебе о пазырыкцах, я начал, но не развил мысль о том, что их культуре повезло с тем, что многие предметы и сами человеческие мумии попали в зону мерзлоты на Укокском плоскогорье Алтая. В противном случае, мы о них ничего бы не знали, всё истлело бы. Ведь в других местах, связанных с тагарской и минусинской котловинами, ничего не сохранилось, кроме великолепных изделий из бронзы. Пазырыкцы были беднее, проще, но благодаря мерзлоте дошли до нас ярко. Особенно ткани, войлоки с чудесными аппликациями.

Вообще ткани в истории человека появились рано. Недавно на знаменитой Денисовой пещере в слое пятьдесят тысяч лет была найдена игла с ушком. О чем это говорит, да о том, что в то время были не просто шкуры и какие-то троглодиты бродили в них. В это время люди умели делать нить и, вероятно, были

свои Славы Зайцевы⁴⁰, которые определяли покрой одежды, сшитой нитями. Необязательно, что это была нить из шерсти овцы – животные ещё не были domestцированы. Вполне возможно, что нить была растительного происхождения из льна, конопли или крапивы. В ушко найденной иглы никакая жила не могла пролезть. Повторю, ткань появилась у человека рано. Если взять время бронзы, эпоху раннего железа, то ткацкое производство было уже очень развито. Одежды из тканей были найдены на мумиях пазырыкцев, а это были и местные шерстяные ткани и импортные. На некоторых мумиях мы обнаружили даже индийский шелк.

До наших находок считалось, что пазырыкцы хоронили соплеменников в специальной одежде. Однако, то, что мы нашли в захоронениях на Укоке, это утверждение опровергает. Ткани на одеждах усопших пазырыкцев носили следы многократных починки и штопки. Даже на той, скандально знаменитой «Принцессе Укока», одежда была тоже со следами починки.

Помимо тканей у пазырыкцев были потрясающие войлоки, окрашенные в разные цвета с помощью местных и импортных растительных красителей. С Востока, из Индии поступали кармин из кошенили, желтый шафран, синий индиго. В определении состава красителей тканей пазырыкцев принимали активное участие химики новосибирского Института органической химии, в котором трудился твой отец, Саша.

Помимо химиков с нами работали генетики, в частности, по определению генофонда пазырыкцев. Например, при раскопках в Монголии, о которых я тебе уже рассказывал, мы нашли скелет женщины и кости ребенка. Из них получили митохондриальные ДНК. Было установлено, что если на Укоке генетический тип был скорее всего местный, связанный с современными самоедцами, то найденная

Знаменитые сибирские археологи академики РАН В.И. Молодин и А.П. Деревянко на выставке «Наука и искусство в лицах. Портреты современников». Архив РАН. Москва. 2016

---

⁴⁰ Зайцев Вячеслав Михайлович (1938) — советский и российский художник-модельер, живописец и график, педагог, профессор.

*Академики РАН В.И. Молодин, А.П. Деревянко, О.Н. Чупахин
в Архиве РАН. Москва. 2016*

нами «Принцесса Укока» была явно с азиатскими корнями. То есть кочевали не только вещи, но и люди.

Я тебе уже говорил, что центр пазырыкской культуры был не на Укоке. Укок – периферия этой культуры. Поэтому, всё, что мы там нашли, несмотря на яркость, было периферией. Центр культуры пазырыкцев находился на Центральном Алтае. Кстати, довольно четко, особенно по находкам в Монголии, в пазырыкской культуре просматривается китайский след. Это влияние до сих пор недооценено исследователями. А между прочим, в одном пазырыкском кургане была обнаружена китайская колесница, которая в собранном виде сейчас хранится в Эрмитаже. Так что, повезло пазырыкцам с мерзлотой, благодаря ей археологам удалось адекватно показать их культуру».

«Вячеслав Иванович! Можно немного о татуировках, которые сохранились на коже мумий пазырыкцев».

«Конечно, Саша, я охотно расскажу тебе об этом. Я уверен, что татуировка

Мумифицированное тело женщины из «замерзшего» погребения Пазырыкской культуры в Горном Алтае. Реконструкция женского костюма из кургана 1 могильника Ак Алаха 3. Рис. Д. Поздняков

была характерна для всех пазырыкцев. Это был местный колорит. Почему я так считаю, да потому, что в той же Монголии мы нашли на останках человека только небольшой участок кожи на груди, на котором была татуировка. Вставал вопрос, почему у шести пазырыкских мумий из Эрмитажа, только у одной была татуировка на ноге и туловище? Были разные версии, но когда эти мумии физики посмотрели в инфракрасном излучении, то оказалось, что все шесть мумий разрисованы с ног до головы. Причем татуировки были удивительные, и если на наших алтайских мумиях преимущественно были рисунки оленей, маралов, то на эрмитажных – львы и тигры. Вот тебе и ответ, откуда пришли эти люди и принесли эти сюжеты. Хотя, как мы уже обсуждали, борьба хищников на изображениях – это характерный скифо-сибирский звериный стиль».

«Вячеслав Иванович, а где теперь находится «Принцесса Укока?»

«Она находится в Горно-Алтайске. Руководство Республики получило большие деньги от Газпрома, который в этом месте тянет газопровод. На эти деньги в Горно-Алтайске построили специальный павильон, куда мы и передали принцессу. За ней обещали следить, что и делают исправно. Но даже после этого не утихли разговоры о том, что беды на Алтае не закончились, что принцесса хочет назад на Укок и её надо перезахоронить. Местные активисты подали иск в суд на наш институт и на республиканское Министерство культуры, но пока его проиграли. Я думаю, что это ещё не точка.

Диадема, скифо-сибирский звериный стиль. Пазырыкская культура. Монголия. 2006. Фотоархив В.И. Молодина

но-Алтайске построили специальный павильон, куда мы и передали принцессу. За ней обещали следить, что и делают исправно. Но даже после этого не утихли разговоры о том, что беды на Алтае не закончились, что принцесса хочет назад на Укок и её надо перезахоронить. Местные активисты подали иск в суд на наш институт и на республиканское Министерство культуры, но пока его проиграли. Я думаю, что это ещё не точка.

А пока власти Горно-Алтайска вовсю эксплуатируют наш раскоп на Укоке, водят туда платные экскурсии. Но хотя бы место обозначили правильно, где мы нашли принцессу! Я расскажу тебе один анекдот. Мы нашли одновременно с принцессой два замечательных каменных обелиска. Это самые ранние скифы, так называемые оленные камни. Это антропоморфные изваяния, на которых человеческое лицо редко изображалось, всё стилизовано: стилизован пояс на фигуре, на поясе висит оружие, на стилизованной голове показана серьга в ухе и намечены фигуры оленей на туловищах. Такие изваяния находили на больших территориях Монголии, Бурятии и единично встречали вплоть до Германии. Две фигуры, о которых идет речь, мы нашли на Укоке, очистили, поставили их и опубликовали статью об этой находке. Сегодня они

стоят на том же месте, вокруг них лежат монетки, завязаны цветные ленточки, а рядом водружен рекламный щит, на котором черным по белому написано, что это памятники ничто иное, как коновязи Чингисхана.

Вот Саша как рождаются мифы в истории, а ты: «Шлиман...» Видишь, насколько реальность может быть яркой и одновременно одиозной. Мой сотрудник сказал местному экскурсоводу, что это безобразная фальсификация, в этом месте Чингисхана никогда не было, что оленные камни это памятники седьмого века до нашей эры! В ответ услышал, что надо же как-то зарабатывать деньги, делать рекламу, чтобы народ поехал».

*Оленные камни Укока.
Фотоархив В.И. Молодина*

«Вячеслав Иванович, мне это напоминает сюжет из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», когда Остап Бендер собирал деньги на ремонт провала – достопримечательности Пятигорска. Если помните по тексту романа это было единственное место, куда отдыхающие могли попасть на экскурсию бесплатно, но предприимчивый Остап решил исправить эту

досадную несправедливость, взяв с детей и милиционеров по пять, с членов профсоюза по десять, а с не членов профсоюза по тридцать копеек».

«Абсолютно точно, Саша. А можно мне, наконец, посмотреть, на свой портрет?»

«Конечно, Вячеслав Иванович! Скажу сразу он мне самому нравится. Мне кажется, что я сумел показать Вас глубоко и содержательно, что не всегда удавалось сделать в портретах других людей. Но я не напрашиваюсь на комплименты. Смотрите, и, если потребуется, будем исправлять недочеты. Я предлагаю вместе сфотографироваться на фоне работы и таким образом закрепить памятную для нас творческую встречу археолога-историка и художника-химика».

«Дорогой Саша, рассуждать похож или не похож я на портрете, не буду. Безусловно похож! Мне кажется ты схватил самую важную, глубинную черту моего характера, определяемую присущим мне внутренним трагизмом. Я это стараюсь не демонстрировать, но тебе удалось понять все мои переживания».

*Академик РАН В.И. Молодин
на выставке «Наука и искусство в лицах. Портреты современников».
Архив РАН. Москва. 2016*

**«Я ПРОДУКТ ВОСПИТАНИЯ СЕМЬИ, ВУЗА,
СВОЕГО КОЛЛЕКТИВА...»**

**ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА РАН, ХИМИКА
И.И. МОИСЕЕВА**

*А.Г. Толстиков.
Портрет академика РАН И.И. Моисеева. Холст, масло. 140x120. 2013.*

*«Пусть дела твои будут такими, какими ты
хотел бы их вспомнить на склоне жизни»*

Марк Аврелий Антониус

Нередко, получив от заинтересовавшего меня персонажа согласие посетить мою мастерскую, я счастливо повторяю одни и те же слова: «Вот повезло, так повезло! Повезло в том, что родился в интеллектуальной семье научных сотрудников, повезло в том, что, будучи сам профессионально причастным к миру науки и изобразительного искусства, удостоен чести быть доверенным лицом и другом многих известных отечественных ученых и деятелей культуры, часто встречаться и неформально общаться с ними, быть вхожим в их дома, пользоваться их личными архивами, даже портретировать некоторых из них».

Говорят, что в мастерских художников особая аура, способная расположить, а иногда и расслабить практически любого человека. В чем-то творческая студия похожа на купе поезда дальнего следования, в котором чужие люди, оказываясь вместе по воле случая, сближаются на время, становясь открытыми друг для друга. И никто их на эти откровения не принуждает. Всё происходит по доброй воле. Кто-то может парировать, всему причиной является скука, ведь надо же как-то убить время. Да, верно, но только для купе поезда, а не для мастерской художника. За довольно длинную творческую жизнь ни я, ни один из гостей моей мастерской не заскучал и не проявил активность в общении исключительно из вежливости.

Как ни странно, но мастерская художника это то место, где в свободе уравниваются короли и простолюдины, мужчины и женщины, старые и юные: каждый имеет возможность высказаться с разной степенью эмоциональности и быть услышанным и понятым, ведь настоящий художник наделен особым талантом – разглядеть человеческую душу. Мастерская художника освобождает от

И.И. Моисеев в мастерской А.Г. Толстикова. 2013.

Фото О.В. Толстиковой

условностей. Даже испанский король Карл V наклонился во время сеанса и поднял с пола оброненную Тицианом кисть, не считая это зазорным.

Между тем, несмотря на явную привлекательность художественной мастерской, как места общения, уговорить человека посетить её не только в качестве гостя, а еще и в качестве модели, далеко не просто. Сколько раз я слышал ответ: «Попить чаю, выпить вина, опрокинуть рюмку другую водки, поговорить, посмотреть работы – с удовольствием, но позировать – увольте». И действительно, в наше суматошное время не каждый может пожертвовать свободными часами даже для посиделок, тем более на утомительное позирование художнику.

К чему такая преамбула? Да, чтобы ликуя, воскликнуть, перефразируя великого поэта: «Ай да Толстиков! Ай да...».

Дело в том, что после двухлетнего безуспешного приставания к именитому ученому-химику, академику Российской академии наук И.И. Моисееву, моему старшему другу и коллеге по химическому отделению Академии наук, с просьбой позировать для портрета, Илья Иосифович наконец сдался и произнес с тяжелым вздохом: «Саша, ты со своей природной настойчивостью уговоришь кого угодно. Только я никак не могу взять в толк, что такого примечательного и героического ты разглядел в моей персоне. Я простой человек, рядовой академик, занимаюсь всю жизнь конкретными делами, я не из тех, кто может раздвинуть понимание мира, как Дмитрий Иванович Менделеев с периодическим законом. Зачем тебе тратить на меня свое драгоценное время, да и мое тоже, тем более что есть модели поинтереснее меня. Ты замечательно пишешь молодых и красивых женщин, в этом и есть главное предназначение художника – показывать мир совершенства и красоты. Моим образом, пожилого и явно несимпатичного человека, ты просто вызовешь шок у зрителей, которые придут на твои выставки. Хотя, что с тобой делать, раз я обещал, то пиши, но только не мучай меня слишком длительными сеансами».

Итак, свершилось, теперь мне предстояло, как говорится «не сесть в калошу».

*У портрета. 2013.
Фото О.В. Толстиковой*

Илью Иосифовича я знал уже много лет благодаря своему отцу академику Генриху Толстикову. Генрих Александрович очень уважал и любил Моисеева как человека, высоко ценил его как выдающегося ученого, выполнившего пионерские работы в области металлокомплексного жидкофазного катализа, горячо поддерживал его кандидатуру на присуждение престижной Демидовской премии в 2001 году. Генрих Толстик и Илья Моисеев в общении были на «ты», ценили мнение друг друга, прислушивались к нему. Отец не раз говорил мне: «Знаешь, Саша, Илья Иосифович наделен практически всеми человеческими добродетелями, но главное, что я в нем ценю, так это мудрость, справедливость, стойкость и умеренность. Это те качества, которые многим из нас не достает. Бери и ты с Ильи пример. Кстати, он очень хорошо относится к тебе как художнику, всякий раз говорит мне о твоём растущем таланте».

И правда, начиная с 1995 года, когда я стал часто выставляться в центральных выставочных залах Москвы с персональными проектами или в составе групп художников в известных частных галереях, Илья Иосифович Моисеев вместе с другим выдающимся химиком, академиком Виталием Иосифовичем Гольданским⁴¹ нередко посещали эти вернисажи и с поощрением отмечали среди прочих мои работы. Более того, и Илья Иосифович Моисеев, и Виталий Иосифович Гольданский отдали свои голоса при избрании меня в 2000 году членом-корреспондентом Российской академии наук по Отделению химии и наук о материалах. Об этом факте я всегда вспоминаю с особенной благодарностью и трепетом, так как получить поддержку от таких мэтров было нелегко, и в этом мое кровное отношение к известному родителю играло далеко не положительную роль. Голоса этих двух великих соотечественников многое определили в моей дальнейшей судьбе ученого-химика, даже в том, что я ещё с большим энтузиазмом стал заниматься асимметрическим металлокомплексным катализом в приложении к органическому синтезу, той областью химии, которую так блестяще знает и развивает академик Илья Иосифович Моисеев.

Однако вернусь к нашей истории с портретом. Мы договорились с Ильей Иосифовичем о том, что работать над ним будем в моей мастерской, и позировать он будет не в парадной, а в максимально комфортной для себя одежде. И действительно на первый сеанс, который состоялся в конце июня 2012 года, Илья Иосифович пришел в голубой рубашке с длинным рукавом и в темных брюках. В руках он держал трость, с которой не расставался уже несколько лет. К моменту написания портрета академику Моисееву исполнилось 83 года.

---

⁴¹ Гольданский Виталий Иосифович (1923-2001) – выдающийся советский-российский физико-химик и общественный деятель, доктор физико-математических наук, профессор, академик АН СССР (РАН).

Увидев на моем мольберте заготовленный холст весьма внушительных размеров (140x120 см), Илья Иосифович с нескрываемой тревогой в голосе спросил: «Александр, этот холст ты приготовил для работы над моим портретом? Какой ужас, какой он огромный! Зачем такой? Ведь сколько времени нужно потратить чтобы закрасить его! Неужели ты видишь меня в этом пугающем воображение формате? Это какими же по размеру должны получиться моя голова, руки, тело? И вообще, дорогой Саша, мы же договорились всего о нескольких сеансах, и о том, что ты не будешь меня мучить долго в течение каждого из них. А тут я вижу совсем другое твое настроение».

Я поспешил успокоить своего знаменитого гостя, сказав, что постараюсь не утомлять его длительными по времени сеансами, что их будет ровно столько, сколько обсуждалось заранее. А что касается формата заготовленного холста, то его размер находится в полном соответствии с классическими канонами исполнения фигуры или полуфигуры с увеличением в 1,25 раза от натуральной вели-

И.И. Моисеев и А.Г. Толстиков.

Разговор у портрета.2013.

Фото О.В. Толстиковой

чины. Именно такой размер изображения позволяет наиболее выгодно смотреться произведению на стене при отходе на расстояние пяти метров и более. И придумано это не мной. Начиная с Раннего Возрождения художники применяли такое пропорциональное увеличение, особенно во фресковой живописи.

Моё объяснение несколько успокоило Илью Иосифовича, который сел на стоящий у окна стул, опершись двумя руками на рукоятку трости. Я понял, что время пошло, и, не желая терять его, начал наносить кистью подготовительный рисунок сразу на холсте. За всё время первого сеанса мы фактически не проронили

ни слова. Каждый был занят своим делом, я сосредоточенно компоновал общее, прорисовывал черты лица, руки, детали фигуры и одеяния, а Илья Иосифович повернув голову в сторону света, молчал, сосредоточенно думая о своем.

После окончания сеанса он признался, что молчал, боясь своими разговорами сбить меня с рабочего ритма, и попросил не воспринимать это молчание, как проявление его невежливости. На что я ему поспешно ответил, что со своей стороны отмалчивался, боясь нарушить его думы и настроение, которое стало перерастать в портретный образ. Илья Иосифович поинтересовался, почему я делаю рисунок

сразу краской на холсте, причем красной охрой, а не карандашом или углем. Спросил также почему холст у меня не белый, а зеленовато-умбристого цвета. Я ответил, что люблю писать по тонированному холсту, что его зеленоватый цвет использую в качестве камертона, относительно светлых и темных мест в живописи, а также в качестве заведомого тона полутени при поиске правильных отношений теплых и холодных цветов при написании лица и фрагментов тела. Илья Иосифович с большим вниманием выслушал всё это, заметив, что в контурном рисунке, слегка оттушеванном в тенях, он выглядит на портрете не очень узнаваемым. На этом мы с ним расстались.

Все последующие сеансы, а их было ещё три, мы о многом поговорили с моим мудрым и тактичным собеседником. Мне было очень важно сделать для себя некоторые уточнения в научной биографии Ильи Иосифовича. Особенно волновала меня история вокруг знаменитого вакер-процесса крупнотоннажного получения уксусного альдегида прямым окислением этилена при катализе солями палладия и меди, разработанного и внедренного специалистами немецкой химической компании Waker-Chemie. Эта важнейшая для промышленности реакция на мой взгляд в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов двадцатого столетия

*Кандидат химических наук
И.И. Моисеев. 1960-е годы. Москва*

была буквально вырвана из рук тогда молодого научного сотрудника Ильи Иосифовича Моисеева и его коллеги и друга Михаила Натановича Варгафтика⁴².

В чем-то это напомнило мне историю случившуюся со знаменитым русским химиком и гениальным композитором Александром Порфирьевичем Бородиным⁴³ и не менее знаменитым французским ученым-химиком Шарлем Вюрцем⁴⁴, когда

---

⁴² Варгафтик Михаил Натанович (1936) – выдающийся советский-российский химик, доктор химических наук, профессор, специалист в области элементоорганических соединений.

⁴³ Бородин Александр Порфирьевич (1833-1887) – гениальный русский композитор, участник кружка «Могучая кучка», основатель русского эпического симфонизма, автор знаменитой оперы «Князь Игорь», выдающийся химик-органик, доктор медицины, академик петербургской Медико-хирургической академии, один из основателей Русского физико-химического общества.

⁴⁴ Вюрц Шарль Адольф (1817-1884) – знаменитый французский химик-органик, президент Парижской Академии наук, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

и тот и другой в один год, а именно в 1872, подошли к открытию реакции альдольной конденсации при нагревании альдегидов в присутствии щелочи. Бородин, как типичный представитель щепетильной русской интеллигенции середины девятнадцатого столетия и человек широкой души, отказался от проведения дальнейших исследований в этой области химии, фактически уступив лавры первооткрывателя альдолов Вюрцу. Бородин даже снял своё сообщение на эту тему на очередном международном съезде химиков, на котором, как ему стало известно, с подобным докладом должен был выступить Шарль Вюрц. Мотивируя свой поступок, Александр Порфирьевич сказал своим друзьям и коллегам, что его лаборатория едва существует на те средства, которые ей выделяются, что у него прак-

*Академик РАН И.И. Моисеев с дочерью
Натальей Ильиничной Моисеевой на
открытии выставки А.Г. Толстикова
«В зеркале портрета»
в Мемориальном музее «Творческая
мастерская С.Т. Коненкова».
Москва. 2014. Фото Б.Г. Сысоева*

тически нет ни одного помощника, в то время, когда Вюрц располагает огромными средствами, прекрасно оснащенной лабораторией и работает в двадцать рук, благодаря тому, что не стесняется заваливать своих лаборантов черной работой. Правда надо отметить, что в отличие от Вюрца, который изучал альдольную конденсацию на примере уксусного альдегида, Бородин получал продукты уплотнения из валерьянового альдегида. (Можно себе представить какие резкие запахи распространились по лаборатории милейшего Александра Порфирьевича, которая была смежной с комнатами его служебной квартиры в петербургской Медико-хирургической академии).

И вот фактически через век история снова повторилась. Но предоставим слово её участнику, гостю моей мастерской, герою моего портрета академику Моисееву.

«Знаешь, Саша, действительно многое похоже на то, что ты мне рассказал о Бородине. Но начну

свое повествование несколько издалека. Сначала я расскажу, как у меня вообще возник интерес к химии.

После войны в 1945 году в мирную жизнь стали возвращаться люди, которые прошли фронт – особые, суровые и принципиальные. Таким человеком был и мой школьный учитель химии. Звали его Сергей Николаевич Успенский. В школе у меня до его прихода по химии были высокие оценки, но на самом деле я о химии ничего не знал и объективно не тянул даже на двойку. Сергей Николаевич, видя мой интерес к его предмету, сделал над собой усилие и поставил мне на переходном экзамене тройку, что было для меня чрезвычайно оскорбительным. Самолюбие взыграло во мне так, что я начал учить химию основательно и не только по школьным учебникам. Я прочитал от корки до корки «Историю химии» Партингтона⁴⁵.

Вторым, кто привлек мое внимание, был знаменитый химик-органик Николай Алексеевич Преображенский⁴⁶. Тогда в школы часто приходили с выступлениями ведущие профессора крупных столичных вузов и агитировали школьников заниматься наукой. Преображенский был в их числе и очень захватывающе рассказывал о химии.

Следующим человеком, оказавшим на меня исключительное влияние в юношеские годы был мой будущий учитель и друг Яков Кивович Сыркин⁴⁷, популярные лекции по химии которого я с огромным интересом слушал в Доме ученых на Пречистенке. Именно благодаря Сыркину я поступил в Московский институт тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова (МИТХТ). Будучи профессором этого института и тогда уже членом-корреспондентом Академии наук СССР, а впоследствии и академиком, Яков Кивович блестяще читал лекции, слушать которые приходили студенты многих химических вузов столицы. В течение многих лет Сыркину не давали аспирантов, так как в глазах власть предержащих он был неблагонадежным. Дело в том, что Яков Кивович увлекся теорией резонанса. Ты, Саша, прекрасно понимаешь о чем я говорю, хотя бы на примере структурной формулы бензола. Поскольку эта теория пришла к нам с Запада, то Яков Кивович попал в число так называемых «западников». Ну, да хватит об этот, а то так я никогда не дойду до сути.

---

⁴⁵ Партингтон Джеймс Риддик (1886-1965) – известный британский химик и историк химии.

⁴⁶ Преображенский Николай Алексеевич (1896-1968) – выдающийся советский химик-органик, доктор химических наук, профессор, специалист в области органической химии, синтеза природных веществ и биологически активных соединений.

⁴⁷ Сыркин Яков Кивович (1894-1974) – выдающийся советский ученый-химик, доктор химических наук, профессор, академик АН СССР, специалист в области изучения строения химических веществ

В МИТХТ я заинтересовался координационной химией, основателем которой, был великий швейцарский химик Альфред Вернер⁴⁸, а в России ей занимался Лев Александрович Чугаев⁴⁹. Спустя пять лет после окончания института, я серьёзно увлекся координационными соединениями палладия с этиленом. И тогда мне удалось открыть реакцию, в которой этилен, связанный с палладием, при воздействии кислорода превращается в уксусный альдегид.

На открытии выставки «В зеркале портрета». Мемориальный музей «Творческая мастерская С.Т. Коненкова». Москва. 2014. Фото Б.Г. Сысоева

с вопросом, можно ли опубликовать разработанный мной метод прямого получения уксусного альдегида из этилена в открытой печати и получили ответ, что мое изобретение публикации не подлежит, так как эта информация имеет стратегическое значение. И внедрить невозможно, нет свободных ресурсов этилена, что весь он используется в производстве полиэтилена. Практически до конца 1959 года мы безуспешно пытались реализовать нашу разработку, пока в начале 1960 года в одном зарубежном научном издании не появилась статья немецких ученых, в которой была описана «открытая» мной реакция.

Оказалось, что параллельно с нами этой проблемой занимались ученики знаменитого химика, лауреата Нобелевской премии Эрнста Отто Фишера⁵⁰. Вот они то и опубликовали быстрее нас этот материал. Это потом, когда Фишер приезжал в

Вот теперь внимание! С этого места и начинается та часть истории в моей научной биографии, которую ты сравнил с историей Бородина и Вюрца. Мне нет необходимости рассказывать тебе, как химику, какое практическое значение имело получение уксусного альдегида из этилена. Сегодня в мире уксусный альдегид, который производится миллионами тонн, применяется для получения уксусной кислоты, бутандиена, уксусного ангидрида и других продуктов. Мы тогда с Сыркиным пошли по советским министерствам

---

⁴⁸ Альфред Вернер (1866-1919) – выдающийся швейцарский химик, специалист в области органической и физической химии, создатель координационной теории в химии комплексных соединений, лауреат Нобелевской премии.

⁴⁹ Чугаев Лев Александрович (1873-1922) – выдающийся русский, советский химик-органик, биохимик, специалист в области координационных соединений.

⁵⁰ Эрнст Отто Фишер (1918-2007) – выдающийся немецкий химик, специалист в области металлоорганических соединений, разработал общий метод синтеза ареновых производных переходных металлов, лауреат Нобелевской премии.

Москву, чтобы познакомиться со мной, выяснилось, что мы в своих исследованиях по уксусному альдегиду значительно опережали немецких коллег и разрабатывали более экономичный путь его получения. Что тебе сказать, Саша, не знаю, как там Бородин в свое время с Вюрцем, но я тогда был подавлен. Меня опередили и буквально отняли мое открытие. Вот вкратце история этого вопроса».

Во время рассказа Ильи Иосифовича я практически остановил работу над портретом и полностью обратился в слух – настолько меня захватила драма этого далекого не рядового события в науке. Как помню, я тогда спросил у Моисеева: «Илья Иосифович, а какова роль некоего Смита, который наряду с Хафнером является соавтором той «злополучной» немецкой публикации. Он химик? Я ничего о нем не знаю».

Моисеев помедлив ответил мне: «Смит никогда не был учеником Эрнста Отто Фишера. Он вообще не химик, он крупный менеджер. Работая в химической компании Waker-Chemie, Смит один из первых понял промышленное значение этой работы, за что ему честь и хвала. Фактически он был организатором всего дела, всего того бизнеса, который немного спустя получил бренд вакер-процесса в производстве уксусного альдегида. Что мне оставалось? Вот я и придумал то, о чём не догадались немцы, я получил из этилена винилацетат. Этот метод прямого высокоселективного окислительного ацетоксилирования этилена в винилацетат при катализе соединением палладия в среде уксусной кислоты получил название в мировой литературе «реакция Моисеева». Достойный реванш! Поэтому после фиаско с уксусным альдегидом не по нашей вине, мы с Михаилом Натановичем Варгафтиком были действительно горды содеянным.

К слову надо сказать, что мой научный руководитель академик Яков Кивович Сыркин имел не очень большое отношение к этим работам, ни по уксусному альдегиду, ни по винилацетату. Более того, ему казалось, что мы с Варгафтиком занимаемся не тем, чем следовало бы. Он вообще рассматривал меня в качестве

Академик РАН И.И. Моисеев у бюста Ф.М. Достоевского работы С.Т. Коненкова. Мемориальный музей «Творческая мастерская С.Т. Коненкова». Москва. 2014. Фото Б.Г. Сысова

теоретического сотрудника. Сыркин хотел, чтобы я писал книги и литературные обзоры по химии активированных пяти-, шестичленных комплексов переходных металлов. Это была его идея, и он даже с некоторым раздражением отнесся к моему желанию уйти в экспериментальную науку. Небезызвестная тебе профессор МИТХТ Мира Ефимовна Дяткина, «правая рука» Сыркина, также была сильно против моих работ по каталитическим превращениям с участием палладия. Она считала, что весь катализ это вообще ошибка природы, что в действительности неизвестно, что катализирует химические процессы. Она приводила какие-то драматические примеры из научной литературы и её влияние на Якова Кивовича было огромным. Вот такой, скажем, антураж был вокруг наших с Варгафтиком работ по окислительным превращениям этилена на палладии.

Михаил Натанович Варгафтик был и долго оставался моим верным союзником. Он в начале своей научной карьеры должен был заниматься изучением реакции циклопропенелирования с получением трёхчленных ароматических циклов. Но вскоре Варгафтик охладел к этой тематике и очень быстро переметнулся ко мне. И мы с ним при минимальной поддержке Сыркина переключились на изучение каталитической трансформации этилена в уксусный альдегид и позже в винилацетат».

«Илья Иосифович, а что выпало на долю каждого из вас в этих исследованиях? Кто выполнял только экспериментальную часть, а кто расчетную, теоретическую?» – поинтересовался я.

Моисеев поднялся со стула и, разминая затекшие ноги, подошел к столу на котором лежала его сумка. Достав из неё книгу в синем переплете, продолжил: «Мы с Варгафтиком оба выполняли и то и другое. Всё варилось в одном котле. Могу похвастаться, как выглядит список моих публикаций, помещенный в известной книжке Мейтлиса⁵¹, я её специально прихватил для разговора с тобой. Вот Хафнер – сотрудник компании Waker-Chemie. Вот список его публикаций, их количество выглядит внушительно. Вот список трудов знаменитого нобелевского лауреата Хека⁵², автора реакции катализируемого комплексами палладия сочетания алкил- и арилгалогенидов с алкенами. Вот список публикаций самого Мейтлиса, автора этой книги, а вот список моих публикаций по палладиевому катализу. Что скажешь? По-моему у всех достойное количество, все тяжеловесы. Я на их фоне выгляжу вполне прилично. Знаешь, Ричард Хек в 1988 году опубликовал результаты своей основной работы по палладию, за которую получил в 2010 году

---

⁵¹ Питер Мейтлис (1933) – известный британский химик-органик, специалист в области металлоорганических соединений.

⁵² Ричард Хек (1931-2015) – выдающийся американский химик, специалист в области химии металлоорганических соединений и металлокомплексного катализа, автор именной реакции (реакция Хека), лауреат Нобелевской премии.

Нобелевскую премию, а мы опубликовали свои работы по палладию в 1986 году, то есть за два года до Хека. Фактически мы раньше опубликовали то, что теперь называется реакцией Хека. И ты думаешь Хек в своих дальнейших публикациях хоть раз сослался на наши работы – нет! Вот тебе и весь сказ! Вот такой удел был у советских, а теперь и российских ученых!»

Понимая, что эта тема начинает сильно «заводить» Илью Иосифовича и боясь потерять его настроение, необходимое для продолжения работы над портретом, я перевел разговор снова на тему, связанную с производством уксусного альдегида и винилацетата: «Илья Иосифович, Вы обмолвились, что нобелевский лауреат Эрнст Отто Фишер приезжал к Вам в Москву. С какой целью?»

«Эрнст Фишер приезжал, чтобы просто познакомиться, ему было интересно посмотреть на меня. Поведение его было очень доброжелательное, никакого высокомерия и конкуренции. Но если говорить вообще про историю взаимодействия с немецкими специалистами, то она не всегда складывалась хорошо.

Был такой восточный немец Хорст Працеюс, человек известный в химической науке, директор института в городе Ростоке. Он был крайне заинтересован получить мою книжку «л-Комплексы в жидкофазном окислении олефинов», которую я написал 1970 году. Узнав об этом, я переслал её Працеюсу. Хорст неплохо знал русский язык, и человек, который передал ему книгу, рассказал мне о реакции Працеюса, который с восхищением отметил, что ничего более интересного по этой проблеме не читал. Через некоторое время Хорст написал свою книгу на эту тему, но на мою монографию не соизволил сослаться, как будто её не было вообще. И это не случайно. Росток, как ты знаешь, город в восточной части Германии, в то время территория ГДР. Ученые из ГДР уже тогда держали нос по ветру, считая, что им не время и не место ссориться со своими западными коллегами. Вот почему Хорст Працеюс не

На открытии выставки «В зеркале портрета».

Мемориальный музей «Творческая мастерская

С.Т. Коненкова», слева направо:

А.Г. Толстиков, Н.И. Моисеева, академик РАН

И.И. Моисеев, академик РАН И.П. Белецкая.

Москва. 2014. Фото Б.Г. Сысоева

захотел сослаться на мои работы, цитируя в своей монографии исключительно публикации западных химиков, в частности западных немцев.

Я после этого случая все же направил свою книгу сотруднику компании Waker-Chemie Заделмайеру, который вскоре тоже приехал в Москву, чтобы познакомиться со мной. Я сам, как только стал выездным, прокатился по всей Германии. Был в Мюнхене, был на фирме Waker-Chemie, видел их знаменитую установку по производству уксусного альдегида, познакомился с Хафнером, который наряду со Смитом был одним из тех, кто возглавлял этот проект. Хафнер являлся учеником Эрнста Отто Фишера и считался крупной фигурой Waker-Chemie».

Илья Иосифович снова замолчал и задумался. Я, пользуясь этим моментом, принялся активно работать над портретом, так как наши разговоры заставляли меня полностью переключать внимание, и я никак не мог сосредоточиться на своей живописи. В таком молчании мы проработали около часа. Я практически закончил голову моего именитого гостя и приступил к прописке намеченных на холсте рук. Бросив в очередной раз взгляд на Илью Иосифовича увидел, что он как-то заскучал и несколько сник. Я понял, что настало время оживить наш диалог: «Илья Иосифович! И все же, в чем, по Вашему мнению, причина такой недалёковидности руководства Минхимпрома СССР в отношении почти готового процесса производства отечественного уксусного альдегида? Что помешало? Неужели стране не нужен был этот важнейший продукт основного органического синтеза?»

«Саша, я тебе уже говорил, что весь этилен, который тогда производился в СССР, полностью шёл на получение полиэтилена. К сожалению, Алексей Николаевич Косыгин, возглавлявший в то время Совет министров СССР, руководитель сталинской закалки, трезвого ума, очень деловой и практичный, стоял за полиэтилен. Косыгин пришел к выводу, что широкомасштабное производство полиэтилена является главной задачей отечественного химпрома. Полиэтилен был реальным материалом, который можно подержать в руках, из которого можно наладить производство разнообразных бытовых предметов и упаковочного материала. Косыгину, вероятно, не хватило широты мышления, чтобы понять, что там, где уксусный альдегид, там уксусная кислота, уксусный ангидрид и многое другое. Если бы я смог окислить этилен в окись этилена, а не в уксусный альдегид, то симпатии руководителей химпрома СССР были бы на моей стороне. Но этого я сделать не мог по причинам, связанным с термодинамикой процесса. Ко мне даже обращались специалисты из Гипрокаучука СССР с просьбой, не могу ли я селективно окислить этилен в окись этилена. Я при них посчитал термодинамику реакции и сказал, что это невозможно, палладий не может окислить этилен в окись этилена. Но их интересовал только промышленный катализатор на основе палладия, который мог провести такое прямое окисление этилена в его окись».

Поддерживая наш возобновившийся диалог, я спросил Моисеева: «Илья Иосифович! Мы говорили о Ваших классических исследованиях, в частности коснулись Вашей именной реакции получения винилацетата. Но помимо этого, Вы в молодые годы интересовались работами Михаила Григорьевича Кучерова, в том числе его знаменитой реакцией гидратации ацетилена в присутствии солей ртути. Что Вы искали на этом пути? Как известно гидратация ацетилена это тоже способ получения уксусного альдегида, только с экономической точки зрения неэффективный и к тому же экологически небезопасный. Ведь в этом процессе двухвалентная ртуть восстанавливается до металлической».

«Ну что мне ответить тебе на это? - продолжил Моисеев. - Конечно, это более жесткий способ по сравнению с прямым окислением этилена кислородом на палладии. Получение уксусного альдегида по Кучерову было задачей моей кандидатской диссертации, даже моей дипломной работы, когда я заканчивал учебу в МИТХТ. Делал я диплом у Рафаила Моисеевича Флида⁵³. Кстати, кандидатскую диссертацию я защитил тоже под руководством Флида. Эта была идея академика Якова Кивовича Сыркина. Когда я принес ему план работ по уксусному альдегиду из этилена, Яков Кивович сказал, что это слишком долгая история – нельзя ли защитить кандидатскую быстрее? Он знал, что вместе с Флидом я на дипломе занимался реакцией Кучерова по получению уксусного альдегида из ацетилена, и рекомендовал мне продолжить эти исследования на уровне кандидатской диссертации.

Рафаил Моисеевич Флид с большим энтузиазмом откликнулся на это предложение, фактически у меня была уже готова вся экспериментальная часть, ибо я вместе с Флидом начал публиковать работы по гидратации ацетилена ещё со студенческих времен. Рафаил Моисеевич очень тепло относился к этим исследованиям. В 1958 году я сложил все свои публикации и стал готовить к защите кандидатскую диссертацию по ацетилену. Но весь мой истинный научный интерес был уже на стороне этилена. Я прекрасно понимал, что этилен это будущее, что надо заниматься реакциями его окисления. Рафаил Моисеевич Флид наоборот считал, что будущее за ацетиленом. Я помню дискуссии на семинарах нашей кафедры в МИТХТ, когда Флид горячо доказывал, что ацетилен это «хлеб химической промышленности», а его оппонент профессор Юрий Павлович Руденко, который занимался экономическими вопросами химических технологий, остроумно парировал, что ацетилен в лучшем случае пирожное».

---

⁵³ Флид Рафаил Моисеевич (1915-1974) – известный советский ученый химик, доктор химических наук, профессор, специалист в области катализа.

*Академик РАН И.И. Моисеев и академик РАН,
Народный художник РФ А.А. Тутунов на
открытии выставки «Наука и искусство в лицах.
Портреты современников».
Архив РАН. Москва. 2016. Фото Б.Г. Сысоева*

был полностью поглощен работами по каталитическому окислению этилена.

Теперь немного о винилацетате. Так вот, когда мы с Михаилом Натановичем Варгафтиком увидели, что немцы нас обошли с публикациями по уксусному альдегиду, мы пришли к выводу, что надо все свои силы направить на получение винилацетата. Этим вопросом мы вплотную занялись и очень быстро сделали свою первую работу, опубликовав её в ведущем химическом журнале. К сожалению, мы не стали продолжать эти исследования, а надо было бы дело довести до разработки промышленного катализатора. Появились другие задачи, не хватало, как говорится, лишних рук, а также обнаружилась ограниченность в средствах, как у Бородина. Было одно лишь важное преимущество. Благодаря своим работам, мы с Варгафтиком стали известными в промышленных кругах СССР, к нам стали приезжать, стали смотреть наши установки, просить их продать. Но мы этим не занимались... Ну что деньги? Деньги – ничто! Мы говорили своим просителям: «Сделаем вам эту установку, вопрос только времени и квалифицированного стеклодува».

Вообще у меня довольно сложная биография. Я после МИТХТ работал инженером в одном проекте институте Москвы. А тогда было такое правило, специалист, выполнивший важный проект, должен был его доложить в главном управлении Минхимпрома СССР синклиту ведущих технологов. Я, работая в этом институте, несколько раз бывал на таких совещаниях и с этой стороны себя хорошо зарекомендовал. Так вот, после очередного моего доклада на таком совете ко мне приехал Дмитрий Федосеевич Кутепов, в то время директор закрытого института

«Забавно, Илья Иосифович! И как Вам удалось отбиться от этого пирожного?»

«Да очень просто. Я защитил кандидатскую диссертацию, и на этом - всё!»

«Это «всё» было сказано Вами?»

«Да, это было сказано мной. Я распрощался с ацетиленом. Флид об этом знал, но ему было достаточно моей кандидатской диссертации, которую он позже трансформировал в свою докторскую. А я тогда уже

с почтовым номером 702. Кутепов посмотрел мою установку и пригласил поехать в его институт. Привез меня на свою площадку, провел без всяких специальных разрешений и пропусков, что было категорически запрещено, так как на 702-м производились боевые отравляющие вещества. Но, несмотря на это, в институте была открытая часть производства, на которой Кутепов показал мне установки по окислению этилена в уксусный альдегид и другим процессам. Он, можно сказать, покорило мое сердце, и на другой день я уже был сотрудником номерного института 702.

«И легко Вас отпустили?»

«Конечно, ведь я работал без прикрытия в простом проектом институте, кроме того был литературным сотрудником у академика Сыркина. Поэтому отпустить меня было проще простого. Меня ничего не держало. Я тогда договорился с Кутеповым, что сохраняя свои связи с Сыркиным, сделаю его научным консультантом при институте 702, за что ему будут платить деньги. Действительно на протяжении всей моей деятельности в 702-м, несмотря на некие сомнения Кутепова

Открытие выставки «Наука и искусство в лицах. Портреты современников».

На фото сидят слева направо: академик РАН А.А. Тутунов, академик РАН И.И. Моисеев, академик РАН Б.Ф. Мясоедов, стоят слева направо: член-корреспондент РАН, академик РАН А.Г. Толстикова, академик РАН В.М. Бузник. Архив РАН. Москва. 2016. Фото Б.Г. Сыроева

нужен ли мне Сыркин, Яков Кивович получал зарплату как научный консультант этого института».

«Илья Иосифович! Давайте вернемся к теме винилацетата. Работу Вы сделали, научный мир её оценил, реакция получила Ваше имя. Что было дальше? Удалось ли запустить в отечестве промышленный процесс получения винилацетата, как это сделали немцы в случае с уксусным альдегидом?»

Помедлив с минуту, Моисеев ответил: «Дальнейшая судьба нашего исследования складывалась вот как. В действительности мы открыли только реакцию, мы не стали разрабатывать промышленный катализатор, это сделали специалисты фирмы BASF. Они создали катализатор, который отличался от нашего присутствием в составе золота помимо палладия. Фактически мы свой катализатор недооткрыли. Это уже потом Варгафтик сделал ещё одно усилие и синтезировал гигантский палладиевый кластер, который мог играть роль эффективного катализатора в процессе получения винилацетата, но это было уже после работ фирмы BASF. Гигантский палладиевый кластер оказался интересным сам по себе как объект отдельного исследования, чем и занялся Михаил Натанович Варгафтик».

«Илья Иосифович, так что осталось Вам в сухом остатке?»

«Вероятно то, что весь мир считает реакцию окислительного ацетоксилирования этилена в винилацетат на палладии открытием Моисеева, потому что до меня это никто не смог сделать. А промышленные катализаторы, причем разные, создали специалисты фирмы BASF и в дальнейшем DUPONT. Мы на их лавры не претендуем».

«Илья Иосифович! После успеха с винилацетатом Вами проведены пионерские работы в области металлокомплексного катализа. Кстати, даже сам термин «металлокомплексный катализ» в научный оборот ввели Вы».

«Да, действительно после винилацетата мы стали заниматься другой темой, обратив внимание на то, что целый ряд окислительно-восстановительных реакций протекают как внутрисферные реакции, когда и субстрат, и окислитель связаны с катализатором, а последний является медиатором, перенося электроны от одного компонента к другому. Это была кандидатская и затем докторская диссертация моего ученика Александра Гехмана⁵⁴. На этом Гехман сделал научную карьеру и за это его избрали в члены-корреспонденты Российской академии наук по химического отделения».

«Илья Иосифович, Вы обещали мне рассказать о роли Ричарда Хека в развитии тех работ по палладию, которые были начаты Вами. Ведь не простой человек –

---

⁵⁴ Гехман Александр Ефимович (1949) - известный российский ученый-химик, специалист в области физической химии, член-корреспондент РАН.

нобелевский лауреат. Вы лично знакомы с Хеком?»

«Нет Саша, с Хеком я лично не знаком. Позволю рассказать тебе одну историю. Кто такой Хек? Это ученик..., что-то я запамятовал, нет, все-таки вспомнил, он ученик Патрика Хенри, который украл у меня механизм вакер-процесса. Хенри в своих публикациях ссылался на все работы, кроме моей, в которой я привел механизм этой реакции.

В нашем сообществе моя работа была принята скептически академиком Марком Ефимовичем Вольпиным⁵⁵, который не сразу понял суть окислительно-восстановительных трансформаций органических субстратов при катализе палладием. А Хек понял, но по примеру своего учителя Хенри не стал ссылаться на мои результаты. Он сообразил, что нобелевскую премию со ссылкой на работы русских никогда не получишь. Патрик Хенри не ссылался на мои работы исключительно из жадности, а Ричард Хек не ссылался по далеко идущим политическим и практическим соображениям».

«Илья Иосифович, а как Вас оценивал нобелевский комитет, были ли попытки выдвинуть Вас на соискание этой премии?»

«Мне известно, что попытки рассмотреть мою кандидатуру были, но они ничем не закончились. И знаешь в чем главная причина? В том, что я не уехал на Запад, а остался работать в России».

«Сегодня многим известно, что академик Моисеев поглощен вопросами экологической, зеленой химии, фотоокислительными процессами, ферментативным катализом, нацеленными на поиск альтернативных технологий, заменяющих нефтехимию. Вы серьезно верите, что возобновляемое сырьё растительного происхождения, включая древесину или, скажем, микроводоросли, может конкурировать с нефтью в производстве важных органических продуктов?»

«Как ты, Саша, понимаешь, зеленая химия никакого отношения к металлокомплексному катализу не имеет. Это мой интерес, который был вызван необходимостью защищать окружающую среду. Что я думаю по этому поводу? Недавно я написал работу под названием «Биотехнология штурмует высоты нефтехимии», которая была опубликована в журнале «Кинетика и катализ». Это обзор, в котором показано, что уже сейчас ряд очень важных органических веществ можно получать в многотоннажном объеме не из нефти, а на основе возобновляемого биосырья. Например, производить уксусный альдегид из этанола, приготовленного биохимическим способом из отходов сахарной и древесной промышленности. Но пока главный успех достигнут в производстве изобутилена из изобутана с помощью

---

⁵⁵ Вольпин Марк Ефимович (1923-1996) – выдающийся советский химик, доктор химических наук, профессор, академик АН СССР, лауреат Ленинской и Государственной премии СССР, специалист в области элементоорганической химии и металлокомплексного катализа.

биоферментации. Сегодня в мире таким способом получают свыше двух миллионов тонн изобутилена. Эти технологии уже летят на крыльях, но среди них нет ни одной российской разработки. Наша страна, после того, как устроила гонение на генетиков, отстает раз и навсегда в вопросах биотехнологии от Запада. Впереди всех Германия, Франция и Голландия».

«Илья Иосифович, а что это за фирма «Коската», чем она знаменита?»

«Это американская фирма, её специалисты научились ферментировать окись углерода и двуокись углерода. Они легко получают из лигнина древесины эти газы, которые затем с помощью ферментации трансформируют в полезные органические продукты».

«А как будет решаться проблема топлива с использованием биотехнологий? Рентабельно ли это?»

«С топливом похуже, потому что топливо массовый продукт, который по определению должен быть дешевым. Пока биотехнологический подход дорог. Здесь требуется сильный экономический резерв...».

Вот с такими разговорами проходили наши сеансы с Ильей Иосифовичем Моисеевым, который, вопреки всем моим опасениям переутомить его во время работы над портретом, терпеливо и заинтересовано выполнял роль модели, ни разу не намекнув о том, что это ему это делать тяжело и неинтересно.

В завершение, я спросил Илью Иосифовича, чем кроме любимой химической науки занята его душа. Может быть есть у знаменитого академика скрытые от людских глаз другие таланты, например, увлечение поэзией, литературой, шахматами, музыкой.

Илья Иосифович не задумываясь ответил: «Нет, другого ничего нет! Конечно я разбираюсь на своем уровне в живописи, музыке, литературе, театральном искусстве... Это тебе удалось профессионально справиться с двумя капризными дамами – химией и живописью. Это довольно редкое явление, и я могу понять, хорошо зная твоего отца, чего тебе это стоило. Я бы на месте Генриха Александровича не стал бы тебя насиловать наукой, видя твой явный художественный талант. Зная тебя ещё молодым человеком и зная твои очень серьезные работы по тонкому органическому синтезу, я внимательно наблюдал за тобой и Генрихом, понимая, что рано или поздно ты все равно вывихнешься в сторону искусства. Я только искренне желал, чтобы это произошло как можно позднее, так как считал и считаю тебя талантливым химиком, которого мы не зря избрали в члены-корреспонденты Академии наук. Но я отчетливо понимал, что живопись победит, что деваться тебе некуда. Мне только очень хотелось, чтобы ты после погружения в профессиональное искусство не терял связь с научной средой, которая является для тебя материнской, которая хорошо знает тебя и ценит.

Сейчас, когда ты работаешь в Президиуме Академии наук, мне импонирует твое желание быть культурным атташе при нем. Ты хорошо знаешь мир изобразительного искусства, к тебе, как члену Академии художеств, прекрасно относится её руководство во главе с Церетели⁵⁶. Ты, насколько я знаю, дружишь с рядом крупных музыкантов, в твоей мастерской бывают известные художники, поэты, актеры.... Поэтому твое желание официально представлять РАН в этой сфере, на мой взгляд, есть материализация связей естественнонаучного и гуманитарного мышления, есть отражение того, какие люди нужны Академии наук. И если бы руководство Президиума осознало это, то сделало бы очень хорошее дело. Теперь немного о твоём художественном таланте. Я отчетливо помню твои выставки в Центральном доме художников в середине и конце 90-х годов. Мне очень нравились твои философские притчи на холстах, твои фантастические композиции и цветочные натюрморты. Сейчас, когда ты вернулся к жанру реалистического портрета, я могу сказать, что это серьезная часть твоего творчества, и мне кажется, что ты на верном пути – оставить свое представление о современниках.

И ещё. Я и многие знакомые мне сотрудники Академии приветствуем твой творческий альянс с Архивом РАН и его директором Виталием Афиани. Вы столько замечательных книг издали, популяризирующих архивное собрание Академии и в целом историю науки, разместив их на академическом сайте. Мне нравится разработанный вами новый подход к выставочной деятельности Архива, когда исторические документы находятся в одной экспозиции с произведениями искусства. Это очень оживляет архивные выставки и увлекает посетителей новизной восприятия. Молодцы! Честь и хвала вам за это! А можно теперь задать тебе вопрос? Кто дает на это

Академик РАН И.И. Моисеев и директор Архива РАН В.Ю. Афиани. Мемориальный музей «Творческая мастерская С.Т. Коненкова». Москва. 2014. Фото Б.Г. Сысоева

---

⁵⁶ Церетели Зураб Константинович (1934) – выдающийся советский, российский скульптор, живописец, дизайнер, Народный художник СССР (РФ), Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и двух Государственных премий СССР, лауреат Государственной премии РФ, академик РАХ, президент РАХ.

деньги? Наверное существует специальная программа в Президиуме?»

«Да, Илья Иосифович! Такая программа предусмотрена в Президиуме РАН и называется она «Информационное сопровождение деятельности РАН и взаимодействие со СМИ». Руководит этой программой по заданию президента Академии Юрия Сергеевича Осипова вице-президент академик Александр Дмитриевич Некипелов. Он привлек меня в качестве руководителя подпрограммы «Электронные издания по популяризации науки на интернет-портале Российской академии наук», предоставив право самому решать, что и как делать. Я в свою очередь привлек к реализации этого масштабного проекта директора Архива РАН Виталия Юрьевича Афиани, который в качестве ответственного исполнителя и сокоординатора вместе со своими инициативными сотрудниками подготовил ряд превосходных изданий по истории науки и техники в электронной форме и на бумажных носителях. В настоящее время мы вместе с Афиани и директором Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, летчиком-космонавтом, героем России, членом-корреспондентом РАН Юрием Михайловичем Батуриным заняты подготовкой к изданию роскошного альбома «Рисованная природа», в который войдут блестящие работы знаменитой художницы-натуралистки Марии Сибиллы Мериан⁵⁷. Редчайшая коллекция её акварелей на пергамене была приобретена лично Петром I для собрания Санкт-Петербургской Кунсткамеры. Сейчас эта коллекция хранится в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Мы надеемся, что это первое в России полное издание акварелей Марии Сибиллы Мериан скоро увидит свет».

P.S. Портрет академика Ильи Иосифовича Моисеева был завершен к августу 2012 года. К настоящему времени у работы сложилась довольно интересная выставочная история. Впервые портрет был показан широкой публике в октябре 2013 года на выставке Александра Бурганова и Александра Толстикова «Люди и ангелы» (Архив РАН, г. Москва), затем портрет демонстрировался в ноябре 2014 года на персональной выставке А.Г. Толстикова «В зеркале портрета» (Мемориальный музей «Творческая мастерская С.Т. Коненкова», г. Москва). Следующий показ состоялся в марте 2016 года в формате авторского документально-художественного проекта А.Г. Толстикова «Наука и искусство в лицах. Портреты современников» (Архив РАН, г. Москва). Впереди новые вернисажи...

---

⁵⁷ Мария Сибилла Мериан (1647-1717) – немецкая художница и гравёр времён барокко, энтомолог. В 1677 году издала альбом с собственными иллюстрациями – флорилегиум «Книга цветов». В 1699-1701 годах совершила поездку в Суринам, в ходе которой наблюдала и описывала местную флору и фауну. В 1705 г. издала книгу «*Metamorphosis insectorum surinamensium*», посвящённую суринамским насекомым.

**«ГЛАЗ ХУДОЖНИКА СРАЗУ ЖЕ ПРИМЕЧАЕТ ТО,
ЧТО ОЩУЩАЕТСЯ СЕРДЦЕМ»**

**ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА РАО, ИСТОРИКА
С.О. ШМИДТА**

*А.Г. Толстиков. Портрет академика РАО,
профессора С.О. Шмидта. Холст, масло. 80x100. 2009*

*«Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека,
Залог величия его»*

А.С. Пушкин

*«Счастье людей заключается в том, чтобы любить
делать то, что они должны делать...»*

Гельвеций

**«Я нуждаюсь в собеседнике, диалоге.
И даже выступая с монологом, ищу соучастника»**

Порой случайные события, цепляясь одно за другое, приводят к результатам, которые спустя годы кажутся вполне закономерными и даже неизбежными. В цепи таких событий и появился портрет Сигурда Оттовича Шмидта, написанный Александром Генриховичем Толстиковым.

Это не просто хороший, похожий портрет знакомого человека. Для меня этот портрет сохраняет драгоценные частицы личности моего Учителя, к сожалению, уже ушедшего. Портрет висит перед моими глазами в кабинете, и время от времени я мысленно обращаюсь к нему, чтобы получить очередной мудрый совет, как когда-то прежде. Ученики Сигурда Оттовича, попадая в Архив Российской академии наук, увидев портрет, обязательно хотят сфотографироваться у него.

Сигурд Оттович был уникальной личностью: историк, источниковед, историк исторической науки, культуры, глава российского краеведения и москвоведения, организатор и популяризатор науки и культуры, педагог милостью Божией, создавший свою научную школу и подготовивший огромное число учеников. Он обладал неповторимым даром культуры речи в выступлениях перед студентами, перед любой аудиторией слушателей, включая телевидение. (К счастью, записаны его лекции на канале «Культура» в программе «Academia»). Его вступительные лекции «Введение в специальность» для первокурсников Историко-архивного института завораживали. Их вспоминают все бывшие студенты института, сколько бы лет не прошло с того момента.

*Профессор С.О. Шмидт с учениками. Слева направо:
К.Е. Новохатский, С.О. Шмидт, С.В. Чирков, В.Ю. Афиани,
С.Б. Филимонов. 1973. Смоленск. Фото из собрания Архива РАН*

Многое поражало в Сигурде Оттовиче. Нельзя не вспомнить о неутомимой энергии, жажде деятельности, не покидавших его до самых последних дней. Если попытаться окинуть одним взглядом его многообразную деятельность, то можно сказать, что он был историком культуры в самом широком смысле. Он сам был и деятелем русской культуры, и явлением отечественной культуры. Разделы нескольких своих книг С.О. Шмидт называл «Ревнителю истории и культуры». Это, к сожалению, почти вышедшее из употребления слово в современном русском языке «ревнителю», целиком и полностью подходило ему самому. А еще оно рифмуется со словом «просветители». Таким и был сам Сигурд Оттович Шмидт.

А еще один уникальный дар С.О. Шмидта – фантастическая память и эрудиция. Его память вмещала огромный объем информации, фактов из истории и культуры от древности до наших дней. И это проявлялось не только в его научных трудах и выступлениях.

Как мы – его ученики – любили после заседания студенческого кружка источниковедения истории СССР, иной раз затянувшегося допоздна, проводить Сигурда Оттовича от Историко-архивного института до Кривоарбатского переулочка, где он жил, и, проходя по улицам и переулочкам старой Москвы, поговорить о своих делах,

послушать его рассказы о событиях и людях, связанных с домами, мимо которых мы проходили. Это была не обязанность, а скорее привилегия. Такие прогулки становились «живым музеем» истории и культуры Москвы.

Его уникальные знания о Москве удивляли и маститых академических ученых, и завзятых краеведов. Не случайно С.О. Шмидт стал первым председателем Российского общества краеведов. Благодаря ему появилась школьная и университетская учебные дисциплины – москвоведение. Только он мог задумать и реализовать грандиозный проект Московской энциклопедии в нескольких томах, которая включила в себя статьи об истории Москвы и о жизни и деятельности тысяч москвичей. Сигурд Оттович мечтал о музее Арбата. Но боюсь, что без его энергии эту идею будет трудно реализовать.

После И.Е. Забелина⁵⁸ и учителя Шмидта академика М.Н. Тихомирова⁵⁹ кажется не было другого историка также влюбленного в Москву и столько сделавшего для сохранения ее истории и культуры. Жаль, что московские власти до сих не нашли возможности увековечить память о Сигурде Оттовиче хотя бы в виде мемориальной доски на его доме в Кривоарбатском переулке, где он родился и прожил всю свою долгую жизнь.

Сигурд Оттович часто повторял слова своего учителя академика Тихомирова: «Чтобы свеча не погасла!» Это крылатое выражение о связи, преемственности между поколениями, сохранении памяти о прошлом по преданию принадлежали русскому князю Ивану Красному – сыну Ивана Калиты и отцу Дмитрия Донского.

С.О. Шмидт отличался какой-то обостренной чувствительностью к сохра-

С.О. Шмидт в рабочем кабинете в доме в Кривоарбатском переулке. Москва. 2000. Фото И.М. Хилько

⁵⁸ Забелин Иван Егорович (1820-1909) — русский археолог и историк, специалист по истории города Москвы, член-корреспондент Императорской Академии наук по разряду историко-политических наук (1884), почётный член Императорской Академии наук (1907), инициатор создания и товарищ председателя Императорского Российского Исторического музея имени Императора Александра III, тайный советник.

⁵⁹ Тихомиров Михаил Николаевич (1893-1965) — выдающийся историк, историк-славист, источниковед, специалист в области истории и культуры России X—XIX веков, академик АН СССР.

нению, а иногда и воскрешению памяти о жизни и деятельности своих учителей, рано ушедших учеников, близких и далеких своих предшественников, и особенно всех тех, кто по его мнению был несправедливо обделен современниками или потомками заслуженной славой или известностью. Если посмотреть список его трудов, сборники статей, то львиную их долю составят статьи о людях: историках В.Н. Татищеве, А.И. Мусине-Пушкине, Н.М. Карамзине, И.Е. Забелине, П.И. Бартенева, В.О. Ключевском, С.Ф. Платонове, Н.П. Анциферове, М.М. Богословском, С.К. Богоявленском, С.В. Бахрушине, Д.Б. Рязанове, школьном учителе И.И. Зеленцове, архимандрите Иннокентии (Просвирнине), писателях и поэтах А.С. Пушкине, М.И. Цветаевой, Б.К. Зайцеве, В.Я. Лакшине, Б.Ш. Окуджаве, В.В. Липатове, И.Л. Андронникове, А.З. Крейне, о своем дяде – философе Я.Э. Голосовкере и, конечно, об отце – О.Ю. Шмидте. Отдельная серия статей об историках – своих коллегах из институтов Академии наук: С.Н. Валке, А.М. Разгоне, А.М. Самсонове, М.Т. Белявском, А.П. Окладникове, Б.А. Рыбакове, Е.В. Чистяковой, М.Н. Тихомирове (многократно), Н.Л. Рубинштейне, А.В. Арциховском, Н.Н. Воронине, Н.М. Дружинине, В.Н. Шункове, К.Н. Тарновском, Д.С. Лихачеве (многократно), В.Л. Янине, Б.Г. Литваке, А.А. Чернобаеве; коллегам по Историко-архивному институту

и ученикам: Н.П. Красавченко, О.М. Медушевской, В.И. Буганове, Е.И. Сизове, В.И. Буганове, В.А. Муравьеве, Ю.Б. Рыбакове, В.В. Крылове, А.А. Амосове, С.М. Каштанове, В.Ф. Козлове, любимом ученике А.Д. Зайцеве. И это неполный перечень!

Нельзя в этой связи не вспомнить, что Сигурд Оттович энергично поддерживал описание личного архива своего учителя М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук, издание и переиздание его трудов. И такое уважением к памяти Учителя передавалось и нам, в шутку назвавшимся «внуками Тихомирова».

Замысел этой и предшествующей книги в серии «Четыре портрета» – положить в основу текстов впечатления от живого общения с Мастером, на мой взгляд, очень привлекателен. В отличие от прозорливого А.Г. Толстикова, я не позаботился взять интервью у Сигурда Отто-

*Выступление С.О. Шмидта
в актовом зале Института
истории АН СССР.
Фото из собрания Архива РАН*

вича при жизни. Казалось, что регулярные разговоры по телефону, деловые «пересечения», его почти обязательные участия в заседаниях Ученого совета Архива РАН, в открытии наших выставок, а тем более праздничные ужины в узком кругу на его днях рождения или днях рождения его знаменитого кружка источниковедения истории СССР, будут продолжаться всегда. Внушительный возраст Сигурда Оттовича разумом понимался, но эмоционально не ощущался. Да он и не давал особых поводов к этому.

Надеюсь, что мой воображаемый диалог (интервью) с Сигурдом Оттовичем, основанный на текстах его многочисленных публичных выступлений и моих бесед с ним в разное время, поможет читателю полнее представить масштаб этого выдающегося человека. Ответы на свои вопросы я нашел в его выступлениях и статьях.

«Сигурд Оттович, по количеству данных интервью Вы, наверное, не только опережаете многих своих коллег-историков, но и публичных общественных деятелей и деятелей культуры. Журналистов привлекает не только Ваша известность, но и дар неповторимой интонации «доверительного размышления» в устной речи – Ваше лекторское мастерство».

«... я нуждаюсь в собеседнике, диалоге. И даже выступая с монологом, ищу соучастника, наблюдая хотя бы за выражением лица присутствующих, и, как и на лекциях, нахожу лицо, способное на живой отклик».

«Еще Вяземский точно сформулировал в пушкинском журнале «Современник»: «Вообще наш ум природы изустной, а не письменной». Я, видимо, и пишу в расчете на слуховое восприятие, как бы наношу на бумагу произнесенное. И потому в тестах моих немало от разговорной интонации, с повторами слов, особенно ударных, союза «и».

Как известно, очень многое в судьбе человека закладывается в детстве и в юности. А как в Вашей судьбе?

«Книги – одно из первых запомнившихся визуальных впечатлений детства, книги на полках, на столах, у мамы и няни в руках, даже когда они лежали, мне рано читали вслух».

*С.О. Шмидт и В.Ю. Афиани
в Архиве РАН. 2013.
Фото Н.В. Литвиной*

«Редактором, причем сразу же «ответственным», почувствовал себя еще в старших классах 110-й московской школы имени Нансена как редактор классной стенгазеты. Там помещались дружеские шаржи одноклассника Сергея Шильникова (ставшего затем живописцем – он автор известной, не раз воспроизводившейся романтической картины послевоенных лет «Студенты» – и профессором живописи)».

«Пытались мы – уже школьники разных классов – созидать журнал и подготовили (в единственном экземпляре) юбилейный (первый в моей редакторской практике!) сборник к 60-летию любовно почитаемого нами гениального (как я теперь все более осознаю) учителя словесности Ивана Ивановича Зеленцова».

А сам Сигурд Оттович в дальнейшем был и заместителем главного редактора журнала «История СССР», и ответственным редактором «Археографического ежегодника», а также редактором бесчисленного числа различных «Трудов», сборников статей и т.п.

Как любил повторять Натан Эйдельман⁶⁰: «Странные бывают сближения в истории». Не зная, что С.О. Шмидт участвовал в подготовке сборника в честь своего школьного учителя, мы – его ученики – также составляли и шуточные, и серьезные сборники статей и материалов к юбилеям кружка и Сигурда Оттовича. Они по началу не были типографскими, а рукописными или машинописными. В советское время это издать было невозможно отчасти по раскованному содержанию, отчасти потому, что сборники специально готовились в одном экземпляре, как нечто уникальное.

Ваш энциклопедизм и Ваша увлеченность миром энциклопедии, как ученого – автора многочисленных энциклопедических статей, как главного редактора уникальной Московской энциклопедии как-то связаны с впечатлениями юности? Ведь Ваш отец Отто Юльевич Шмидт был главным редактором «Советской энциклопедии» второго издания.

«Действительно, энциклопедии с ранних лет вошли в круг моего чтения и понятий о культуре и приучили к пониманию ценности и привлекательности справочных изданий, к ощущению того, что статьи их – особый жанр лаконичного и четкого в определениях стиля».

«Теперь, обретя статус главного редактора одной из энциклопедий, хотел бы, чтобы книга эта не имела жестких примет идеологической сиюминутности и сохраняла надолго ценность справочника».

---

⁶⁰ Эйдельман Натан Яковлевич (1930-1989) — историк и писатель, пушкинист, специалист по творчеству Герцена, автор многих книг о декабристах (Сергее Муравьеве-Апостоле, Михаиле Лунине, Иване Пуцине, Владимире Раевском), о русском историке Карамзине.

Ваш знаменитый отец был математиком, геофизиком, полярным исследователем, а Вы – историк. С чего началось Ваше увлечение историей, переросшее в профессию?

«В детстве я много болел, поэтому путешествия в прошлое, путешествия по книгам и по музеям занимали в моей жизни больше места, чем походы и поездки».

«Казалось бы, я не был обделен судьбой, и с самого раннего детства рядом со мной были люди из тех, что на слуху истории. Сейчас я понял, что воздействие на мое формирование и выбор профессии оказал не блеск славы отца, известного полярника, многостороннего ученого и общественного деятеля, энциклопедически образованного и на редкость одаренного человека. Напротив, у меня пробуждалось желание действовать в другой сфере, чтобы сохранить самостоятельность. К тому же с самого детства я был склонен к гуманитарным знаниям при ограниченных способностях в других областях. Пишущая машинка – основной вид техники, который я освоил. Из родных в моем становлении большую роль сыграл дядя по матери – писатель и философ Яков Эммануилович Голосовкер, к сочинениям которого ныне все больше обращаются... Мать – Маргарита Эммануиловна – была среди зачинателей музейного дела в нашей стране. При ее участии были подготовлены первые исторические выставки: «Французская революция», «Парижская коммуна», литературные выставки, а также первая книга-альбом о жизни великого русского поэта – «М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество» (альбом вышел в 1941 году)».

«...я еще школьником осознал, к чему способен. Да и мама у меня была музейным работником... Но, по правде говоря, быть только сыном знаменитости – это тяготило. Я хотел сам свою жизнь делать».

Что для Вас история, прошлое?

«История так же необходима для развития человеческой души, как искусство. Но главное – историю нельзя не знать каждому потому, что человек не может без корней. Он невольно, если он мыслит, задается вопросом: откуда он? Мы стоим на плечах наших предшественников. Весь наш опыт, вся наша культура. Без знания истории мы не можем определить истинную ценность ни одного явления – ни прошлого, ни настоящего».

У вас особое, какое-то зримое ощущение прошлого, которое Вам удается передавать в Ваших лекциях, выступлениях. Если у Вас какой-то секрет?

«Я тогда свободно переносюсь в прошлое, когда могу представить себя в одежде той эпохи. Если говорить о пушкинском времени, то легко вижу себя одетым как Соболевский, друг А.С. Пушкина, живший на Арбате».

Как Вы выбирали темы для своих научных исследований? Можно считать символичным, что первый свой доклад Вы сделали в МГУ в 1939 г. об Иване Грозном, а первая статья в газете было посвящена Москве и вышла во время празднования 800-летия Москвы.

«В качестве историка я много занимался Иваном Грозным, его идеологией самодержавия. То есть собственными сочинениями Ивана в связи с его политической практикой. И далее занимался деятельностью Адашева, главного реформатора Избранной рады, позже уничтоженной Иваном Грозным».

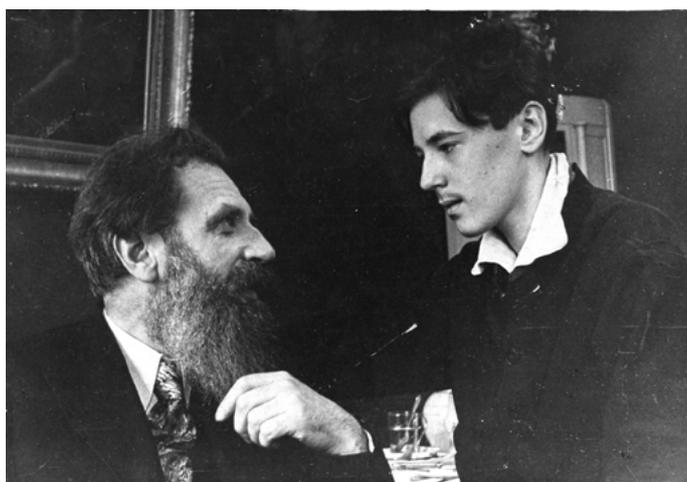
«... полагаю, что из-за инстинкта самосохранения я выбрал для себя источниковедение, то есть методику изучения источников нашего знания и прошлым».

«Если чем-то я сегодня и могу гордиться, так это тем, что переиздаю четыре тома своих сочинений, в которых ничего не меняю. Да, мы мыслили категориями формулировок, усвоенных из трудов четырех классиков марксизма. Никто не мог спорить с ними, но можно было изыскивать такие цитаты, чтобы провести свои мысли. Приходилось находить такие темы в науке, где можно было добиваться результатов, сохраняющих ценность вне зависимости от общественной ситуации».

Вы много занимались изучением творчества историков начала XX века, историей краеведения, а также Карамзиным. Чем еще?

«Я для себя открыл по-настоящему Карамзина, когда мне было за шестьдесят. То есть я, конечно, знал Карамзина, ссылался на него – в основном на тома, посвященные тем периодам истории, которыми я занимался, XV – XVI века».

«Я нашел в Карамзине опору в своих убеждениях, доставшихся мне дорогой ценой. Я всегда был против конфронтационного подхода к явлениям, и Карамзин

Академик АН СССР, полярный исследователь, Герой Советского Союза О.Ю.Шмидт с сыном С.О. Шмидтом. 1937. Фото из собрания Архива РАН

меня в этом укрепил. Возвращение к Карамзину произошло не потому, что нам разрешили сейчас проповедовать самодержавие. Более мощного самодержавия, чем при Сталине, никогда не было. Мы возвращаемся к субъективно-нравственному подходу к объективным явлениям. Карамзин был писатель, историк, но в тоже время – великий мудрец».

«Даже для меня, уже пожилого историка, стало великим открытием возвращение обще-

ству творчества Карамзина, которого я больше знал по примечаниям. Ведь Карамзин оказал воздействие не только на всю литературу – на мироощущение... Русская культура, литература и нравственность опирались на восприятие, сотворенное Карамзиным. Это все вернулось».

«Последние два года писал и по новой тематике – этюды об Отто Юльевиче Шмидте «Соображения и воспоминания сына-историка». Отец заметную роль сыграл в развитии культуры, но об этом почти не писали, потому что материалы были закрыты».

Вы опубликовали работу «Арбат в истории и культуре», «Пушкин и Арбат». Что для Вас Москва и Арбат?

«...я являюсь редчайшим примером москвича, дожившего до семидесятилетия в одной и той же квартире – комната, где (тогда еще в коммунальной квартире) я родился, сейчас моя спальня». «Для меня Москва – и русский державный город, и малая родина. Мои детские годы прошли под звуки арбатских колоколов – близ нашего двора была церковь Николы Плотника, мы очень хорошо слышали колокола храма Христа Спасителя. Другие первые звуки – цокот лошадиных копыт по булыжной мостовой маленького переулка».

«Москва для меня всегда – мой город, воплощающий русскую культуру и преемственность историко-культурных традиций, воплощающих для меня Россию. Могу сказать одно: я очень люблю Москву, но за свою жизнь я наблюдаю утрату Москвой «московскости» и чрезвычайно этим огорчен. Москва все больше принимает облик столицы, интересной, точнее, привлекательной для других своим положением, своими удобствами, своими необычайными материальными богатствами».

«Москва на глазах теряет атмосферу величавости и одновременно – увы! – привлекательной домашней теплоты, ту самую «московскость».

«Я – житель Арбата – особенно остро ощущаю невозвратимую утрату аромата Московской жизни».

«... Арбат – это не просто место жизни многих поколений московских интеллигентов... Здесь заповедное поле русской литературы, здесь живут герои «Войны и мира», романов Тургенева, «Былого и дум», «Мастера и Маргариты», «Доктора Живаго», даже «Двенадцати стульев». Арбат ведь – это не красивая улица. Не петербургская улица, где восхищаешься архитектурой. Арбат должен славиться другим – духом интеллигентности. А сейчас здесь толпится лишь шумная молодежь да туристы-иностранцы...»

«Не на Арбате ли формировалось и оттачивалось искусство беседы? Назовем несколько адресов: дом Хомякова на Собачей площадке – знаменитая «говорильня», дом Герцена на Сивцевом Вражке и Огарева на Арбате – места споров западников

и славянофилов, их дружеских пирушек, кружок Станкевича собирался у Аксаковых. Недалеко от Арбата умирает Гоголь... Какие имена! Какие пласты русской культуры, литературы!»

«Интересное явление: культурная часть новоиспеченных нуворишей, купечества селится на Арбате. Особняк князей Трубецких становится домом Щукина, собиравшего полотна импрессионистов, Морозовы, Бахрушины, Абрикосовы, Рябушинские... Одни покупают старые барские дома, другие возводят здесь свои особняки в стиле «модерн». Но и они в своей интеллектуальной стороне жизни как бы поддерживают и продолжают «миф об Арбате». Особо стоит упомянуть «профессорское» Приарбатье. Именно здесь сформировали сборник «Вехи» – Бердяев, Булгаков, Гершензон, жили недалеко друг от друга. Если взять адресную книгу дореволюционной Москвы, то сразу же увидим, что «арбатцами» (выражение Андрея Белого) были и физики Столетов и Лебедев, и географ и антрополог Анучин, и историки Соловьев, Герье, Виноградов, Виппер, и филологи Буслаев, Тихонравов, Стороженко, и многие другие профессора университета и консерватории, известные скульпторы, живописцы».

«Арбат всегда подкупал тем, что сохранял (вместе с названием) представление о прежних ценностях. Тут не было фабрик и заводов, не было и казенных учреждений. Это жилой массив людей с относительным достатком, занятых интеллектуальным трудом».

«А когда после революции многие люди высокой культуры и высокой мысли оказались за рубежом – а «философский пароход» в основном с Приарбатья! – то в эмиграции Арбат оставался для них символом Москвы, России – и для Бердяева, и для Марины Цветаевой. Борис Зайцев на девяностом году жизни писал, что думая о Москве, вспоминает прежде всего улицу святого Николая – так называли Арбат по имени трех порушенных его храмов. И как важно было бы восстановить колокольню Николы Явленного на углу Серебряного переулка – она, воспетая Буниным, во многом определяла нынешний Арбат, его историю (вспомним о Пьере Безухове), особый уют Арбата, стиль его жизни».

«Меня больше всего волнует не то, что Арбат перестал быть символом интеллигентности, а то, что он стал символом чего-то глубоко немосковского».

«Дмитрий Сергеевич Лихачев, когда я послал ему газету «На Арбате», ответил мне так: «Очень тронула газета «На Арбате». В Петербурге любят Невский, гордятся им. Но без той нежности, которую всегда ощущаешь у москвичей в отношении Арбата».

«Я бы открыл и специальный музей Арбата – лучше в знаменитом доме Пороховщикова, в Староконюшенном. Во славу двух семей – Пороховщиковых и Трубецких (князь Трубецкой – первый выборный ректор Московского университета

*Профессор С.О. Шмидт
и академик АН СССР Д.С. Лихачев.
Фото из собрания Архива РАН*

– тоже занимал там квартиру). Такой музей прославил бы Арбат и его людей».

«В 30-е годы среди арбатского населения оказалось больше всего пострадавших от репрессий. Почти не оставалось квартир, из которых кого-нибудь не увели».

Вы прошли большой путь в жизни и науке. Что бы Вы выделили из сделанного Вами?

«Конечно, я и исследователь, и педагог, и, пожалуй, преподаватель».

«Я совершенно убежден: главное в жизни – это заниматься делом, которое тебе интересно. Работать нужно по призванию. Могу с чистой совестью сказать: я занимался в жизни тем, чем хотел, и не ради гонорара, конъюнктуры или славы. Пожалуй, самое значительное из сделанного мной – это созданная научная школа в Историко-архивном институте. А самое для меня дорогое – пятидесятилетнее руководство с 1949 по 2000 год, студенческим кружком источниковедения. За время существования там собирались не только студенты, но и выпускники вуза, кандидаты, доктора наук, состоявшиеся ученые».

А как Вы понимаете, что такое культура, творчество?

«Культура является одним из главных показателей состояния народа и государства».

«Но постепенно понятие культуры было отодвинуто понятием цивилизации, которое подразумевало не столько общую образованность, еще менее – нрав-

ственное воспитание, сколько владение технологией, которая типична для современного общества, пережившего техническую революцию».

«Дорога в будущее – это не только путь совершенства наших технических возможностей, облегчающих жизнь человека, но и путь охранения верности тем проверенным поколениями нравственным устоям, которые позволяют судить, что такое добро и зло, что благородно и неблагородно. Эти убеждения не даются только образованием. И верность им сохраняют нередко в большей мере люди – «недипломированные». Так же и творчество не обязательно удел тех, кто имеет специальное образование. Мы знаем великие творения, когда их авторы опередили свое время, и только немногие люди – их современники – смогли оценить, что за этим стоит будущее. Пример – художники конца XIX в. Сейчас Ван Гог стоит дороже, чем многие другие «ваны», жившие в XV – XVII вв.».

«Мы часто слышим о творческом потенциале людей искусства... А ученые? Это что – не творцы? Наша профессия – не творчество? Разве мы не можем что-то такое создать без творческих усилий, без творческого озарения».

«Возьмем и такие профессии как врач или учитель. Один формирует личность своего ученика, другой ставит сложный диагноз больному – как могут быть они не творцами?»

Предыстория портрета

Как и подобает арбатскому интеллигенту, С.О. Шмидт воспитывался и жил в атмосфере культуры, литературы и искусства. Сигурд Оттович был хорошо известен в этих кругах, его часто приглашали на вернисажи выставок в музеи, архивы, библиотеки и на другие культурные мероприятия. Его выступлений ждали, и они всегда были очень яркими. Порой встречаешь его на выставках или концертах, но пообщаться практически невозможно. Все его знали, хотели поздороваться и перекинуться с ним хотя бы парой слов. Отвлекала от разговора и его старомодная учтивость – непрерывные раскланивания со знакомыми, целование ручек дамам...

Разумеется, Сигурд Оттович прекрасно знал и любил и русское, и зарубежное искусство. Но в огромном списке его опубликованных работ и интервью (более 1200!) встречается немного статей, посвященных темам, связанным с изобразительным искусством. Он, наверное, не считал себя специалистом в этой области, о которой не мог судить профессионально, а потому брался за нее в исключительных случаях. Это могло быть небольшое предисловие к книге известной художницы Т.А. Мавриной «Лукоморье». Издание вышло как подарок мэрии Москвы детям к Новому 2011 году в рамках Издательской программы правительства Москвы,

*Слева направо: академик РАХ, член-корреспондент РАН
А.Г. Толстиков, академик РАО С.О. Шмидт, академик РАН
Г.А. Толстиков. Москва. 2010. Фото О.В. Толстиковой*

которую он возглавлял. Сигурд Оттович захотел поддержать издание «картинок» автора, по его словам «чудесных творений», «выдающихся, общепризнанных произведений изобразительного искусства».

Особое место занимает статья-предисловие к книге «Николай Дмитриев» под заглавием «Удивительный мальчик с Арбата (О художнике Коле Дмитриеве)». В ней отразились впечатления С.О. Шмидта от увиденной им еще в 1949 году выставки акварелей и рисунков безвременно ушедшего 15-летнего художника, которое не исчезло и полвека спустя. Дело в том, что в 1995 году в Музее А.С. Пушкина вновь была повторена выставка работ юноши-художника.

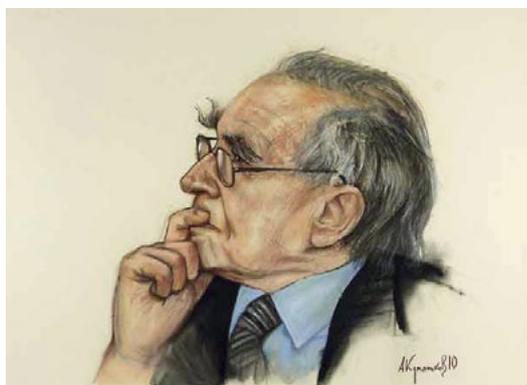
С.О. Шмидт цитирует слова Б.Л. Пастернака, посвященные первой выставке: «Головокружительность дарования этого удивительного мальчика несоизмерима с печальным фактом его смерти. Мне кажется, будь он, по счастью, еще жив и даже гораздо старше годами, все равно я точно так же плакал бы перед этими работами и от волнения не мог бы произнести ни слова». И еще: «...От волнения я не мог произнести ни слова. Да как же иначе, когда эти акварели как живые сходят со стен к Вам навстречу, берут Вас за руки, заговаривают с Вами и уводят, куда им вздумается!» В отзыве Веры Мухиной: «Милый Коля, я не знала тебя, но искусство

твое так тонко, так ярко, так полно ощущения жизни, что, несмотря на то, что тебя нет, ты всегда будешь жить, ибо искусство твое есть сама жизнь...» Художник, искусствовед, будущий член двух академий Игорь Грабарь: «Не первый раз я вижу рисунки и акварели Коли Дмитриева, но каждый раз нахожу в них новое очарование и мастерство взрослого художника, неразрывно связанное с непосредственностью детского восприятия...»

Дядя юного художника, театральный художник Владимир Владимирович Дмитриев, полушутя-полусерьезно назвал племянника «новым Валентином Серовым». И Сигурд Оттович сравнивал впечатления от работ Коли с «Девочкой с персиками», «Девушкой, освещенной солнцем» и «Прудом» Серова. Он писал о «подлинности» этого искусства, «простого и целомудренного», «правдиво, глубоко и красиво отражающего жизнь, без трюкачества условностей и без красотостей фотографического натурализма».

Еще одной публикацией было предисловие к альбому, посвященному также безвременно ушедшему художнику Антону Куманькову (1958-2010). (Из этого предисловия я взял фразу, поставленную в заглавие статьи).

Сигурд Оттович был близко знаком с семьей Куманьковых: матерью, писательницей Марианной Владимировной Качаловой и отцом, Евгением Ивановичем, главным художником Малого театра, народным художником России. Куманьков-старший был известен как художник тетра и кино, книжный график, и, по словам С.О. Шмидта, как «автор художественной летописи, запечатлевшей переулки Москвы последних десятилетий ушедшего века, исчезающий на наших глазах уют нашего города». Две своих работы, изображающих Кривоарбатский переулок, художник подарил С.О. Шмидту. Рисунок «Угол Плотникова и Кривоарбатского» (1971) постоянно висел у него в кабинете.

*А.Е. Куманьков.
Портрет С.О. Шмидта.
Бумага, пастель. 2010*

Куманьков-младший также стал известен как художник-портретист, театральный художник и иллюстратор. С.О. Шмидт писал о «светлом искусстве» Антона Куманькова, авторе ярких, углубленных, но неброских портретов, воплощавших душевное восприятие художником портретируемого, вызывавших симпатии и интерес зрителя. В кабинете висел также его графический портрет работы Антона Куманькова. Художник подарил ему и другой портрет, изображавший С.О. Шмидта на фоне книг и окна кабинета.

*С. М. Шор. Студенты.
Портрет С.О. Шмидта и Б.С. Попова.
Холст, масло. 1944*

имеет свою историю и даже предысторию. Иной раз достаточно длительную.

Не помню, на открытии какой именно выставки в Архиве Российской академии наук познакомились Сигурд Оттович Шмидт и Александр Генрихович Толстиков – тогда заместитель главного ученого секретаря Президиума Российской академии наук.

К тому времени А.Г. Толстиков тесно сотрудничал с Архивом РАН. А познакомились мы с ним благодаря вице-президенту РАН академику Николаю Альфредовичу Платэ, который покровительствовал Архиву. В 2004 году мы предложили подготовить выставку в Варшаве в рамках «Дней российской науки в Польше»,

Кстати сказать, в кабинете С.О. Шмидта висели еще другие рисунки. Один из них, художницы С.М. Шор, изображавший его – студента историко-филологического факультета Среднеазиатского университета в Ташкенте в январе 1942 года (в эвакуации). Ее руке также принадлежал замечательный большой графический портрет, выполненный разными техниками, мамы Сигурда Оттовича – Маргариты Эммануиловны Голосовкер.

Создание портрета, если автор ставит серьезные изобразительные задачи, в первую очередь отобразить личность портретируемого, всегда

*С.О. Шмидт на выставке в Архиве
РАН. 2013. Фото Н.В. Литвиной*

которые проходили под эгидой президентов двух стран. Н.А. Платэ энергично поддержал эту идею. Он, по поручению президента РАН Ю.С. Осипова, открывал в 2004 г. в Варшаве нашу выставку.

Этим «Дням науки» придавалось тогда большое значение, особенно поляками, которые хотели, по выражению польского президента А. Квасневского, «стать мостом между Россией и Западной Европой» (где теперь эти благие идеи?). И Архив РАН вписался в программу «Дней», которые проходили попеременно то в Польше, то в России. А наши совместные с Научным архивом Польской академии наук выставки стали неотъемлемым и достаточно заметной частью программы «Дней науки». Именно в связи с этими российско-польскими научными связями, мы с А.Г. Толстиком и познакомились ближе. Начало, я не побоюсь сказать, нашей дружбе, положила командировка небольшой делегации сотрудников Президиума РАН во главе с А.Г. Толстиком в Польшу. И вот, в поезде из Варшавы в Краков мы разговорились, и выяснилось, что нас обоих объединяет увлечение искусством, живописью. А.Г. Толстиков предвкушал воочию увидеть полотна знаменитого польского художника Яна Матейко, автора грандиозных исторических полотен, и «Даму с горностаем» Леонардо да Винчи из собрания польских князей Чарторыйских. В Кракове Александр Генрихович наслаждался в полной мере грандиозными полотнами Матейко, кажется и сейчас остается поклонником творчества этого польского мастера кисти.

С поддержкой А.Г. Толстикова началось плодотворное участие Архива РАН в программе Президиума РАН по популяризации истории науки, Академии наук в Интернете, которую придумал и курировал Александр Генрихович. Архив стал головной организацией, объединявшей другие академические организации в подготовке электронных публикаций документов, фотографий, изобразительных материалов по предлагаемым нами темам. Подготовленные публикации размещались на портале Президиума РАН в разделе «электронные коллекции», а некоторые удавалось издать типографским способом с приложением CD-ROM. Первой в этом проекте стала публикация «Президенты Академии наук», впервые представившая биографии всех президентов, начиная с первого – Лаврентия Блюментроста. В статьях о президентах Академии дореволюционного периода публиковались их живописные портреты, сохранившиеся в Институте русской литературы РАН (Пушкинском Доме). О возможности их использования Александр Генрихович договорился с директором Пушкинского Дома членом-корреспондентом РАН В.Е. Багно во время нашей совместной командировки в Санкт-Петербург. (Воспользовавшись ею, мы «прошлись» по Эрмитажу, делая, как говорят на современном языке, «селфи» у самых любимых картин).

К 275-летию Архива РАН (в 2006 году) в нашем Выставочном зале была подготовлена выставка «Драгоценный для истории науки архив...» Это слова В.И. Вернадского, сказанные об архиве Академии еще в начале XX столетия. В экспозиции широко использовались документы из личных фондов выдающихся ученых, в том числе, об их связях с миром литературы и искусства. Мы ставили себе задачу показать личность ученого во всей ее полноте и разносторонности.

*С.О. Шмидт и В.Ю. Афиани
в Архиве РАН. 2013.
Фото Н.В. Литвиной*

Немало ученых увлекалось разными видами творчества – литературным, художественным, музыкальным... Художественные материалы, представленные на выставке привлекли внимание А.Г. Толстикова, и с тех пор он стал другом Архива РАН, непременным участником многих вернисажей. Так продолжились сотрудничество и наша дружба с А.Г. Толстиковым. Следующая художественно-документальная выставка «Музы в храме науки» готовилась с его деятельным участием: в договоренностях, получении работ у авторов – членов РАН, не только москвичей, но и из других городов России. Вклад А.Г. Толстикова в «выбивании» немалых средств в Президиуме РАН для издания высокохудожественного каталога, да и в подготовке самого каталога, неоценим. Каталог вышел с предисловием президента РАН академика Ю.С. Осипова. И здесь поспособствовал Александр Генрихович...

А потом была выставка к очередной знаменательной дате Академии наук, ее 285-летию. Юбилей отмечался очень скромно. Кажется только одна наша выставка, да награждение молодых ученых президентом РАН и были организованы. Выставка получилась особенной. Мы вспомнили о том, что когда Петр I организовывал Академию в Санкт-Петербурге, она называлась «Академией художеств и наук или Социетет художеств и наук». Только в 1757 году была создана самостоятельная Императорская Академия художеств. Этот факт, подкрепленный архивными документами, был доведен до сведения Российской академии художеств и ее президента Зураба Константиновича Церетели. РАХ только-что довольно пышно отпраздновала свой более «скромный» юбилей. Но возможность «законным образом» удревить историю РАХ, да и еще в содружестве с Академией наук, порадовала З.К. Церетели. Во время нашего с А.Г. Толстиковым визита к нему, Зураб Константинович «фонтанировал» замечательными идеями, в том числе об организации

совместной выставки двух Академией в Москве, Санкт-Петербурге и Париже. Как известно, для реализации таких проектов требуются большие средства. И только это смогло остановить планы неутомимого Зураба Константиновича.

Открытие художественно-документальной выставки «Социетет художеств и наук» в Архиве РАН, приуроченной к 285-летию учреждения Академии наук и художеств и Дню российской науки. На фотографии слева направо: президент Российской академии наук, академик РАН Ю.С. Осипов, директор Архива РАН В.Ю. Афиани, президент Российской академии художеств, академик РАХ З.К. Церетели. Архив РАН. Москва. 2009. Фото Н.В. Литвиной

Выставка двух Академией прошла в Выставочном зале Архива РАН под названием «Социетет художеств и наук» в 2009 году. Открывали ее два президента Ю.С. Осипов и З.К. Церетели. На выставке, с одной стороны, были представлены материалы из личных фондов ученых, хранящиеся в Архиве РАН, в том числе, художественные произведения, созданные учеными, а с другой – живопись и скульптура членов Президиума РАХ.

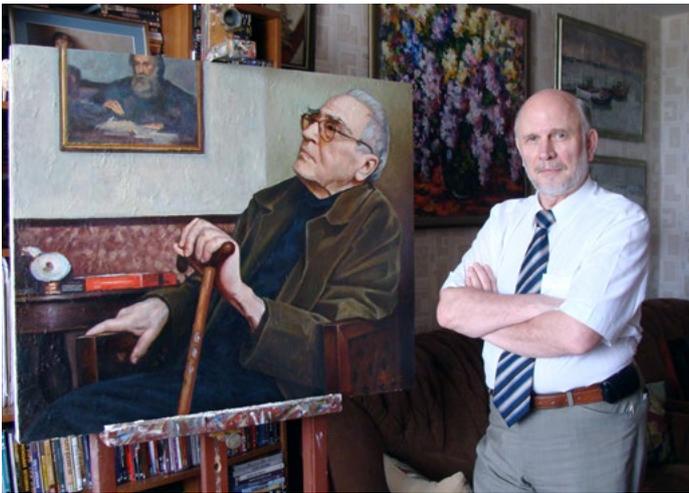
Почти на каждой выставке Архива РАН бывали и С.О. Шмидт и А.Г. Толстикова, участвовали в их открытии, и они должны были неизбежно познакомиться. Так и случилось. Александр Генрихович был увлечен и очарован личностью Сигурда Оттовича еще до непосредственного знакомства с ним.

Открытие художественно-документальной выставки «Социетет художеств и наук» в Архиве РАН, слева направо: президент Российской академии наук, академик РАН Ю.С. Осипов, президент Российской академии художеств, академик РАХ З.К. Церетели, заместитель главного ученого секретаря Президиума РАН, член-корреспондент РАН, член-корреспондент РАХ А.Г. Толстиков. 2009. Фото М.И. Лукина

Краткое повествование о том, как начал создаваться портрет С.О. Шмидта

Как-то А.Г. Толстиков заговорил о том, что он хотел бы написать портрет С.О. Шмидта. Я переговорил об этом с Сигурдом Оттовичем. Он не отказался, но за эту идею и не ухватился. Шли недели, а времени у Сигурда Оттовича для позирования все не находилось. Дело было в его огромной ежедневной загруженности. Но не только. Мне кажется, что он размышлял, соглашаться или не соглашаться на этот портрет.

*В.Ю. Афиани у портрета С.О. Шмидта
в мастерской А.Г. Толстикова. Москва.
2009. Фото А.Г. Толстикова*

отданы все комнаты, кроме кухни, даже крохотная кладовка за кухней, отгороженная от черного хода. В квартире безраздельно господствовали книги, захватившие стены, мебель и даже пол. Только местами на стенах робко вклинивалось несколько живописных работ и рисунков. Глаз останавливался «живых», не залакированных образчиках антикварной мебели, включая «абрамцевское» кресло и письменный стол, столик около дивана, тоже заваленных бумагами и книгами. На середине стола стояло оранжевое стильное печатное устройство производства Югославии. Оно заменило гордо восседавшую на этом столе многие годы, выдавшую виды, дребезжащую, машинку «Континенталь». Сигурд Оттович время от времени то бойко стучал двумя пальцами по клавиатуре машинки, печатая текст, выправляя западающие литеры, то убегал к книжным полкам, доставая нужную книгу, или вскакивал для разговора по мобильному телефону и начинал расхаживать с ним по кабинету.

Александр Генрихович тем временем расположился для карандашных эскизов, но его замысел сметался энергией Сигурда Оттовича. Сеанс явно срывался. Нужно

Но вот, наконец, свершилось. Идем с Александром Генриховичем в Кривоарбатский переулок. Каждый человек, переступивший порог этой арбатской квартиры, как мне кажется, получал неизгладимые впечатления. Пятикомнатная квартира знаменитого ученого отнюдь не блистала евроремонтом, а, наоборот, производила впечатление несколько запущенной и в огромной степени «захлавленной» книгами. Им были

*С.О. Шмидт в рабочем кабинете в
доме в Кривоарбатском переулке.
Москва. 2000. Фото И.М. Хилько*

было срочно что-то придумать, чтобы хоть на время усадить портретируемого в кресло. Не помню точно, что именно было придумано, чтобы усадить Сигурда Оттовича, но это был заинтересовавший его вопрос. Так начался разговор. Говорили о многом: и об истории, и об Историко-архивном институте, и о происхождении его замечательного «абрамцевского» кресла.

На вопрос о рисунках на стенах, Сигурд Оттович вспомнил, как писался портрет Отто Юльевича. С его яркой «скандинавской» внешностью, черной бородой и синими глазами, он был весьма привлекательной натурой для художников. Его много раз рисовали – были и живописные портреты, и даже шаржи. Об этом Сигурд Оттович подробно написал сам. Разговор зашел о наиболее известном портрете кисти Михаила Васильевича Нестерова. В 1930-е годы готовилась грандиозная, как многое в то время, выставка посвященная успехам индустриализации. И для нее великому портретисту официально предложили написать двух знаменитых людей – находившегося в зените славы полярного исследователя О.Ю. Шмидта и театрального режиссера, реформатора театра К.С. Станиславского. Нестеров писал: «Эти оба портрета меня интересуют – хватит ли «силенки» – посмотрим, увидим».

Писать заказной портрет, получив аванс, к сроку, уже немолодой художник отказался. Но мысль написать Шмидта ему запала. набросок портрета в альбоме художника карандашом и пером имеет точную дату: «10 августа 1937. Колтуши». Первоначальный замысел был очень эффектен и романтичен, даже слишком. Шмидт в меховом комбинезоне летчика-полярника, с поднятой рукой, указывающий путь к полюсу. И, возможно, по этой причине его было трудно написать с натуры. В том же альбоме есть другой рисунок, очень близкий будущему живописному портрету по основному замыслу и по композиции – портретируемый сидящий за письменным столом. Композиция лишь отчасти совпадала с гениальным портретом гениального ученого Ивана Петровича Павлова. Другой ракурс – не в профиль, а в анфас.

Насколько мне известно, в первый и последний раз Нестеров взялся писать портрет одного из советских руководителей. Шмидт к тому времени был начальником Главного управления Северного морского пути (ГУСМП), хотя для художника он был, конечно, прежде всего, знаменитым путешественником. В этом «раздвоении» образа портретируемого, мне кажется, заключалась определенная сложность для Нестерова.

В нескольких письмах художник описывал свою работу над портретом. 21 сентября 1937 года он написал дочери Татьяне:

«Что тебе написать о себе? Я работаю, мне предложено написать портрет с О.Ю. Шмидта (полярного героя), и я пишу его уже 8 сеансов. Сам Шмидт интересный, красивый, привлекательный человек, пишу его с удовольствием. Портрет большой

[...]. Позирует охотно».

23 сентября Михаил Васильевич писал:

«Половина дела сделана, но сейчас предстоит наиболее трудное – окончить портрет. Сделать настоящего Шмидта, а это не так уж легко, хотя портрет ему и нравится, а нужно, чтобы он нравился и мне, – это трудней.

Портрет, по моему обыкновению, не заказной, а будет мой, а там что бог даст...»

Позднее Михаил Васильевич рассказывал об особенностях работы над портретом: «Я сижу в сторонке, смотрю на него, рисую, а у него капитаны, капитаны, капитаны. Все с Ледовитого океана. Кряжистые. Он озабочен: в этом году ждут раннюю зиму, суда могут зазимовать не там, где следует. Теребят его телеграммами и звонками. Он меня не замечает, а мне того и надобно. Зато я его замечаю».

8 октября того же года он писал дочери о портрете, что «был осмотр сослуживцев, друзей и знакомых. Всем он очень нравится». И несколькими днями спустя, 14 октября художнику П.Д. Корину: «Как самой модели, так и сослуживцам и друзьям модели портрет нравится». «Отношения с моделью при расставании были самые лучшие...» «Я же сам думаю, если бы не крайняя усталость, то еще не худо бы прописать сеанса два. Обстановка писания была невероятно тяжелая, постоянно народ, люди деловые, занятые, мелькают перед глазами, говорят; так что из девятнадцати сеансов настоящих можно было бы выкроить не больше пяти». Настойчивые повторения того, что портрет понравился, и о тяжелых условиях работы, кажется свидетельствуют о том, что сам Михаил Васильевич им был не вполне доволен.

Нестеров позвал С.Н. Дурылина⁶¹ посмотреть портрет в мастерской художника.

«Я долго не отрываясь смотрел на портрет, – вспоминал Дурылин, – и, наконец, сказал: «Я был на Ледовитом океане. У него, – указал я на лицо Шмидта, – иссиня-зеленая волна океана отражена на глазах. Он о ней, видно, всю жизнь мечтал и теперь уже не может оторваться от нее никогда. Все будет она влечь его к себе».

Михаил Васильевич молча обнял меня и горячо заговорил:

«Этого хотелось, чтобы так было, а так ли вышло, не знаю. Наш брат любит, чтоб его хвалили. Поверить-то хочется, что так, а вдруг не так?»

И пояснил, что для всех: «Шмидт? Это который с бородой? ...Надоела мне эта борода. Сколько раз его рисовали, и все не его, а бороду. Бороду рисовать легко. Но в ней ничего и нет, кроме бороды. А я решил: попробую заглянуть в глаза. Там у него кое-что найдется получше бороды».

---

⁶¹ Дурылин Сергей Николаевич (1886-1954) — русский педагог, богослов, литературовед, религиозный писатель и поэт.

Сигурд Оттович вспоминал, что отец пригласил его посмотреть портрет, когда тот еще был в его кабинете. Шмидт-старший познакомил сына с Нестеровым. Странно, но тот показался Сигурду Оттовичу «сухим и колючим», «чужим человеком, и неприятным человеком». Может быть потому, что портрет его несколько разочаровал? Он не увидел в портрете того «внутреннего огня», «привлекательности», которые так ценил в отце. Об этом Сигурд Оттович и сказал автору.

С.О. Шмидт через много лет снова увидел портрет в Минске в музее. И мне показалось, что многое от своего первого впечатления Сигурд Оттович сохранил на всю жизнь. Действительно, по-моему, этот портрет несколько уступает другим признанным шедеврам Нестерова. Но, одновременно, это самый лучший портрет О.Ю. Шмидта!

Зашел разговор и о висевшем на стене кабинета небольшом портрете, который все принимают за портрет Отто Юльевича Шмидта, благодаря обширной бороде. Он попал и на портрет А.Г. Толстикова. Но это портрет дяди Сигурда Оттовича – Якова Эммануиловича Голосовкера, работы художника В.Н. Басова 1940-х годов. Было ясно, что Сигурд Оттович очень высоко ценил своего дядю. Он немного рассказал о нем. Любопытно, что Я.Э. Голосовкер был одноклассником Отто Юльевича. В один день они получили золотые медали по окончании 2-й Киевской классической гимназии, и даже бороды отпустили почти одновременно. Но были очень разными людьми и их судьбы сложились совершенно по-разному.

Яков Эммануилович – человек не похожий на других в жизни. Ради творчества, он так и не женился: «... я пожертвовал любовью — любовью в том смысле, в каком я понимал подлинную любовь. Я любил, любил, как, быть может, не умеют уже любить в XX веке, но еще умели любить в XVIII – и я отдал любимую женщину в жертву пошлости, банальности, комфорта», – писал он.

И в творчестве он был ни на кого не похож. Академик Н.Я. Конрад написал о Я.Э. Голосовкере: «Все мы – писатели, ученые – в меру образованны, в меру талант-

М.В. Нестеров.

Портрет Отто Юльевича Шмидта. Холст, масло. 97x121. 1937. Собрание Национального художественного музея Республики Беларусь.

ливы, но – обыкновенны. Он же – ученый, писатель – необыкновенен. Как и его внешний облик: голова Маркса с глазами Тагора».

Я.Э. Голосовкер не вписался в советскую действительность. Его эпохами были античность, Возрождение и эпоха Просвещения. Это был философ, историк культуры и литературы Древней Греции и Рима, писатель и переводчик поэзии и мифологии Древней Эллады, Горация, Гердерлина и Ницше, автором книг «Логика мифа», «Засекреченный секрет: философская проза», «Имагинативный абсолют», «Достоевский и Кант: Размышления читателя о романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и трактате И. Канта «Критика чистого разума», «Сказания о титанах» для детей и др. В 40-е годы вокруг него образовался «горацианский» кружок, в который входили Борис Пастернак, Арсений Тарковский, Илья Сельвинский...

У Якова Эммануиловича была трудная судьба человека пережившего репрессии. После лагерей и ссылки, ему долго не разрешали жить в Москве, и он жил на дачах знакомых, в том числе на шмидтовской даче на 42 километре по Казанской дороге. Яков Эммануилович дважды пережил гибель своих рукописей, один раз сожженных другом после его ареста, другой – после пожара. И снова, и снова он их восстанавливал. Так и назван был его роман – «Сожженный роман» или «Запись неистребимая», изданный и переведенный на несколько языков в 1990-е. Хотя, это были скорее остатки прежнего творения. Роман, написанный в 1924-1925 годах, удивляет своими загадочными пересечениями с «Мастером и Маргаритой» М.А. Булгакова: «В апрельскую пасхальную ночь, в годы Нэпа из Психейного дома таинственно исчез один из самых загадочных психейно-больных, записанных в домовую книгу под именем Исус...».

*В.Н. Басов. Портрет Э.Я. Голосовкера.
Холст, масло. 1940-е годы. Частное собрание.*

Я.Э. Голосовкер писал в трагическом предисловии к «Мифу моей жизни»: «Моя жизнь осталась неоправданной. Мое отречение, самопожертвование во имя самовоплощения моей творческой воли завершились трагедией и сарказмом. Я достиг, воплотил, – но злость, мстительность, самовлюбленность, зависть, трусость, самолюбие приспособившихся и безразличие пустоцветов не только не захотели спасти, но, наоборот, захотели уничтожить то,

что было создано вдохновением, страданием, любовью, напряженной мыслью и трудом для них же. Остался пепел – пепел моего дела, пепел того, что уже не принадлежало ни мне, ни им, принадлежало всем – человечеству, человеку, векам».

То, что сохранилось от архива Я.Э. Голосовкера, перешло к Сигурду Оттовичу, который многое сделал для обнародования, возвращения в современную культуру замечательного творческого наследия этого мыслителя и писателя.

Тем временем, Александр Генрихович успел сделать несколько карандашных зарисовок и фотографий. Он удивил портретируемого, сказав, что для него главное – уловить его руки. И это получилось. Руки, которые схвачены в очень характерной для Сигурда Оттовича позе, играют важную роль. Портрет имеет не только несомненное внешнее сходство с моделью, он создает образ ученого. Общее цветовое решение портрета очень близко цветовой гамме кабинета.

Не знаю точно, как отнесся С.О. Шмидт к своему портрету, когда он был закончен. Единственное и вполне справедливое замечание, художник несколько залакировал «действительность», – причесал волосы на голове. И правда, я не помню случая, чтобы несколько поредевший хохолок не поднимался победно над головой Учителя, что нередко было предметом шуток среди его близких. Но, думаю, Сигурду Оттовичу портрет понравился. Он охотно фотографировался с нами на фоне портрета и был доволен, когда после передачи А.Г. Толстиком портрета Архиву РАН, он был повешен в кабинета директора Архива.

*А.Г. Толстиков и С.О. Шмидт в кабинете директора
Архива РАН. Москва. 2010. Фото Н.В. Литвиной*

В контексте истории

Осознанно или неосознанно мы ставим увиденные произведения в контекст своего времени, и в контекст прошлого. Это издание отражает уже вторую серию портретов деятелей науки и искусства А.Г. Толстикова. Первая книга была посвящена классикам «академического» искусства – художникам «шестидесятникам» Д.Д. Жилинскому, П.П. Оссовскому, В.И. Иванову, А.А. Тутунову. Вторая – классикам науки.

Мировое искусство прошлого богато на портретные шедевры: Тициан, Веласкес, Рембрандт... Богата ими и русская портретная живопись: Рокотов, Левицкий, Крамской, Репин, Серов, Нестеров, Корин...

Портрет всегда считался самым сложнейшим видом живописи. Он остался островком реализма в безбрежном море современного «модернизма». Проблема в том, что нефигуративное искусство ушло от изображения человека. Попытки создания портрета в нереалистических течениях живописи были. Достаточно вспомнить портрет Воллара⁶², исполненный Пикассо. Virtuозная кисть художника помогла создать средствами кубизма почти реалистический, «похожий», портрет знаменитого владельца художественной галереи. Но много ли таких удачных экспериментов?

Реалистические направления в искусстве давно объявлены «устаревшими». Советский Союз стал прибежищем, чуть ли резервацией, традиций реализма, в то время как модернистские течения охватили практически весь мир. Но, с другой стороны, коммунистическая идеология ориентировалась на пропагандистскую сторону искусства, понятного «массам». И это стало угрозой для искусства. Попытки уместить произведения в прокрустово ложе так называемого «социалистического реализма», часто выхолащивали содержание произведений и препятствовали художественному поиску. Но вот и в нашей стране оковы пали – раздолье для всех направлений в искусстве! «Модернизм» получает поддержку от властей предрежащих и в России. Но, забыв об эпохе гонений, он сам агрессивно стал пытаться выбросить «реалистов» с «парохода современности».

Свобода творчества нередко оборачивается свободой «штукарства», новой конъюнктурой. После великих прозрений наших художников – Петрова-Водкина, Филонова, Кандинского, Малевича, бойкие и многочисленные эпигоны современного западного, даже не искусства, а арт-рынка, затмевают творчество мастеров, продолжающих серьезно работать в реалистических или в других направлениях

---

⁶² Амбруаз Воллар (1866-1939) — один из самых значительных торговцев произведениями современного искусства (маршанов) в Париже в конце XIX — начале XX вв.

живописи. Не могу не процитировать горькие слова архитектора В. Красильникова, приведенные в первом выпуске этой серии: «Мы получили свободу, свободу творчества, но оказалось, что настоящее искусство свободному обществу вроде и не нужно». Это, конечно, не совсем так.

В современном обществе все, и искусство тоже, подверглось влиянию всепроникающей моды. Сегодня мы носим макси, а завтра – мини. И упаси бог появиться в обществе в макси в эпоху мини – засмеют! Забываем, что искусство в отличие от преходящей моды – вечно. Банальная истина! Рублев вечен... Художника могут забыть, но только на время, как когда-то произошло с Эль Греко. А потом случаются великие открытия. И тогда толпы зрителей, уставшие от засилья массового модернизма, начинают сносить двери на выставках Серова и Айвазовского. Еще одна банальная истина. Настоящее искусство не зависит от избранной манеры художника, используемых им художественных средств. Оно зависит только от масштаба дарования художника.

Академик РАО, профессор С.О. Шмидт на фоне портрета своего отца академика АН СССР, Героя Советского Союза, знаменитого полярного исследователя О.Ю. Шмидта. Архив РАН. Москва. 2011. Фото Н.В. Литвиной

Художник-портретист в рамках современного реалистического направления сейчас поставлен в значительно более сложные условия, чем сторонники других направлений. Как уже говорилось, одним внешним сходством сейчас нельзя ограничиваться. Фотография, стремительно занявшая ниши и документа, и искусства, не дает возможности художнику-портретисту ограничиться лишь внешним сходством с моделью. «Фотографическое» сходство может вывести даже за пределы искусства. Выход один – прорываться к тому существу, которое должно отражаться и во внешнем облике, к тому, что называется духовным обликом, душой. А это, ох как тяжело! И это художнику А.Г. Толстикову, может быть не каждый день, но удается.

Портрет С.О. Шмидта передан в Архив РАН. Сигурд Оттович десятки лет самым теснейшим образом сотрудничал с Архивом АН СССР – Архивом РАН, и, будучи членом его Ученого совета, помогал, поддерживал, редактировал, инициировал немало начинаний и изданий, связанных с Архивом. Здесь хранится и его личный архив.

Портрет, как оказалось, был написан очень вовремя. Спустя недолгое время Сигурд Оттович скончался. И я надеюсь, что портрет в Архиве РАН так и останется на долгие годы, изредка выходя «в свет», на выставки, передавая новым поколениям зрителей образ Сигурда Оттовича Шмидта.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фото С.Г. Новикова

Толстиков Генрих Александрович
(1933-2013)

Выдающийся советский, российский химик-органик, академик АН СССР (РАН) (1987), доктор химических наук (1969), профессор (1970). Окончил Казахский государственный университет (г. Алма-Ата, 1957).

Академик Толстиков Г.А. был директором Института химии Башкирского филиала АН СССР (ИОХ РАН) (1977-1993), зам. председателя, затем председателем Президиума Башкирского филиала АН СССР (с 1987 г. БФ Уральского отделения

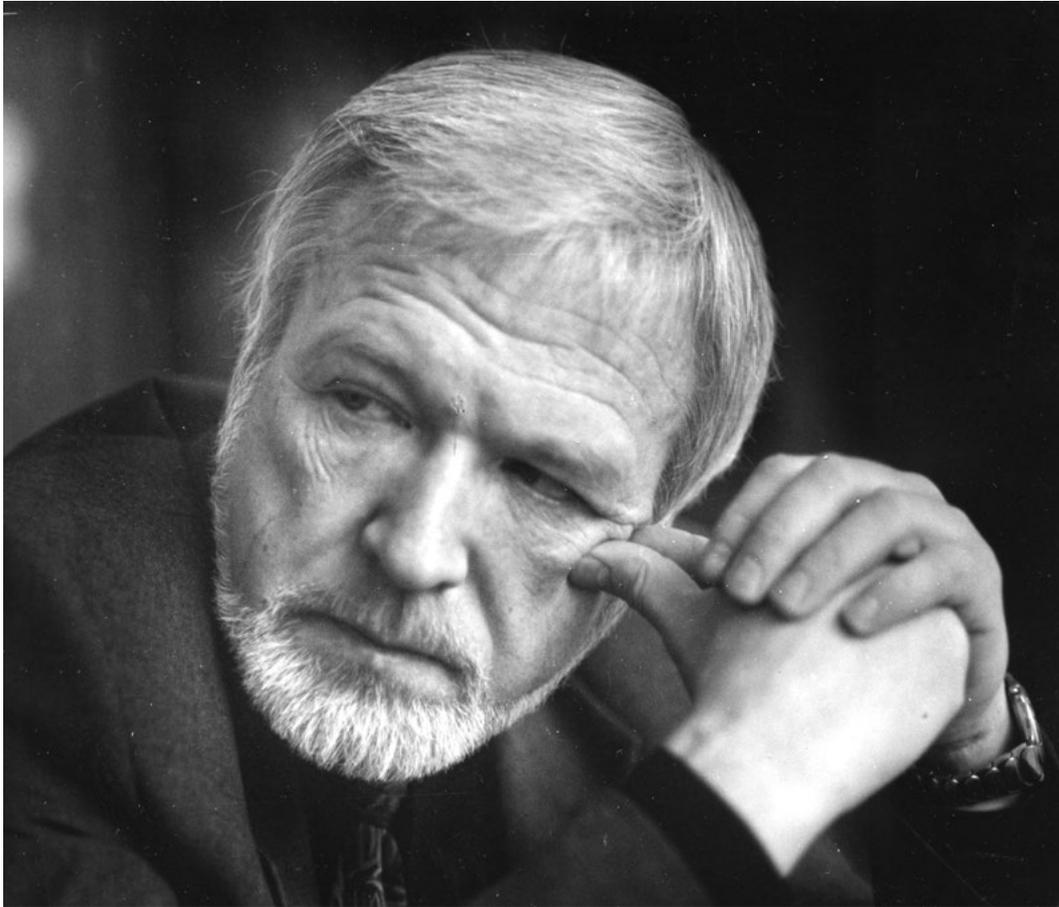
АН СССР, с 1992 г. Уфимский научный центр РАН) (1980-1993), первым заместителем председателя Уральского отделения АН СССР (УрО РАН) (1987-1993), директором Новосибирского института органической химии им. Н.Н. Ворожцова Сибирского отделения РАН (СО РАН) (1997-2002), первым заместителем Председателя СО РАН (1997-2002), Советником РАН (2002-2013), членом Президиума РАН (1997-2002), членом Президиума СО РАН (1997-2013).

Академик Толстикова Г.А. – создатель крупной химической школы. В числе его учеников один академик, четыре члена-корреспондента РАН, 35 докторов наук, свыше 150 кандидатов наук. Автор и соавтор свыше 1500 публикаций, в том числе 26 монографий.

Толстикова Г.А. разработал общие принципы подбора металлокомплексных катализаторов олигомеризации олефинов и диенов, предложил методы синтеза линейных и циклических полиенов, полициклических и каркасных соединений, азот-, кислород- и серосодержащих гетероциклов. Им были предложены высокоэффективные катализаторы стереорегулярной полимеризации диенов, обосновано применение контролируемого озонлиза алкенов как научной основы для развития исследований по полному синтезу феромонов, простагландинов и пиретроидов.

Толстикова Г.А. разработал лекарственные препараты на основе тритерпенов и сераорганических соединений. Внес большой вклад в создание новых высокоэффективных лекарств – противовоспалительных, противоязвенных, анти-СПИД препаратов и других. Академику Г.А. Толстикову принадлежит первенство в разработке многих современных промышленных технологий, в частности – первой в стране технологии получения синтетической гуттаперчи, экологически чистых, абсолютно безвредных удобрений-пестицидов, простагландиновых препаратов для промышленного животноводства.

Академик Толстикова Г.А. – лауреат Государственной премии СССР (1990), Государственной премии РФ (2003), Демидовской премии (1995), кавалер орденов «Знак почета» (1975), «Дружбы народов» (1980), «Почета» (1999), «За заслуги перед Отечеством IV степени» (2009).

Фото С.Г. Новикова

Молодин Вячеслав Иванович

(1948)

Выдающийся советский и российский археолог, академик РАН (1997), доктор исторических наук (1984), профессор (1991). Член Президиумов РАН и СО РАН. Окончил исторический факультет Новосибирского государственного педагогического института (1971).

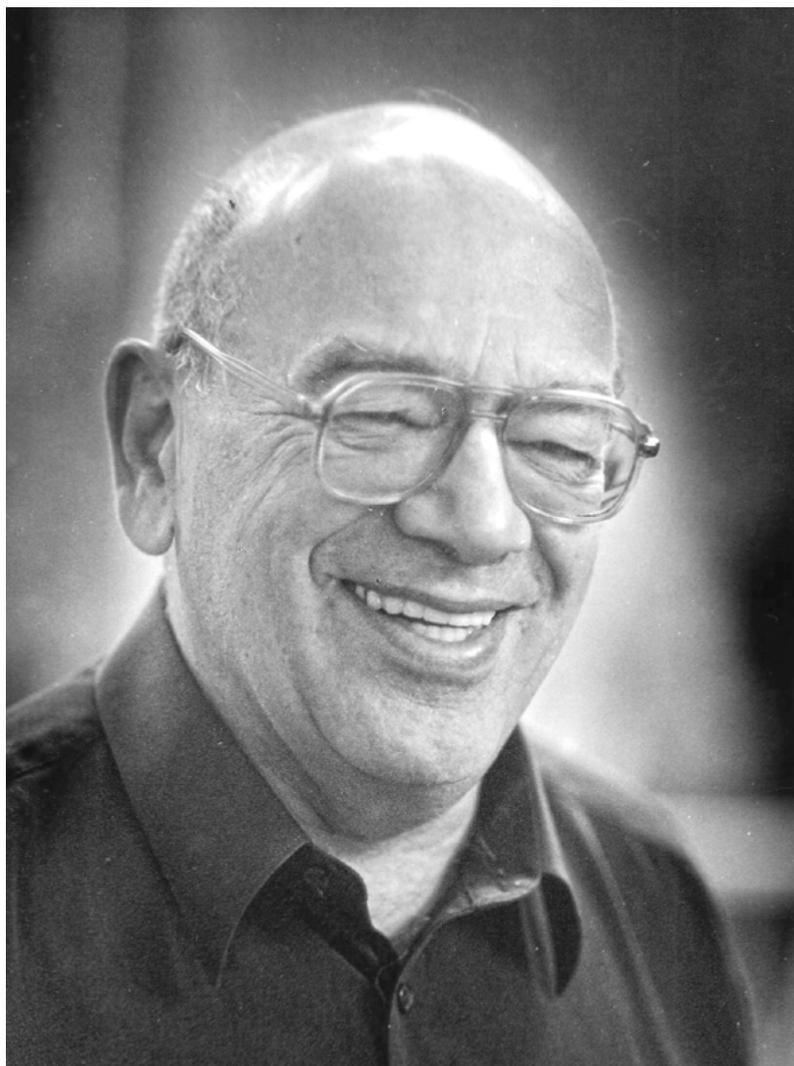
Академик Молодин В.И. – заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН (с 1993 г.), заместитель председателя Сибирского отделения РАН (1997-2001), первый заместитель председателя СО

РАН (2001-2008), член Совета при Президенте РФ по науке и образованию (2008-2010), председатель экспертного Совета РГНФ по региональным конкурсам, член Диссертационного совета при ИАЭТ СО РАН. Член-корреспондент Германского археологического института (Берлин), соруководитель Международной исследовательской программы «Пазырык» (1990–1995), с 2000 г. – со-руководитель Международного исследовательского проекта со специалистами Германского археологического института. Член-корреспондент Шанхайского Археологического форума Института археологии Китайской Академии общественных наук (2013).

Академик Молодин В.И. преподает в Новосибирском государственном университете, среди его учеников 4 доктора и 21 кандидат наук. Член редколлегий ряда отечественных и зарубежных журналов. Специалист в области археологии и древней истории Сибири, автор и соавтор более 650 научных работ, в том числе 39 монографий, опубликованных в отечественных и зарубежных научных издательствах.

Под руководством Молодина В.И. было проведено широкомасштабное изучение высокогорных районов Алтая, в ходе которого открыты и исследованы первоклассные, а в ряде случаев уникальные памятники пазырыкской культуры. Материалы исследований дополнили мировой фонд фундаментальных знаний по проблемам этногенеза и культурогенеза человеческих популяций, проживавших на территории Евразии две с половиной тысячи лет назад. На территории Южной и Западной Сибири Молодиным В.И. открыт и исследован целый ряд высокоинформативных археологических памятников, что позволило ему разработать концепцию этнокультурных процессов в регионе от эпохи ранней бронзы до этнографической современности. Им также впервые детально разработана концепция этно- и культурогенеза человеческих популяций, населявших обширный район Западно-Сибирской равнины с эпохи верхнего палеолита до позднего средневековья.

Академик Молодин В.И. – лауреат Международной премии им. А.П. Карпинского (2000), Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники (2005), лауреат Демидовской премии (2016), кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2014), ордена Почёта (2007), ордена Дружбы (1999), Креста первой степени ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» (2012), медали «Дружба» (Монголия, 2006).

Фото С.Г. Новикова

Моисеев Илья Иосифович

(1929)

Академик Моисеев И.И. – член Президиума Российского химического общества им. Д. И. Менделеева (1998). Член Президиума ВАК РФ (1992—2000). Член ученого совета ИОНХ РАН. Председатель экспертного совета по химии РФФИ (1993-2000). Почетный профессор РХТУ им. Менделеева. Почетный профессор МИХТ им. Ломоносова. Менделеевский чтец (СПбГУ, 1998). Лекция столетия Королевского химического общества Великобритании (2007).

Моисеев И.И. – научный руководитель направлений «Металлокомплексный

катализ», «Координационная химия» в Институте общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова (с 1963 г.). Научный руководитель Института фундаментальных проблем природного газа при РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. Преподавал за рубежом в качестве приглашенного профессора – в Италии (1991), Голландии (1995, 1997) и Германии (1996). Профессор в Российском государственном университете нефти и газа им. И.М. Губкина (2003).

Моисеев И.И. – специалист в области кинетики и металлокомплексного катализа жидкофазных органических реакций, автор более 80 патентов и авторских свидетельств, 500 научных работ. Открыл металлокатализируемую реакцию образования винилацетата при окислении этилена в присутствии уксусной кислоты. Реакция получила название реакции Моисеева. Впервые синтезировал ряд принципиально новых координационных соединений, в том числе гигантских кластеров. Разработал принципы конструирования каталитических систем для процессов селективного окисления алканов и алкенов. Создал высокоэффективные катализаторы превращения углеводородов. Обнаружил превращение пероксида водорода в озон.

Моисеев И.И. – лауреат премии им. А.П. Карпинского (1999), Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники (2002), премии Триумф (2002), Главной премии МАИК Наука (2004), Правительства Российской Федерации в области науки и техники (2011), Демидовской премии (2012).

Фото из собрания Архива РАН

Шмидт Сигурд Оттович
(1922-2013)

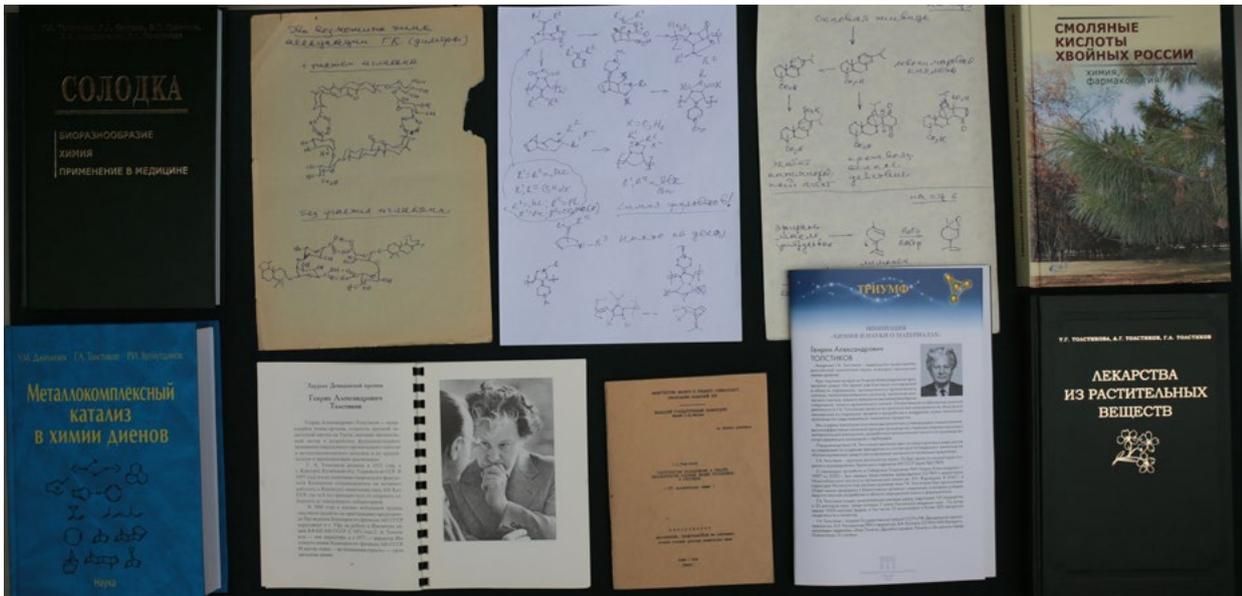
Выдающийся советский и российский историк и краевед, академик Российской академии образования (РАО) (1997), советник РАН, иностранный член Польской академии наук (1997), профессор (1970), заслуженный деятель науки (1989), сын знаменитого учёного и исследователя Арктики, героя СССР, академика АН СССР О.Ю. Шмидта, племянник философа Я.Э. Голосовкера. Окончил исторический факультет МГУ (1944).

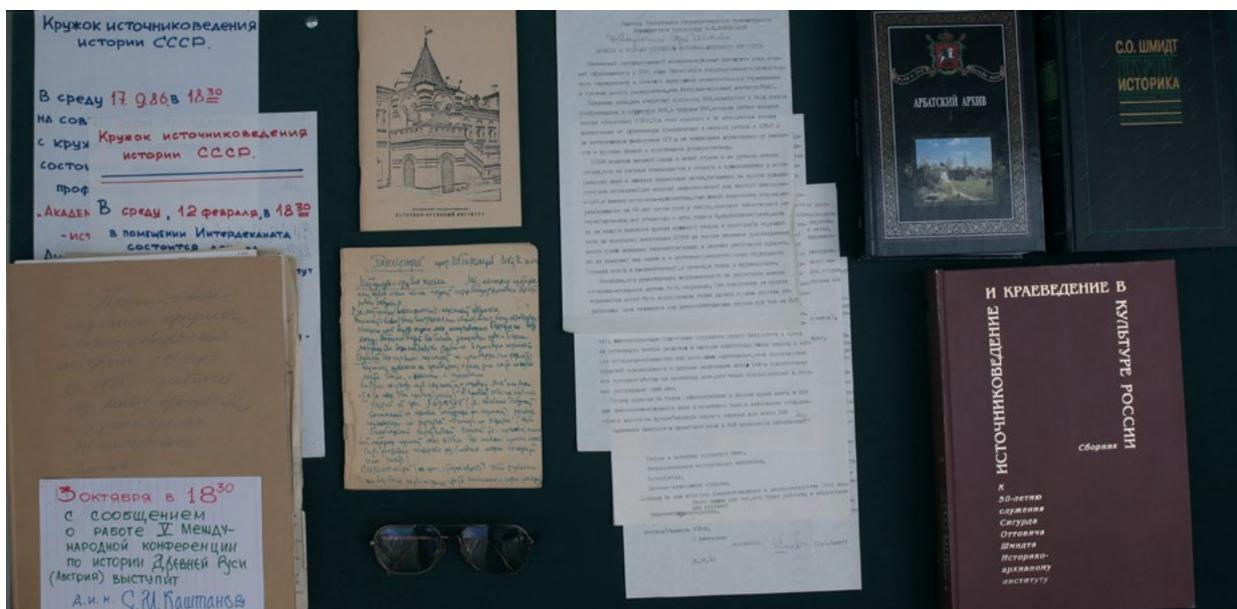
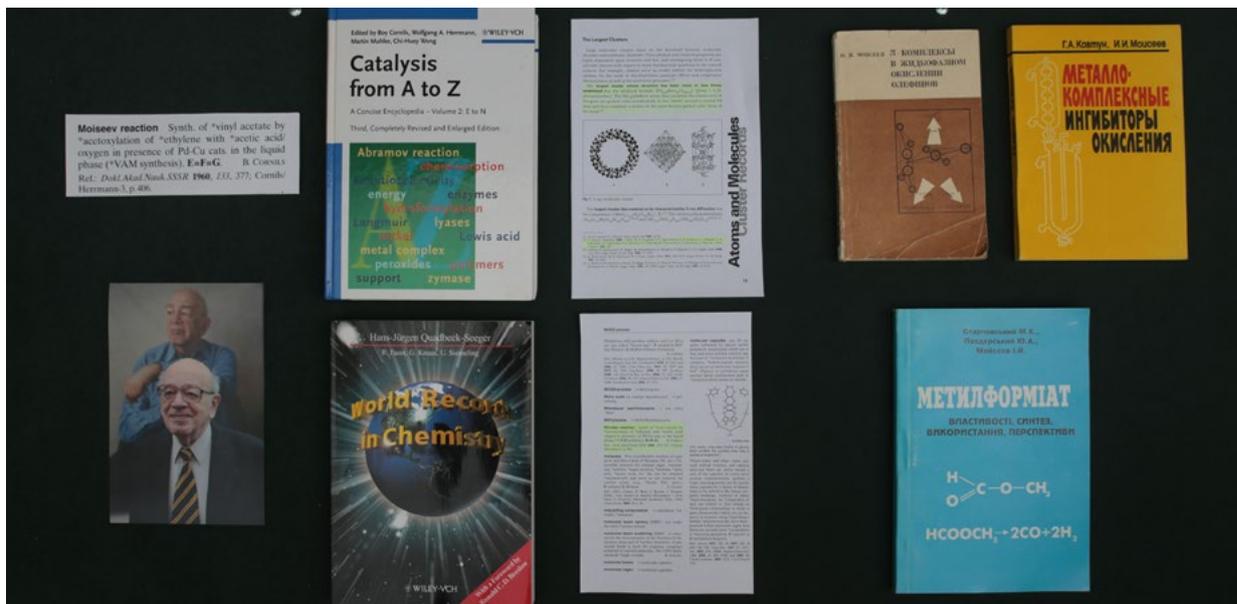
С 1949 года Шмидт С.О. преподавал в Московском историко-архивном инсти-

туте (ныне РГГУ). С 1956 г. работал в Институте истории АН СССР, с 2001 года – в Институте славяноведения РАН. Председатель Археографической комиссии Академии наук (1968-2002). Председатель Союза краеведов России (с 1990 г.) Член Государственного совета при Президенте Российской Федерации по особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации, ответственный редактор «Археографического ежегодника», Московской энциклопедии, заместитель председателя редакционного совета библиотеки «История Москвы с древнейших времен до наших дней».

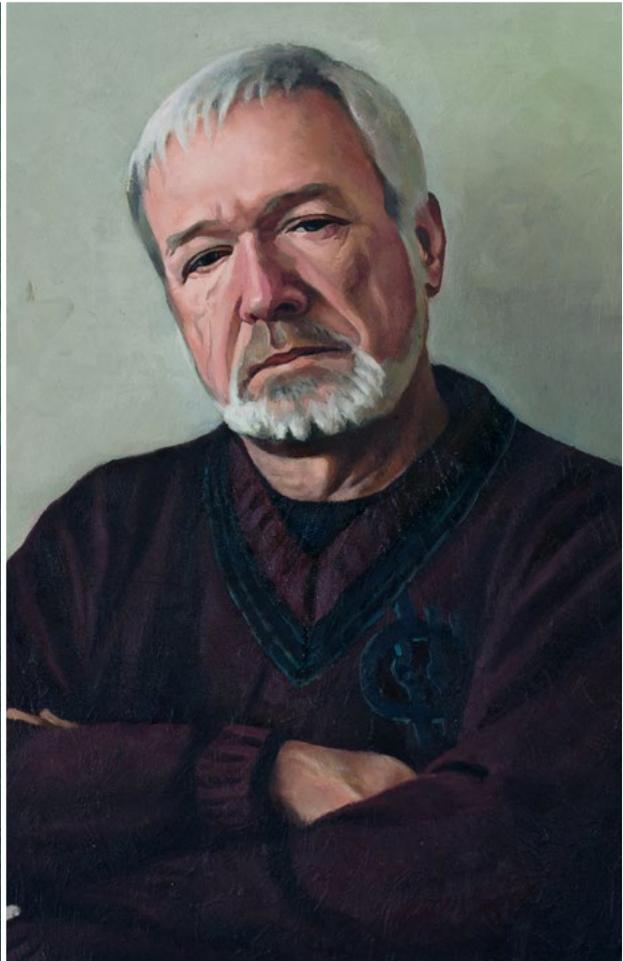
Шмидт С.О. – автор более 1200 научных трудов по истории культуры, историографии, археографии, архивоведению и др. Особенно значимы труды по средневековой российской истории XVI—XVII веков. С 1949 года Шмидт С.О. беспрерывно руководил в Историко-архивном институте студенческим научным кружком источниковедения отечественной истории, который стал, по определению Д.С. Лихачёва, «для многих его участников школой не только науки, но и гражданского поведения». Именно здесь сформировалась снискавшая широкое признание «школа Шмидта» – школа высокого класса источниковедческих исследований.

Шмидт С.О. – лауреат премии Правительства РФ (1999), лауреат Макариевской премии (2003), кавалер ордена Почета (1997), медали Пушкина (1997), знака отличия «За заслуги перед Москвой».

Фотографии витрин с научными изданиями и рукописями персонажей книги. Фрагменты экспозиции выставки «Наука и искусство в лицах. Портреты современников». Архив РАН. Москва. 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. М.В. Вяжевич. ИНТЕЛЛЕКТ В ИСКУССТВЕ. МЫСЛИ И ОБРАЗЫ.	3
2. А.Г. Толстиков. «ТРУД ДУШИ ЯВЛЯЕТСЯ НЕПРЕМЕННЫМ УСЛОВИЕМ СОЗИДАНИЯ САМОГО СЕБЯ» ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА РАН, ХИМИКА-ОРГАНИКА Г.А. ТОЛСТИКОВА	11
3. А.Г. Толстиков. «Я ВСЕГДА ХОТЕЛ СТАТЬ АРХЕОЛОГОМ» ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА РАН, АРХЕОЛОГА В.И. МОЛОДИНА	31
4. А.Г. Толстиков. «Я ПРОДУКТ ВОСПИТАНИЯ СЕМЬИ, ВУЗА, СВОЕГО КОЛЛЕКТИВА...» ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА РАН, ХИМИКА И.И. МОИСЕЕВА.....	63
5. В.Ю. Афиани. «ГЛАЗ ХУДОЖНИКА СРАЗУ ЖЕ ПРИМЕЧАЕТ ТО, ЧТО ОЩУЩАЕТСЯ СЕРДЦЕМ» ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА РАО, ИСТОРИКА С.О. ШМИДТА.....	85
6. ПРИЛОЖЕНИЕ	115

Документально-художественное
издание

ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТА

(часть 2)

А.Г. Толстиков, В.Ю. Афиани –

Москва: Архив РАН, Российская академия художеств, 2017

Подписано в печать 28.02.2017. Тираж 50. Объем 132. Заказ 161.

Подготовлено и отпечатано в Типографии «Диджитал Арт»

Адрес: 125130, Москва, 6-й Новоподмосковный пер. 3, вл. 9

Тел: +7 (495) 647-88-97

Сайт: www.dapress.ru

E-mail: mail@dapress.ru